

УДК 929.5(470)
ББК 63.2(2)

МОЯ СЕМЬЯ В НЕПИСАНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (Рассказ внуку)

Фёдоров Михаил Иванович,
адвокат, писатель
(г. Воронеж)

Аннотация. Рассказ о корнях писателя и адвоката Михаила Фёдорова.
Ключевые слова: история России, Михаил Фёдоров.

MY FAMILY IN UNWRITTEN HISTOTY OF RUSSIA

Fedorov M.I., lawyer, writer
(Voronezh)

Abstract. Story about kinsfolk of writer and lawyer Michail Fedorov.
Key words: history of Russia, Michail Fedorov.

*Чашу жизни пьёшь, пьёшь –
и не напьёшься...*

Часть первая.
Материнская линия

1

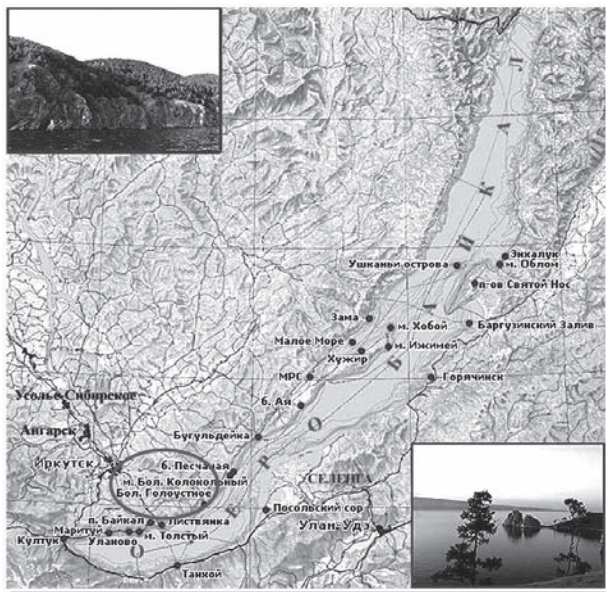
Мне уже за шестьдесят, и я давно собирался рассказать внуку о наших корнях. Всё, что знаю, без утайки. И вот собрался. Так слушай же рассказ, который сложился из многих рассказов наших с тобой близких.

Есть такое село на Байкале – Большое Голоустное [1], или, как его называли ещё, – Голоустная. Но оно не такое уж и большое. Голоустное значит «голое устье». Когда бывает голое устье? Когда у реки везде много леса, а у устья, где река впадает, леса нет. Вот тебе и

голое устье! А от голого устья идут повсюду отпрыски речек, что стекаются к Байкалу. Приходят к Байкалу по месту, которое, как ветви родни, тоже стекаются к твоим, мой друг, корням. Замечу: есть ещё Малое Голоустное. Но это где-то в горах Байкала, о нём речь здесь не пойдёт.

По линии моей мамы мы Стрекаловские. Это сейчас говорят «Стрекаловские», а тогда говорили «Стрекаловские». Начало их пошло со ссыльного человека, который приехал в Большое Голоустное. Это период, может, одного из самых последних разделов Польши. Его фамилия была Стрекаловский, и звали его Михаил. Он поляк. Почему русское имя – не знаю. Может, его окрестили в православную

Большое Голоустное на карте Байкала

веру. Ссылных было двое. Второй русский – Белозёрцев. Так вот в этом селе Большом Голоустном в основном и образовалось две фамилии – Стрекаловские и Белозёрцевы.

У этого Михаила, конечно, была семья. Кто была его жена, я не знаю. Возможно, из местных, из бурят.

У Михаила были сыновья. Один из них – Иван Михайлович. По-видимому, это была богатая семья в деревне. Дело в том, что в 1973 году туда ездил мой дядя, Михаил Михайлович [2], брат моей мамы, и нашёл около разрушенной к тому времени церкви памятник Ивану Михайловичу Стрекаловскому. Памятник – из белого мрамора. Не секрет, что если кого хоронили у церкви – так особо почитаемых. Вот таким был Иван Михайлович.

Он женился на Матрёне. У Ивана с Матрёной было много детей. У них были: Сергей Иванович, Гаврила Иванович, Илья Иванович и Егор Иванович. И одна только дочь – Настасья Ивановна. Потом в пору гонений нашим родным даже довелось жить у Настасьи.

Вот эти родственники идут по лесенке Голоустной. Годы это дореволюционные. У каждого своё хозяйство. Каждый трудился. Сыновья Ивана строили дома по берегу Байкала. Дома Гаврилы Ивановича, Сергея Ивановича, Ильи... Добротные, большие. А раньше не просто дом возводился, а надо усадьбу, там скот держать. Поэтому, представляешь, насколько берег Байкала был занят Стрекаловскими?

Младшим сыном Ивана и Матрёны был Егор Иванович. Он мне приходится прадедом. По-нашему и по-деревенски Егор, а по-городскому – Георгий. Оттого мой дед – это я забегая вперёд – величал себя Михаил Георгиевич, хотя его отец себя Егором называл. У нас даже церковь Егора Георгием называют. Это в порядке вещей.

Современный вид Большого Голоустного

Егор Иванович был женат. Жену Егора Ивановича звали Екатерина Семёновна. Она – с верховий Байкала. Если судить по её скулам, была она из бурятской семьи. Почему так получилось, что с верховий Байкала? Потому что в то время жители села Голоустного очень много ездили и возили разные вещи из верховий Байкала в низы. В том числе – песок. Строительный песок, который был нужен. Строили много. Ну а кроме того была своя добыча. Что добывали? Нерпу добывали. Нерпа – это тюлень малый. Рыбу ловили, поэтому плавали много. И вот в одно из плаваний познакомились братья Сергей, Гаврила, Илья, Егор с семьёй Петровых.

Те жили в деревне Петровка, Петровке, с этой же стороны Байкала, напротив острова Ольхон. Оно и сейчас есть. До него плыть три дня на пароходе. У Петровых Семёна и Федосья были дети: сын Ефим и дочери – Аграфена и Екатерина. Екатерина и вышла замуж за Егора Ивановича.

Надо сказать, что её матушка, Федосья, прожила сто двенадцать лет, а отец Ефим рано ушёл из жизни. Федосья была бойкая бабушка. В девяносто лет сама ходила за ягодами. Ею все дивились, потому что её младшая дочь – не Екатерина, а Аграфена – показывала: «Глядите, бабенька пошла!»

Бабушка Федосья некоторое время жила у своей дочери Екатерины и всё любила разговаривать со своим старшим сыном Ефимом Семёновичем. А этот Ефим Семёнович после ранней смерти своего отца Семёна принял у него дела, которые были у того связаны с песком. Добывали его.

Поэтому они и были знакомы со Стрекаловскими. И выдали за Стрекаловского Егора Ивановича Екатерину Семёновну, которая была намного моложе мужа. Её потом в семье звали «бабенькой».

Такая вот была связь. Родня по Байкалу везде ползла. Одни женились, другие расходились. Стрекаловские – переселенцы. Петровы – переселенцы. Устьянцевы – это тоже родня, но о ней попозже – переселенцы. Лыткины... Белозёрцевы... Тогда так было: куда отправят группу людей, там они и живут – переселенцы. Стрекаловских много по Байкалу!..

2

Мой прадедушка Егор Иванович был здоров. Занимался отбором и перевозом песка. На баржах. Имел двухэтажный дом. Лавку на первом этаже. Если ты посмотришь на их семейное фото, то увидишь строгие трудовые лица прадеда и прабабушки.

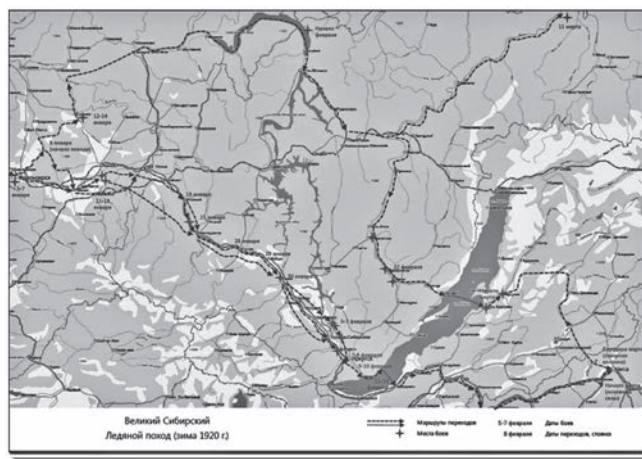
Им досталось в гражданскую. То красные занимали деревню, то белые. Отбирали лошадей, кормёжку. А Стрекаловские-то были зажиточные.

Егор Иванович и Екатерина Семёновна
Стрекаловские

А потом мимо шли каппелевцы [3]. Бежали через Байкал. Байкал в то время застывший был. И заразили народ тифом. Тиф брюшной, сыпной.

Почему заразили? В деревне чего-то там покупали, брали, отбирали и прочее. Вот Егор Иванович и заразился. И умер в то время. А бабушка Екатерина Семёновна тиф пережила. Хотя болела тифом, причём брюшным, потом всё вспоминала, как хотела есть, а ей было нельзя. Докторов ведь не было, а люди говорили, что нельзя есть. Держалась, не ела. Сама понимала: жить хочешь – терпи. Так вот, когда каппелевцы проходили, тогда прадед и умер.

Карта передвижения каппелевцев
зимой 1920 года

После того, когда мужа не стало, Екатерина Семёновна оклемалась и поднялась. Тут они песком уже не занимались. На земле сеяли, потом урожай продавали. Себя обеспечивали, скотину держали.

У Егора Ивановича (или Георгия Ивановича!) с Екатериной Семёновной был сын Михаил Георгиевич [4]. Не Егорович, как по прадеду, как тот себя звал. Он – младший, родился в 1903 году. Была дочь Олимпиада Георгиевна, старше его. Её ещё Липой звали. Был ещё старший сын Иван.

В Михаиле Георгиевиче просматривались его польская и бурятская кровь. Он был брюнет, чернявый, стройный, высокий. Нос у него был немножко с горбинкой – польская порода. Однако что-то смешано с местным, с бурятским.

Михаил Георгиевич, как и почти вся его родня, родился в Голоустной. У него был такой

период, когда он в Иркутске учился в гимназии. Надо сказать, что в гимназии проучилась его сестра Олимпиада, его старший брат Иван, то есть Иван Егорович.

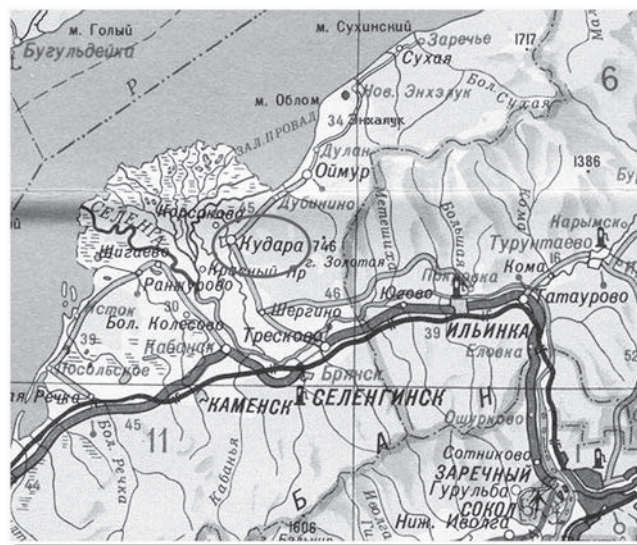

Женская гимназия в Иркутске

Михаил Георгиевич по возрасту был намного младше сестры Олимпиады и старшего брата Ивана. Поэтому, когда он подросток, а Егора Ивановича тогда уже там не было, он и жил у сестры Олимпиады в Иркутске. Та в шестнадцать лет выскочила замуж за тамошнего землемера Михаила Николаевича Караваева. Эту фамилию запомни, с нею многое связано в нашей жизни. И вот, живя у Караваевых, Михаил Георгиевич окончил гимназию. Он окончил гимназию, видимо, удачно, хорошо. И это во многом сказалось на его дальнейшей судьбе.

Было такое селение на другой стороне Байкала – оно и сейчас есть – Кудара. В Кударе жили купцы. Возили туда-сюда товары. Постоялый двор держали. Кто-то подымался на уровень купца маленького, кто-то побольше, кто-то в работниках жил, кто-то магазин открывал. В Кударе был один купец, который поставлял товары Двору Его Императорского Величества. У этого купца служил приказчиком некто Григорий Устьянцев. Я эту фамилию упоминал. Так, спрашивается, причём здесь Устьянцев?

Сначала несколько слов о том, откуда взялись Устьянцевы. Возможно, что Устьянцевы – без «т». Родоначальник – тоже не местный. Видимо, из числа ссыльных. Когда ссылали в Сибирь, разрешали селиться в разных местах. Вот Устьянцев (Усьянцев) выбрал более или менее не самое глухое, торговое место – Кудару. В Кударе и поселился. Он жил скромно, даже

Селение Кудара на карте

бедствовал. У него было пятеро детей: Фиса – старшая, Зина – потом, Люба – третья, Клавдия – четвёртая (она немножко не в своём уме была), а ещё был Александр, который служил в солдатах в царской армии.

Так вот, подростка Любу [5] в семнадцать-восемнадцать лет (она родилась в 1902 году, это уже для того времени считалась взрослая девица) отдали к старшей сестре Феоктисте помогать по хозяйству. Та была замужем за купцом Гашовым, хозяйство у них было большое, требовались рабочие руки, а тут для Любы хоть небольшой, но достаток.

Вот эта Люба и стала женой Михаила Георгиевича.

Как это случилось? В селе Большом Голоустном Стрекаловские считались довольно не бедным семейством. В нём росли два сына и дочь. Старший сын Иван уже женился, дочь выскочила замуж в шестнадцать, пришла пора женить младшего сына Михаила.

Сам Михаил поиском невесты не занимался. Как он молодость свою проводил, неизвестно, а командовала всем Екатерина Семёновна, бабенька. Егор Иванович уже к тому времени ушёл из жизни.

Стрекаловские дружили домами с Гашовыми. Гашов обитал в Кударе. Зимой и летом они общались через Байкал. Когда встал вопрос о женитьбе младшего сына, бабенька Екатерина Семёновна и говорит:

– А чего тут думать? Вон девка у Гашовых, молодая-то... Любка. Какая шустрая, бойкая!

Они бывали там, её видели.

А шёл 1923 год. Бабенька нашла случай устроить смотрины. Взяли с собой жениха, приехали в Кудару, в хозяйство Гашовых. Поглядели Любку в деле, какая она дородная девка, крестьянская, всё у неё горит в руках, всё она делает. А надо сказать, что это было главное условие для бабеньки. Ей же надо хозяйство вести, кто-то работать должен. А кто? Дочка Олимпиада – в Иркутске. Сын Иван откололся. Он с братом разделили хозяйство: ты ведёшь своё, я своё, как говорят, ложки поделили.

Остался Михаил. А чего с Михаила? Михаилу нужна невестка-работница. Вот работница! Михаил вроде ни «а», ни «бэ».

Забрали Любу, привезли и обвенчали. Показали, где работать. Она впряглась и всю жизнь там пахала. Что на неё свалилось? Дом. Хозяйство. Работников нанимали, не нанимали – не знаю. Но скот какой-то был, лошади, земля.

3

Если говорить об Устьянцевых, то следует сказать, что был у Любы брат Саша. Старший. Была Зина. Зина – это сестра Любы. Она жила в Свердловске, ныне Екатеринбурге. Там – Маргарита, Зинина дочка. Они пошли в торговлю. Сами торговали, в магазине работали. Фамилия их Бочалгины. Вот эти Бочалгины были когда-то большими торговцами. Даже в Иркутске магазины имели. Ну, это к слову.

Любовь Григорьевну выдали за Михаила Георгиевича, который был примерно в том

Дом Михаила Георгиевича Стрекаловского в Большом Голоустном

возрасте, когда окончил гимназию. Тогда революция ещё никого особо не коснулась. Они жили на Байкале, в Голоустной. А здесь – хозяйство, хозяйство и хозяйство. Бабенька Екатерина Семёновна уже от дел почти отошла – старая была. Ну, не очень старая, но всё же. Они нанимали рабочих. Михаил Георгиевич технику покупал, всё совершенствовал труд. Люба со светла до темна по хозяйству возилась.

И всё ругала: «Надоела мне эта "абда"!»

А что такое «абда» – поди, расшифруй.

Первым ребёнком у Михаила Георгиевича и Любови Григорьевны была Аполлиария, моя мама. Аполлиария Михайловна [6]. А второй ребёнок, оставшийся в живых (двое-то мальчиков умерли ещё маленькими), – это Михаил, Михаил Михайлович, мой дядя Миша. Но его рождение произошло почти через семь лет.

Аполлиария, а проще Поля, родилась 17 января 1924 года дома в Голоустном.

Поля Стрекаловская

Почему её так называли?

У отца Михаила Георгиевича – Егора Ивановича – был брат Илья Иванович. Илья жил в Иркутске – они туда переехали. У него была дочь – Аполлиария Ильинична. Вот именно Михаилу Георгиевичу так понравилось это имя, что он дочку и назвал Аполлиарией. А вообще это имя в то время было широко распространено, и поэтому

у нас было три Аполлинаруи: моя мама Аполлинурия, Аполлинурия Ильинична и ещё одна Аполлинурия Михайловна – это Лыткина. У одного из братьев Егора Ивановича – Сергея Ивановича – была дочь (у него мальчишек не было) Анна Сергеевна. У этой Анны Сергеевны было две дочери – Анна и Антонина. Так вот у дочери Антонины была дочь Аполлинурия. И тоже Михайловна, потому что отца её звали Михаил Лыткин. Эта Аполлинурия вышла замуж и жила в Москве.

Михаил Георгиевич, когда впоследствии ездил в Ленинград через Москву, он с ней встречался. Видишь, как всё сплелось в нашей родне!

А за месяц до рождения моей мамы, в декабре 1923 года, появилась на свет дочь сестры Михаила Георгиевича Олимпиады – Катя (как мы её звали тётя Катя), Екатерина Михайловна Караваева [7].

Тогда у власти хоть и были коммунисты, но коммунисты-то в центре, а в Сибири их ещё не особо чувствовали.

Михаил Георгиевич с семьёй жил в отцовом двухэтажном доме. На первом этаже была лавка. Михаил Георгиевич вынужден был вести отцовское хозяйство – отца уже не было, а дедушка ноги потерял. У него их не оторвало, просто они у него не работали. Он стал машины покупать, чтобы землю пахать, небольшие машины, но которые впрягают, косилка какая-нибудь, сеялка-веялка, чтобы не рукой разбрасывать. Своя земля была: одно поле, другое поле огороженное. Выращивали хлеб, картошку, сено, скот был. Коровы. Скота много было.

Вскоре пришлось из Иркутска забрать сестру Олимпиаду Георгиевну с дочерью Катей. Михаил Георгиевич с братом Иваном Егоровичем поехал в Иркутск. А у Михаила Николаевича Караваева, мужа Олимпиады, был дом в Иркутске, и его решили продать, а сестру увезти. В сани сложили вещи и повезли, повезли по Байкалу. Зимнее время было. Стоял лёд. А Михаил Николаевич уже уехал из Иркутска. Он был землемером. Землемерил. А подчинение было, что у нас сейчас Улан-Удэ называется, а раньше называлось Верхнеудинск. Есть ещё Нижнеудинск – это

перед Байкалом, а то – за Байкалом. Он потом оттуда приезжал к Олимпиаде в Голоустное, но у них уже всё не ладилось. Он продолжал работать, потом спился. Он умер в Иркутске. У него там была женщина, соседка – кстати, первая крёстная Катя. Крестили её в 1924-м году, ведь родилась она в декабре 1923-го.

Забрали Олимпиаду Георгиевну с дочерью, и те тоже поселились в Голоустном.

4

Началась коллективизация. Михаил Георгиевич ни с того ни сего ко всему охладел. Как рассказывал мой дядя: лежит на диване, читает газету. Екатерина Семёновна, его мамаша, говорит ему: «Парень, ты что же лежишь? Иван [8] всё уже засеял. Посевную закончил. Так ты всё пролежишь».

В деревне был один мужик, похожий на бомжа, то ли Емелюшка его звали, то ли Алёшенька.

Михаил Георгиевич, не шевелясь, отвечает матери: «Емелюшке хватит и этого...»

И не идёт ни пахать, ни сеять. Но очень внимательно читает газеты. В то время все в газетах писали, призывали к коллективизации, рассказывали о прелестях будущей жизни, социализма, коммунизма.

Мать ему опять что-то подобное говорит, он – снова: «Емелюшке и этого хватит – того, что насадили...»

И опять ничего не делает.

Но он немножко-то подрабатывал на лесосплаве. По реке Голоустной лес сплавляли.

Окрестности Большого Голоустного

Где-то в горах его рубили, пилили. В плоты связывали. И вдоль Байкала через Ангару, километров пятьдесят, в Слюдянку тянули. Там железная дорога проходила, и лес продавали. Но это для деда было как бы походя.

Он как в воду глядел. Вдруг попал в кулаки. «У тебя машины, у тебя тёлки, у тебя коровы, лошади, земля... Отдавай!»

Он не отдаёт. Выжидает.

А его – хоп! – и забрали ночью. Забрали брата Ивана. Они оказались в Иркутске в тюрьме.

Иркутский тюремный замок

Любовь Григорьевна написала письмо мужу: «Что делать? Меня тут прижимают». А он ей ответил: «Отдай всё и не сопротивляйся».

Видимо, понял, что к чему.

Люба решила всё отдать. А передать-то надо. А здесь, в Голоустном, никуда не денешь. Самое близкое село по Байкалу – Листвиничное. Километров за шестьдесят. И это на исходе её беременности.

Кого-то наняла. Запрягла лошадей в сани. В них побросала, что на сдачу. Согнала скотину. И по льду. Дело-то мартовское...

Сдала всё. И – назад.

А берег оброс замороженным льдом. Она едет, сани пустые, всё сдала. Только полозья коснулись земли – немножко дальше там уже снег был, – она как закричит выскочившим навстречу бабеньке и Олимпиаде: «Ставьте самовар!» Бабеньке ещё: «Рожать надо».

Та – за повивальной бабкой.

А Любовь Григорьевна, героическая женщина, она, конечно, не первородок, у неё были дети, которые умерли. Но пока все бегали да самовар ставили, ребёночек

родился. Женщина пуповину зубами откусила, перевязала.

Так на свет появился Михаил Михайлович, мой дядя. Это случилось 13 марта 1931 года.

Когда всё отдали, Михаила Георгиевича выпустили из тюрьмы. Бабенька с невесткой Любовью, её малыми детьми, дочерью Олимпиадой и внучкой Катей стали жить во флигеле теперь уже их бывшего дома, а Михаил Георгиевич подался в геологи.

Слева направо: Любовь Григорьевна, Поля, Михаил Георгиевич Стрекаловские

Следует заметить, что после того, как Михаил Георгиевич всё потерял, в Голоустном он не показывался. Ну, может, и заезжал, но ни к чему не притронулся. А тут на Байкале появилась геологическая партия, проходила через деревни. Они приглашали рабочих. У геологов то что-то тащить надо, то что-то крутить, вертеть. Скважины какие-то. Копать шурфы. Искать полезные ископаемые. Ленинградская партия. Неизвестно сколько человек. Но пригласили, видимо, и его. Или он услышал о приглашении и сам обратился.

Они его взяли. И он с ними стал работать. Первое время работал в Котах. Коты – это промышленное село на половине дороги между Голоустным и Листвянкой. Там и копали, искали золото, руду.

Михаил Георгиевич грамотный, гимназию окончил – по тому времени это большая грамотность. Он и сгодился Балавинскому, руководителю партии. Михаил Георгиевич

Большие Коты. Современный вид

здесь поработал. Геологи дальше пошли – он дальше с ними пошёл. И ушёл.

А семья осталась в Большом Голоуственном.

Балавинский с дочерью

Голоустенские мальчишки

5

Балавинский после того, как закончил работу на Байкале, уехал в Ленинград. А потом был назначен в Магнитогорск. Магнитки тогда ещё не было, но уже нужны были глины, шамоты. Шамоты – это специальная смешанная с песком глина. Из шамотов делали стены мартеновских печей.

Если на Байкале партия искала золото, геологи широкого профиля руды искали, минералы искали или общего поиска всё, что попадётся, камушки разные кололи, копали ямки, то тут их уже жёстко нацелили.

Начальство по воле Москвы приказало ехать на Урал и там вести работы: искать огнеупорные материалы для металлургии. Металлургия не может работать без этих материалов. Кирпичи, пески огнеупорные нужны. Михаил Георгиевич с ними и попал под Магнитку.

Есть в Троицком районе село Песчаное. Это ниже Челябинска. Троицк. Там несколько районов, в том числе Песчаный.

*Михаил Георгиевич
Стрекаловский*

Михаил Георгиевич говорит дома: «Еду в Песчаный...» А его не могли понять: где этот Песчаный?

И только позже на карте нашли Песчаный. Там Михаил Георгиевич жил с семьёй какое-то время: год или два. В каких-то временных постройках. Дочери Полине уже стукнуло восемь-девять лет, сыну Мише – один-два годика.

Бывало, Полина захочет с девчонками идти на речку играть, а маманя ей не разрешает: «Ты вон занимайся братом... Ладно, с Мишкой пойдёшь, а одна не пойдёшь».

Полина возьмёт брата за руку, потащит на речку. Посадит, камыша нарвёт, наложит ему на грудь, а сама купается в воде, за младшим не смотрит.

Любовь Григорьевна ждёт сына, а его долго нет. Придёт на речку: сын сидит зелёный весь, жуёт камыш.

Вот какие воспоминания детства остались у дяди Миши.

Потом переехали из Песчаного в Магнитогорск. Сначала жили на Ежовке. Это если из другого городского района Берёзок ехать в центр на трамвае, то первая остановка будет «Туково», потом – «Док», потом – «Ежовка», потом – «Пятый участок», потом – «Заводоуправление».

Что означает «Ежовка», никто не мог пояснить, но «Ежовкой» она на всю жизнь и осталась. Там Стрекаловские жили в каком-то бараке вчетвером.

Екатерина Семёновна всё ещё находилась вместе с Олимпиадой Георгиевной и её дочерью Катей в Голоустном. Им оставили комнатёнку во флигеле их бывшего дома.

Тридцатые годы, по воспоминаниям многих родственников, – самые неприятные годы. Закрылась церковь в Голоустном. Тётя Катя рассказывала, что батюшку замучили местные парни. Он кого-то покритиковал, его в отместку избили. Он уехал в Листвянку. Там его лечили и не вылечили, он там и умер. Почему это запомнилось тёте Кате? Потому что она человек дважды крещённый. Первый раз её крестили в Иркутске, это в 1924-м году, так как она декабрьская, 1923-го года. А второй раз – по настоянию её мамы Олимпиады Георгиевны. Та уже болела, уговорила батюшку и бабеньку, и Катю окрестили в возрасте восьми лет или около восьми. Крестил батюшка, которого потом побили.

Почему Олимпиада так поступила? Потому что в то время – из истории можно узнать – было такое церковное течение, оно называлось «Живистская церковь». Последователи этого течения были лояльны к власти, они не придирались. Некоторые каноны, запреты,

Листвянка

которые обычно несла православная церковь, отбросили. Тётю Катю в такой живистской церкви в Иркутске и крестили. И её мама считала, что её неправильно крестили. Может, сыграло роль и то, что первой крёстной была их соседка, к ней потом ушёл Катин отец. И мама Кати уже перед смертью потребовала второй раз крестить дочь.

Видимо, крещение сыграло свою основательную роль: тётя Катя и в восемьдесят пять лет была в здравии и свету Божьему радовалась.

Мама Кати уходила из жизни от туберкулёза. Дочь к себе не подпускала. Они уже снимали комнату у хозяев – из флигеля их выгнали. Тётя Катя, только повзрослев, начала понимать, почему мать её к себе не допускала – боялась заразить, вот и гнала.

А бабенька – Кате: «Успокой мать...»

А подойти нельзя. У неё дело дошло до кровохаркания. Она лежала, её в Иркутск возили, она и там лежала. Хиной травили в то время.

Катя тогда что понимала? Раз мать гонит – значит, мать сердится, надо от неё уйти...

Где её похоронили? Тогда жили в Голоустном, там и похоронили. На деревенском погосте.

Много нашей родни там. Хотя разве скажешь, где именно! Все – в земле.

6

Катя осталась сиротой в возрасте семи лет летом 1932-го или 1933-го года. Они с бабенькой продолжали жить на Байкале. Жили в Голоустном, жили у тётки Настасьи, сестры

мужа бабеньки Егора Ивановича, в Листвянке. Это всё из династии Стрекаловских.

В Голоустрое Катя пошла в школу сразу во второй класс, проучилась до четвёртого класса. Голоустное – немалое село. Там была деревенская школа. В ней преподавал бурят. Он вёл все предметы. Даже все классы сидели в одной комнате. Тёте Кате почему-то запомнился день, когда убили Кирова. Это первого декабря 1934 года. У них в школе висели портреты членов Политбюро, и им показывали, которого убили.

Раз она поехала на лошади за ягодами, а лошадь встала. Что коню захотелось? Покупаться в реке. А тётя Катя – малая тогда – в седле сидит. Если на лошадь брызнуть, она слетит с седла. Натерпелась страху!

За ягодами все ездили. Сделают из бересты корзинку – не корзинку, пяток назывался – по-нашему, ведро, только верха у него нет. Привяжут к животу и набирают ягоду, а потом продают. Себе сушат на зиму. Так и жили деревенские. Бруснику ели. Там другой ягоды и не было.

А в пятый класс пошла в Листвянке, потому что там были старшие классы, которых не было в Голоустрое. Когда училась, корабль «Михаил Лыткин» – «Дядя Миша», так звали его – плавал. По Байкалу ходили небольшие корабли, и возили они, что Бог пошлёт. А дядя Миша Лыткин был его капитаном. Дядя Миша – отец Люси. Это надо снова вернуться к ветви Стрекаловских. У Стрекаловского Ивана Михайловича помимо одного сына, моего прадеда Егора Ивановича, был ещё сын Сергей. У него была дочь Анна Сергеевна, которая вышла замуж за Лыткина. Вот и получилось: «Михаил Лыткин».

Листвянка – село больше Голоустрое. Как через Ангару переплыть, там есть проезд поезда. Школа была со старшими классами. Оно правильное называлось Листвиничное. Лиственницы там росли.

Пятиклассники часто ездили из Листвянки в Голоустное на корабле «Дядя Миша». Почему на нём ездили? А потому что дядя Миша Лыткин был механиком корабля, он возил ребятишек-школьников, которые на выходные дни ездили в деревню. А там надо было шестьдесят километров проплыть. Он со школьников никаких денег не брал,

Корабль на Байкале

в лучшем случае – поясок яблок. А чтобы доплыть до Голоустрое, нужно было немало времени. Получалось так, что дети вечером отправлялись, ночью прибывали в деревню, два часа на свидание с родными – и назад.

А если холодно на палубе, то залезут туда, где печка греет. Дядя Миша всяких сюртуков набросает, а там тепло было.

Вот это осталось в памяти тёти Кати о детских годах.

Когда в Листвянке пятый класс кончила, тогда они с бабенькой собрались уезжать.

Михаил Георгиевич с семьёй какое-то время пожил на Ежовке, потом переселился в другой район Магнитогорска – Берёзки. В дом, специально построенный для геологов: двухэтажный, упрощённый, с печным отоплением. Квартира была на первом этаже налево и состояла из двух комнат.

Туда бабенька Екатерина Семёновна и приехала с Катей.

А до этого она присылала в Магнитку посылочки с грецкими орехами, рыбкой вяленой. Видимо, она жила в Голоустрое спокойно, её сильно не беспокоили. Потом она как-то приехала, посмотрела, как тут сынок устроился. Посудили-порядили, что делать дальше, оставаться ли в Голоустрое с сиротой Катей, и решили, что они будут переезжать.

Это происходило где-то году в 1935-м. Михаил Георгиевич поехал на Байкал, забрал их самих, их вещи. Привёз сундук. Здоровый сундук! Там было бабенькино добро.

*Первый ряд слева направо: Любовь Григорьевна, Екатерина Семёновна, Михаил Георгиевич.
Второй ряд: Поля, Миша, Катя*

А в Большом Голоустном всех раскулачили. Михаилу Георгиевичу грозил лагерь, если бы он сопротивлялся советской власти. А он как сказал жене: «Всё отдай», а она отдала – так и отделался от властей. У его сына, моего дяди Михаила Михайловича, бумага сохранилась, какое имущество сдано добровольно. Сельсовет подписал, печать поставил. «Стрекаловской [9] беспрепятственно разрешён выезд на место работы мужа».

Вот такая бумага!

Любовь Григорьевна бросила всё, детей – в охалку и уехала к мужу.

А бабенька сундук привезла. В нём был ковёр с медведями, как в известной картине Шишкина, косолапые по дереву лезут. Я вырос под этим ковром. Он мне очень дорог.

У Екатерины Михайловны Караваевой тоже сохранился подобный ковёр, только с оленями – олень и олениха. Происхождение этих ковров – с девятисотого года, девятьсот десятого, а всё висят, и моль их не берёт.

7

Брат Михаила Георгиевича Иван Егорович пожил в Голоустном и переехал в Иркутск. Между братьями никаких добрых отношений не сохранилось. Потому что Иван посчитал, что Екатерина Семёновна, мать, всё своё богатство отдала Михаилу, а ему ничего не досталось. И он на всю жизнь в большой обиде остался на

неё, большой зуб заимел. Видимо, поэтому и не стоял вопрос переезда Екатерины Семёновны с Катей к Ивану, а сразу в Магнитку к Михаилу Георгиевичу.

Когда Катя приехала в Магнитку, то пошла в шестой класс. В это время училась и Полина. Надо полагать, что Полина пошла учиться в Магнитогорске. Сначала-то, когда жили в Песчаном, там школы не было, а девочке надо учиться. Тогда и стали жить в Магнитогорске. Она сразу пошла во второй класс, так как получала домашнее образование. После второго класса – сразу в четвёртый. Ведь её отец Михаил Георгиевич окончил гимназию, а это было неплохое по тем – да и по нынешним! – временам образование. И это сказывалось. Хотя за занятиями с детьми его не замечали.

Их дом в Берёзках стоял на взгорке. А ниже был ещё один такой же двухэтажный дом. В Берёзках в основном были элитные здания. Вначале были маленькие домики, так их называли, для среднего состава инженерных работников комбината, а потом коттеджи настроили. Там уже жило начальство комбината. Особое место. А потом там гора была, это уже не Магнитная, а другая, сейчас её практически всю срыли.

Палатки первостроителей Магнитогорска

Комбинат строился.

А такую машину поди построй быстро. В 1929-м начали, сначала разведка, потом строительство. Запустили его в 1934-м году. Вот когда комбинат запустили, тогда и приехали тётя Катя с бабенькой.

Дядя Миша вспоминал, как бабенька учила его щипать «палешко». Нарезешь тоненькие

палочки, чтобы растопить печку. Потом их положишь кучкой, и они от спички и бумажки загорятся. Палочками потолще верх закрывали, и топилась печка. Потом подсыпали уголь. На улице был бокс, оттуда приносили ведро кокса – это лучший материал. И жили, по словам дяди Миши, «припеваючи». Изо дня в день, из года в год.

Миша в школу пошёл в 1937-м году. Ему не было и шести лет. Пошёл в первый класс с хозяйственной сумкой. Запомнил, как маманя его чуть не стегает – а он не хочет с хозяйственной сумкой идти. Она такая модная, ромбом сшитая сумочка.

Закончил первый класс даже с грамотой!

41-я школа была через дорогу, там дети всех начальников учились. Ведь в Берёзках жили начальники. Их дети здесь учились, в том числе – дети репрессированных.

Тогда арестовывали страшно. Дядя Миша мальчишкой видел (а чего-то он проснулся, подошёл к окну), как рано-рано утром перед окном стоит грузовик-трёхтонка «ЗИС-5». В кузове стоят двое ребяташек из соседней квартиры, им меньше, чем ему, или как ему – лет пять-шесть. Завязаны полушалком сзади на узел, держатся за передний борт, стоят возле кабины. Мужик сел в кабину – и поехали.

А утром узнают. Отца-то у них ещё раньше забрали, а это уже за детьми приехали. И – в детский приёмник.

Средних командиров арестовывали. Возле них жило не высшее руководство, но руководство. Видел, как средних командиров: начальника электростанции, главного инженера водоканалстроя, начальника смены какого-то цеха – взяли. И так каждый день.

Это был 1937-й год...

По всему городу это происходило, по всей стране. Словно «заказчик» каждый день требовал: плохо работаете, мало арестовываете! Идёт классовая борьба. Враги не дремлют. Диверсии совершаются. Всякие-всякие причины.

Но ни Михаил Георгиевич, ни Любовь Григорьевна при детях никогда об этом не говорили.

1937-й год оставил в семье Стрекаловских свой след.

Коксохим. 1937 год

Выкололи у дяди Миши глаз. Проволоки-то разной много было: игрались – и Мише глаз выкололи. Было столько хлопот, боялись, что второй глаз потеряет. Глаза-то связаны нервами. Или где-нибудь да и ушибёт. Поэтому сплошные нервы. А потом, когда он постарше был, разрешили убрать глаз. Он же неживой. Протез позже вставили. Так с одним глазом он и остался на всю жизнь. Но то, что был у него один глаз, это не очень мешало. Он учился нормально.

8

Случалось и другое. Михаил Георгиевич имел несколько похвальных отличий, был победителем социалистического соревнования. Значок у него был «Победитель соцсоревнования». Так Миша взял его и привинтил к хвосту кошки. Значок-то сзади с гаечкой. Отец пришёл с работы, увидел, ни слова не сказал, убрал значок с хвоста.

А не дай бог кошке на улицу выбежать! И увидь кто. Вряд ли бы всё окончилось так безобидно.

Несмотря на отсутствие глаза, первый класс Миша окончил с похвальной грамотой. Там изображены Ленин и Сталин. Написано: «Дана ученику 1-а класса Стрекаловскому Мише...» В том, что он закончил учёбу с высшими оценками. «За отличную учёбу и примерное поведение». Директор школы, печать.

Это в то время считалось высшим достижением!

Нодоманикто не прореагировал. Положили её. Дядя Миша её нашёл и мне показывал.

Михаил Георгиевич не преследовался. Но за ним тянулся «хвост» из Большого Голоустного. Перед центральной проходной комбината в ту пору вывешивали списки лишённых избирательного права. Какие-то стенды – и на них напечатано: «Лишённые избирательного права...»

Любовь Григорьевна приходит домой и говорит мужу: «Так мы в списках...»

Миша не слышал их разговора, но знал, что отец написал письмо в Большое Голоустное и просил документ, что он не лишён избирательских прав, он в правах гражданина восстановлен. Он лишился в момент той заварухи с раскулачиванием, но поскольку сдал всё добровольно, потом был восстановлен. Бумагу прислали, его и жену из списков вычеркнули.

На следующий год – опять то же самое. Опять: «Лишён избирательных прав».

Он опять написал. Опять ему оттуда прислали документ, что восстановлены в правах и он, и жена.

Но по самой работе у Михаила Георгиевича были одни только похвалы. Всякие премии. Премия в тысячу рублей по тем временам – это очень большие деньги. Зарплата – пятьдесят-шестьдесят рублей, а тут такая премия!

Получилось, что он очень успешно работал на своём производстве. Он был старший геолог

Старший геолог
Михаил Стрекаловский

горнорудного управления Магнитки. Над ним был разве что начальник отдела. Он занимался нерудными ископаемыми, искал. Дяде Мише хотелось бы с ним поговорить, как это он искал, но не судьба. Дома были всякие безделушки, молоточек, топорик. Такие специальные, необычной формы.

Михаил Георгиевич Стрекаловский
с возницей везет пробы

Михаил Георгиевич открыл Кичигинское месторождение формовочных песков. Под Троицком. Уже в Магнитке он жил. По дороге если ехать автобусом от Троицка, то была остановка в Кичигино. Вот это то самое место, где дед открыл месторождение. Этим ценным по качеству песков месторождением пользуются до сих пор. Заводы Урала, а может ещё другие. На Урале несколько больших заводов, где такого песка нужно много каждый день.

У дяди Миши была справка:

«Настоящая справка выдана Отделом подсобных предприятий Челябинского

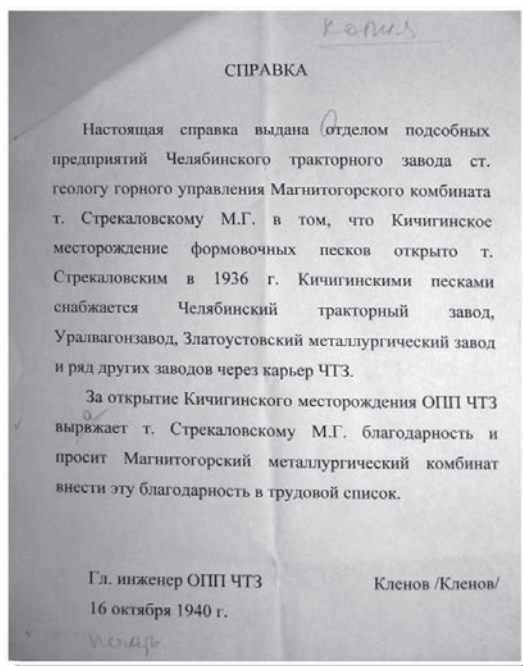
Кичигино на карте Челябинской области

тракторного завода старшему геологу горного управления Магнитогорского комбината т. Стрекаловскому М. Г. в том, что Кичигинское месторождение формовочных песков открыто т. Стрекаловским в 1936 году. Кичигинскими песками снабжается Челябинский тракторный завод, Уралвагонзавод, Златоустовский металлургический завод и ряд других заводов через карьер ЧТЗ (Челябинского тракторного завода).

За открытие Кичигинского месторождения ОПП ЧТЗ выражает т. Стрекаловскому М.Г. благодарность и просит Магнитогорский металлургический комбинат внести эту благодарность в трудовой список.

Гл. инженер ОПП ЧТЗ Клёнов.
16 октября 1940 г.».

Копия справки

Как Михаил Георгиевич распоряжался премиями? У него была страсть: в то время не было ничего более передового, чем приёмник. Дядя Миша прекрасно помнил, как отец притащил домой зелёный ящик, похожий на большой чемодан. Сидит за столом, открыл крышку, а там – рычажки, чёрные ручки, наушники на голове и оттуда: «Ве-ви-уви...» Чего-то ловит. На крышу антенну протянул, под окном сделал «землю». Выкопал канаву с метр, опустил туда лист железа оцинкованного с припаянным медным проводом, засыпал,

залил солёной водой, чтоб контакт с сырой землёй был лучше. И – провод в комнату. Это заземление. Сейчас об этом вообще забыли, а в те времена вторым проводом надо было пользоваться – землёй.

Потом появился приёмник «6-Н-1». Красный ящик, у него шкала и ручка крутится. Уже ловил станции отчётливо. Был громкоговоритель.

Приёмник «6-Н-1»

Потом Михаил Георгиевич ездил в Ленинград по делам и привёз «СВДМ». Здоровенный приёмник. Как он тащил «СВДМ»... Устройство приёмника было высшей сложности, «супергетеродин» назывался – тогда это тоже новинка была.

Им он пользовался до конца жизни. Откуда это? Видимо, от тяги к всякого рода современным вещам. Видимо, и геологи что-то для связи использовали.

Ещё патефон купил. Квартира была напичкана современной техникой.

9

Что любил слушать? «А всё!» – рассказывал дядя Миша. Иногда – музыку, скажем, хор Пятницкого. Кричит Любове Григорьевне: «Иди, хор Пятницкого передают!..»

Купил ружьё охотничье, тулку-двухстволку, малокалиберку с магазином, рыбацкие снасти.

На охоту ездил со своими друзьями по работе. С начальством в основном. Привозил зайцев, глухарей – увлекался этим делом. Но рыбу особенно никто не вспоминал, видимо из него рыбак не получился.

В отпуск ездил один. Ездил в Одессу в Дом отдыха. В Ленинград ездил.

Костюмы покупал себе. Дочери Полине и племяннице Кате покупал одинаковые вещи. Одинаковые кофточки. Нигде никогда не было заметно, чтобы Катя была принижена. Хотя она не родная, но он относился к ней, как к родной.

Занимался ли детьми?

«Ничего не занимался – ни мною, ни Полиной, – категорично заявлял дядя Миша и продолжал: – Отец порол дочь один раз. У него была суперсовременная бритва, а Полина взяла и стала ею подтачивать карандаши. Ну и выломил зуб в бритве, вот такой здоровый. Отец обнаружил – и мне: “Это ты брал?” Я: “Не я...”»

Он то ли поверил, то ли нет, но Полину позвал к себе и – ремнём. Ну, один-два раза. А чтобы бить по-серьёзному – такого не было».

Детями он не занимался хотя бы потому, что дома бывал мало. Он больше находился в командировках. По области ездил, искал огнеупоры. Кичигинское месторождение надо открыть ведь не на пустом месте. Надо набрать бригаду. Делать шурфы – это высокие колодцы. Вытаскивать оттуда пробы. Мешочки везти в лабораторию. Глубиной шурфа определять толщину слоя. Потом разрезы горизонтальные – определять площадь. Всё это очень большая работа.

Мы всё говорим о Магнитке. А тебя не интересует, кто нашёл магнитную гору?

Ходят легенды, что когда-то там стрелка компаса отклонялась. Этого не знаю. Нет у меня ни опровержений, ни особых доказательств. А когда уже начали конкретно сверлить, а снаружи комки руды лежат высшего качества, тут уже не надо было никаких легенд. Тут стали определять объёмы. Определили. Вот гора Атач огромная. Там была гора Дальняя. Гора Узьянка. Гора Куйбас за горой Атач. Несколько этих гор вместе и называются гора Магнитная.

Гора Дальняя была большая гора, круглая, метров сто в диаметре, и конусообразная. Дядя Миша с пацанами бегал по ней и не обращал внимания на то, что там лежит. А через много

*Михаил Георгиевич Стрекаловский
(второй справа) в геологической
экспедиции*

лет он пришёл туда, а горы нет. Снята подлицо, поскольку полностью была из руды.

Гору Атач тоже всю срезали. Она длинная, несколько километров. Если в поперечнике, то западный слой глубоко под землю уходит. Это – рудоносный слой, а другая часть – глина. Так гору «грызли», «грызли» много лет, потом под землю ушли метров на семьдесят. Сейчас всю «выгрызли».

Сейчас разве что с Малого Куйбаса ещё возят.

Гора Магнитная

А для Магнитки из Казахстана везут руду, из Карелии везут. Комбинат раскрутили на огромное количество руды, а она вон что – кончилась.

Вот она, металлургическая мощь, которая окружала тогда Магнитогорск!

Тетя Катя говорила мне: «Михал Георгиевич был симпатичный мужчина,

чернявый. Молчаливый. По характеру похожа на него Полина – твоя мать. Соблюдал правила взаимоотношений, не допускал никаких ненужных мелочей: ни шума, ни гама».

Тетя Катя его знала по работе, когда была ещё, как называла себя, «сопля», подрабатывала у него в партии и ездила с ним. Видела, как люди общались между собой.

Он не позволял себе сорваться даже тогда, когда этого очень хотелось.

«Это первое во взаимоотношениях с людьми, – особо подчёркивала Екатерина Михайловна. – Это всегда выходит как положительный фактор, потому что люди за это уважают. Не обругает, не нахамит, хотя потребует твёрдо. Вот – сделай!»

*Михаил Георгиевич
Стрекаловский*

Он не весельчак.

«Умел пить, умел играть, знал музыку, но сказать, что он свержесёлый – этого не было. Учесь, сколько ему пережить пришлось, так он, конечно, оптимист. Попробуй столько отрежь – дом забрали, хозяйство! И не затаил злобы...»

10

Дядя Миша учился, второй класс окончил, третий, четвёртый. Учился в 41-й школе. В ней училась и Полина. И он помнил, как они все, мальчишки и девчонки, гуляли. Он оказывался среди них в куче.

Он был рыжий, и их мальчишки – они уже курили, видимо, – приставляли к его

голове папиросу и просили прикурить. Надо предполагать, какого он был цвета. И Полина звала его только «рыжий».

А сама – смоляная. Скуластая.

Хорошо помнил, как ходили вокруг цветника в сквере. В середине рос георгин, пышный такой расцвёл. Высокий. Всё ухожено, всё обработано. А их человек семь-восемь. Он тогда был с ними. И вот он слышит, что они хотели бы этот цветок иметь, но боятся. Там сторож, видимо, был какой-то... Ну, они и пошли гулять дальше. А он вдруг побежал, сорвал цветок. Они все страшно испугались, цветок никто и брать не хочет. Не запомнил, куда делся цветок, потому что все ужаснулись от его поступка: как это он посмел, зачем он это сделал? Или: неужели он такой смелый?

Магнитогорск до войны

Любовь Григорьевна не то в 1933-м, не то в 1935-м году уже работала. Дядя Миша запомнил, как отец учил её работать машинисткой. Принёс домой сделанную из дерева пишущую машинку. Все эти ступеньки. Нарисованы пуговицы-кругляшки. И буквы все обозначены – «Т», «М», как у настоящей. И Любовь Григорьевна тыкала в деревянные значки. Потом она работала, называлась машинисткой, секретарём-машинисткой. Сначала работала немножко, затем больше. А

после всю жизнь проработала в одном цехе – в автоцехе всего комбината.

Металлургический комбинат

Там легковые машины выделены, которые начальников возили. У них в Берёзках был отдельный гараж, небольшой, а многие шоферы в одном доме жили со Стрекаловскими. А грузовые машины базировались в цехе. Машин не меньше ста было. Ведь на весь комбинат! Мало ли что надо перевезти на заводе. На заводе даже был свой железнодорожный транспорт, он какие-то постоянные перевозки совершал, технологические. Валок выточат – его нужно передать в другой цех. Идёт паровоз – везёт валки в цех. Это постоянные технологические перевозки. А бывало, надо перевезти сотню досок, чтобы подправить леса. Лесоремонтные работы начинаются. Тут машину подгоняют, и она везёт доски. Дядя Миша ездил сено косить с шоферами. Они ехали косить для себя, ведь многие живность держали. Брали и Мишу с собой. Он косил для дома.

Полина училась в 5-ой школе [10].

Когда окончила десятилетку, Михаил Георгиевич решил учить её в Ленинграде. В Ленинграде, потому что он был влюблён в город на Неве. Поскольку он с Балавинскими познакомился, он там бывал, отчёты ему возил, и в доме Стрекаловских был культ Ленинграда. Столько Михаил Георгиевич привозил оттуда: книжки с фотографиями различных мест Ленинграда...

И поступила Поля в Ленинградский химико-технологический институт имени Ленсовета.

Поступила и училась. Но проучилась она там только полгода. Потому что на Новый, 1941-й год отец её – мой дед Михаил Георгиевич

9 класс. Поля в первом ряду крайняя справа

Ленинградский технологический институт

– поехал сдавать отчёты. Первый раз в жизни взял с собой жену Любовь Григорьевну. И он, как она потом рассказывала, там заболел гриппом. Ну, мало ли! Человек гриппом заболел.

Он, конечно, был человеком очень терпеливым. Но у него всё время болела голова, особенно в последнее время. Тётя Катя знала это, потому что все летние работы она практически проводила с ним. Он брал её, и она была у него коллектором, то есть тем, кто завёртывает пробы и пишет на них метки. Видимо, какой-то маленький заработок это давало. Семье это помощь, ну и к тому же тётя Катя думала, что в семье от неё отдыхали. Всё-таки, когда много людей, а там родная семья, а она чужая (дочь умершей сестры Михаила Григорьевича), от неё хочешь не хочешь, а уставали.

Тётя знала, как он себя держал. Человек он был крепкий, но голова у него болела всё время.

А рассказывали, что они ездили на охоту. Ездили на «козлике». У этой машины внутри есть деревянная перекладка. К ней крепят кузов. И неудобный где-то был поворот, так что их тряхнуло, и он головой стукнулся об неё.

От этого голова у него болела, не от этого, кто знает. Стукнулся он сильно. Потому что обычно голова не болит.

И вот в Магнитогорске тётя Катя смотрят с бабёнкой в окошко (а Михаил Георгиевич не пил, никогда не пил, редко для компании) – Любовь Григорьевна его ведёт. Это из Ленинграда они возвращаются. А он идёт, и вроде ноги у него заплетаются.

«Что такое?» – думают бабёнка с тётей Катей.

А почему они смотрели? Жили-то на горе, на некотором возвышении, и надо подниматься. И вот оказалось, он заболел. Заболел настолько, что даже стал плохо узнавать близких. Ну, мать свою, бабёнку, он узнал, конечно. Его практически сразу госпитализировали. Госпитализировали в Магнитогорске, а поскольку самым ближним местом, где лечили такие мозговые заболевания, была Пермь (тогда город Молотов), его в Молотов и увезли.

Там он полежал, ничего ему не сумели сделать. Любовь Григорьевна туда уехала, последнее время там жила при нём. Это всё быстро получилось. Он в клинике умер, и похоронили его в Перми. У дяди Миши было фото – дедушка в гробу.

Теперь Любовь Григорьевна одна идёт, узел несёт – тогда чемоданов-то не было, – вещи несёт...

После смерти при вскрытии стали искать, что и где. И нашли в мозгу целый стакан гною. Вот сколько изгнило мозга! Значит, был сильный ушиб, а грипп позволил быстрее развиваться этой опухоли.

Это 1941-й год, а если он с 1903 года, то ему было тогда всего тридцать восемь лет. Вроде жить и жить... Не стало человека.

Вот какой некролог опубликовала газета «Магнитогорский рабочий» 22 февраля 1941 года:

«9 февраля текущего года на 38-м году жизни после тяжёлой болезни скончался геолог Михаил Георгиевич Стрекаловский.

Любовь Григорьевна прощается с Михаилом Георгиевичем

Михаил Георгиевич прибыл в Магнитогорск в 1930 году в начальный период строительства и интенсивных поисков сырья для Магнитогорского комбината.

Он до конца своей жизни со свойственной ему энергией и энтузиазмом занимался поисками и разведкой формовочных и строительных песков, строительного камня, известняков, огнеупорных глин, кварцитов и других материалов, необходимых комбинату.

Ему принадлежит открытие Кичигинского месторождения формовочных песков; его работы заложены в выявление перспектив и запасов месторождений и огнеупорных материалов Бускульского, Бобровского карьеров и ряда других.

Михаил Георгиевич отличался большой работоспособностью, аккуратностью и дисциплинированностью при исполнении порученных ему работ.

Безвременная смерть отняла у нас человека, немало потрудившегося на благо Родины.

А. Воронкин, В. Климов, К. Палкин, Е. Каминская, О. Логинова, О. Пёршакова».

Кто эти люди, подписавшие некролог, и как сложилась их судьба, не знаю.

Полина поступила в институт, полгода проучилась и в связи со смертью отца вернулась домой. Может, к лучшему, ведь дальше была блокада.

газета «Магнитогорский рабочий» 22 февраля 1941 г., № 19 (1124)

М. Г. СТРЕКАЛОВСКИЙ

9 февраля текущего года, на 38-году жизни, после тяжелой болезни скончался геолог Михаил Георгиевич Стрекаловский.

Михаил Георгиевич прибыл в Магнитогорск в 1930 году, в начальный период строительства и интенсивных поисков сырья для Магнитогорского комбината.

Он до конца своей жизни со свойственной ему энергией и энтузиазмом занимался поисками и разведкой формовочных и строительных песков, строительного камня, известняков, огнеупорных глин, кварцитов и др. материалов, необходимых комбинату.

Ему принадлежит открытие Кичигинского месторождения формовочных песков; его работы заложены в выявление перспектив и запасов месторождений и огнеупорных материалов Бускульского, Бобровского карьеров и ряда других.

Михаил Георгиевич отличался большой работоспособностью, аккуратностью и дисциплинированностью при исполнении порученных ему работ.

Безвременная смерть отняла у нас человека, немало потрудившегося для блага Родины.

А. Воронкин, В. Климов, К. Палкин, Е. Каминская, О. Логинова, О. Першакова

**Некролог в газете
«Магнитогорский рабочий»**

Перевелась в Магнитогорский металлургический институт. Или с начала следующего года, или ей полгода зачли. Это – 41-й год.

После смерти младшего сына бабенька написала письмо старшему Ивану о том, что вот Михаил Георгиевич умер и что ей делать. Всё-таки надеялись, что он ответит: приезжай ко мне или я к тебе приеду и заберу. Ситуация ведь неординарная, если не сказать, что тяжелейшая. А он ответил: «Если тебе трудно, сними квартиру».

Мол, денежная ведь. По тем временам что такое снять квартиру, этого вообще никто не знал, что это такое. Ну и больше с ним никаких отношений не было.

Как Иван обошёлся со своим домом в Голоустрое, неизвестно. Видимо, тоже отобрали. Потом он жил в Иркутске.

Так судьба развела родных братьев – Михаила Георгиевича (Егоровича) и Ивана Егоровича.

У Ивана был сын Иван. Володя – уже сын сына Ивана. Дочери – неизвестно, были или нет.

Дядя Миша, Михаил Михайлович, был у них в гостях в 1973 году. Он уговорил Елизавету Ивановну, с которой жил, и мать Любовь Григорьевну поехать на родину: «Мамань, поедем в Голоустрое, посмотрим!»

Доехали до Иркутска, а дальше надо было плыть катером до Голоустрого. Они на том или на обратном пути – адрес-то у них как-то сохранился сына Ивана – нашли его частный дом, пришли. Сын Ивана встретил. Конечно, подвыпили, и сын начал выступать. И: «Давай, отойдём в сторонку». Отошли. Он: «Ну ладно, скажи мне правду...»

По поводу богатства, наследства. Они себе вбили в голову и так и жили в уверенности, что Михаилу Георгиевичу досталось какое-то наследство от бабеньки.

Михаил Михайлович мог только догадываться, на чём основано это их подозрение. Ему что-то бабенька рассказывала, он ещё мальчишкой был, что-то такое похожее. Она подарила ему и Полине две пятёрочки золотых. Монеты. Они якобы были у неё защиты в подоле шубы, когда она уезжала из Голоустрого.

Полина-то потом дала поиграть сыночку (мне), где-то с мальчиком из армейской семьи монетками играли. Полина додумалась, дала. А мой напарник сообразил и спрятал монетку куда-то. И домой отнёс. Полине было уже неудобно, видимо, по чину выше что ли была семья, она ни слова не сказала, а те присвоили.

А дяди Мишина золотая монета лежала у него. Это пять рублей. Золото. Николай Второй. 1896 года. В ней – пять граммов.

Так вот с Иваном они расстались навсегда... Михаил Михайлович что для себя подумал? Бабенька, когда подарила им две монетки, отдала или подарила ему ещё две бумажки. «Катюку» – красную бумагу, сто рублей. И «Петра» – ещё большего размера бумага – пятьсот рублей. 1912 года выпуска. Это почти 1913 год, расцвет капитализма в России. И то ли она обмолвилась, то ли он сам догадался или предположил, что они собирались уезжать или на всякий случай. Эти бумаги и были у них на руках.

У Стрекаловских были денежки в монетах пять рублей, десять рублей, а зарабатывали они доставкой специальных кварцевых песков в Слюдянский стекольный завод. Этот

промысел был начат ещё прапрадедом Иваном Михайловичем, чей могильный памятник нашли в Голоульном.

Слюдянка. Старое фото

Так вот в том промысле Ивана Михайловича принимали участие и его сыновья. В том числе и Егор Иванович, муж бабеньки. Песок, может, сами заводчане нашли. Но им было нужно, чтобы кто-то возил по такому суровому пути, как Байкал. А стекло делалось в Слюдянке, высококлассное, на небольшом заводике. И торговали им.

Стрекаловские мужики подрядились и возили. Получали плату золотыми монетами. И собралось шестьсот рублей золотыми монетами.

А тут началось смутное время, перед революцией, самые-самые времена. И кто-то «умный» подсказал: сдайте деньги в банк. Поменяйте на бумажные ассигнации. Они не пропадут. Их легче спрятать. Вы где столько монет провезёте, в каком поезде?..

И их послушали, поехали и сдали. И получили вот две бумажки: красивые... Бу-маж-ки... Но цены – ноль.

Михаил Михайлович хранил их. Вот Иван Егорович, наверно, и решил, что те деньги и перепали его брату. А в действительности-то всё вылетело на ветер.

12

22 июня 1941-го Стрекаловские всей семьёй взяли Катю – воскресенье же было! – поехали (машину же дали!) отдохнуть. А когда приехали, им и сказали: «Сообщение Молотова... Война началась...».

Полина на втором курсе училась. Катя только школу окончила. Десятый класс. Она с опозданием шла, потому что, когда родителей

потеряла, у неё был перерыв в образовании. Она же сирота, кто с ней возиться будет!

Любовь Григорьевна сказала ей: «Я одна не смогу кормить Полину, Мишу, бабеньку и тебя. Пять человек одна не потяну. – А у неё тридцать семь рублей была зарплата. – Давай, ищи работу».

Екатерина нашла работу. А тогда уже карточки хлебные давали. Тогда давали иждивенцам по четыреста граммов, а кто работал на комбинате, тем по килограмму. Любовь Григорьевне, наверно, давали пятьсот или шестьсот граммов. Всё

Магнитогорский
горнометаллургический институт

это делили. А Кате – килограммовую, она пошла работать в ОТК прокатного цеха контролёром. Конечно, это трудная работа, это жаркие, горящие прокатные «штуки». Складывают штабелями. На них – на каждую! – нужно нанести специальной мазилкой номер плавки,

Плавка

марки стали. Типа смоляной или известковой. И так целый день. Сколько она там проработала, трудно сказать, но немало.

Тут прошёл слух, что из Ленинграда в Самарканд переехал институт кинематографии, и туда можно поступить на учёбу. Видимо, подружка нашлась, они собрались и поехали. Стала она учиться. Как уж она выходила из своего бедственного положения, неизвестно, но как-то выходила. Где-то подрабатывала.

Стрекаловским жилось нелегко. Любовь Григорьевна собрала одежду Михаила Георгиевича и поехала с какими-то женщинами в деревню. В деревне богатые были: если надо, то купят. Продала всё. Пальто им отдала, деньги получила, своё что-то отдала.

На вырученные деньги купила корову. Ещё сколько-то времени рассчитывалась. Но зато у них в Берёзках была своя корова. Пусть не с самого начала войны, но какое-то время была. А если бы без коровы, то совсем было бы тяжело. Стайка была – домик такой, где живёт скот. Пастись выгоняли. Это очень помогало.

Эта корова привела к тому, что бабенка в конечном счёте сошла с ума. Она пасла, а корова куда-то ушла. Она её потеряла и в поисках ходила-ходила... Корова пришла домой, а бабенки нет. Как ей без кормилицы возвращаться!

В конце концов, бабенку нашли где-то в Соцгороде. Соцгород – это в Магнитке селение, где итээровцы жили. Это совсем в другой стороне от Берёзок.

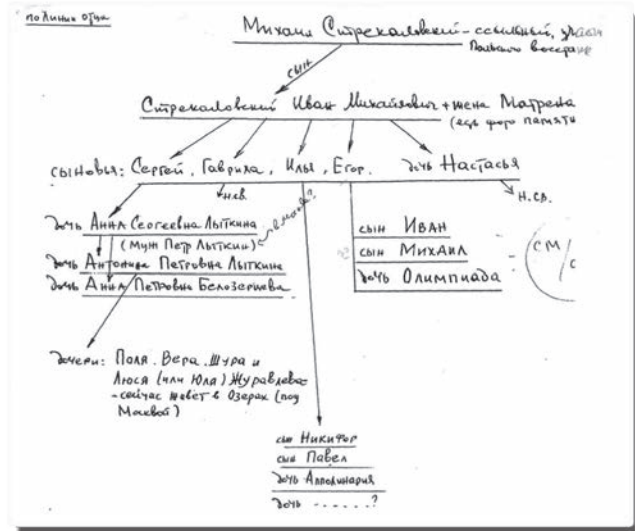
Вот куда ушла, ища! Бабенку нашли там. Она от волнения память потеряла. Начала уходить из дому, её потом искали. Стали бояться оставлять её дома. Любовь Григорьевне на работу надо, Поля учится, Миша тоже в школу идёт. Катя в это время уже не было у них, она уехала.

И бабенку положили в больницу, где когда-то Михаил Георгиевич лежал – у горы Магнитной.

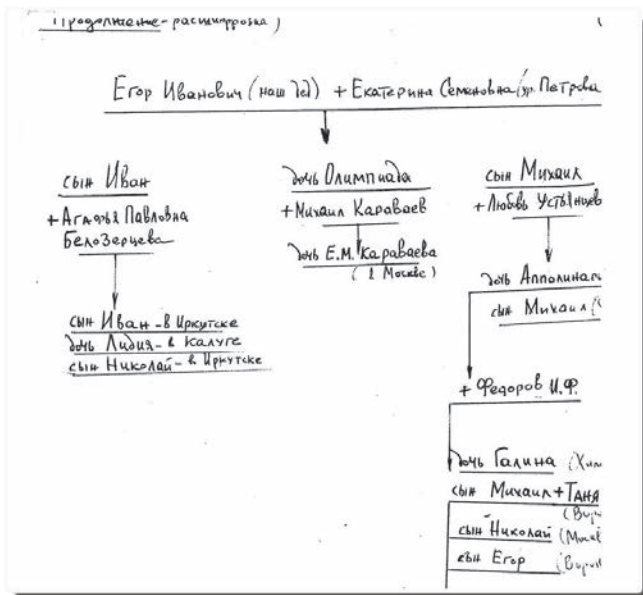
Она плохо помнила, плохо узнавала и вскоре умерла. Рассказывали: продукты ей привезут, а у неё их отберут – народу много было, – а бабку побьют. А кто будет за ней смотреть, ухаживать? Некому было ухаживать.

Вот так вот произошло с бабенкой Екатериной Семёновной.

Теперь, когда я рассказал о родне по моей материнской линии, прилагаю схемки, составленные моим дядей. В них отражены родственные линии Стрекаловских, Лыткиных, Белозерцевых, Караваевых, Устьянцевых, Федоровых, Петровых.

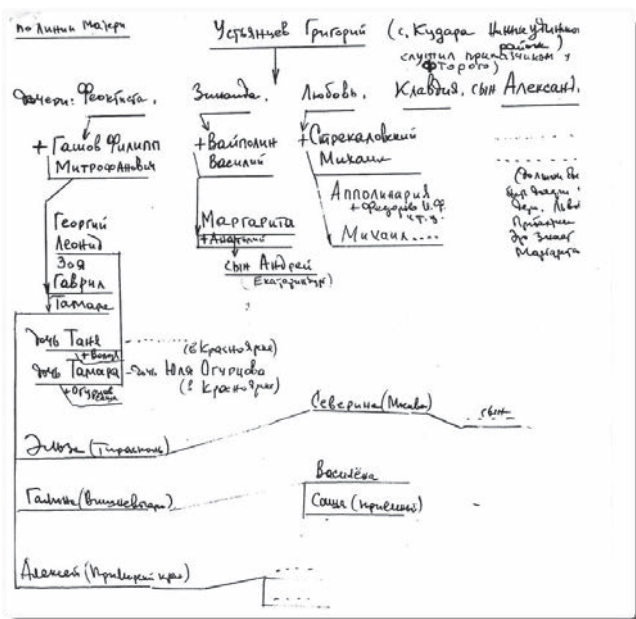

Стрекаловские, Лыткины

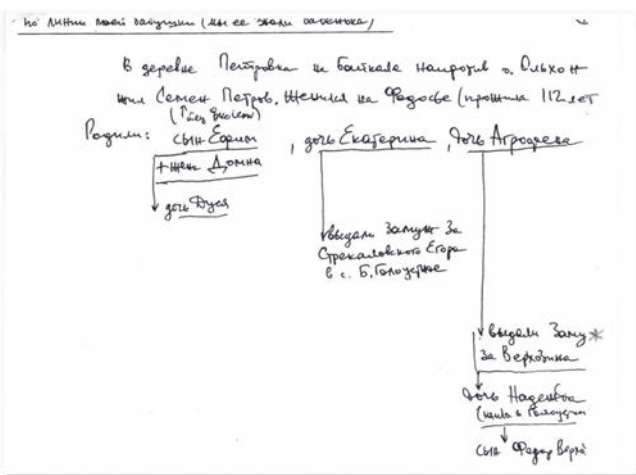

Стрекаловские, Белозерцевы, Караваевы, Устьянцевы

Устьянцевы, Стрекаловские, Фёдоровы

Петровы

Часть вторая.
Отцовская линия

1

То, что я сейчас рассказал, – это о родне по линии моей мамы. А вот по линии папы всё обстоит куда сложнее. Когда я спохватился и стал собирать сведения о родне по линии папы, то по линии его отца Фёдора Корнеевича Заднеулицы мне удалось собрать куда меньше сведений, чем о родне его мамы Агафьи Андреевны Жук. Родня Агафьи Андреевны относилась к более благополучным людям, хотя это трудно говорить, когда речь шла о

крестьянах-тружениках, и поэтому родню зятя не очень-то считали нужным поминать.

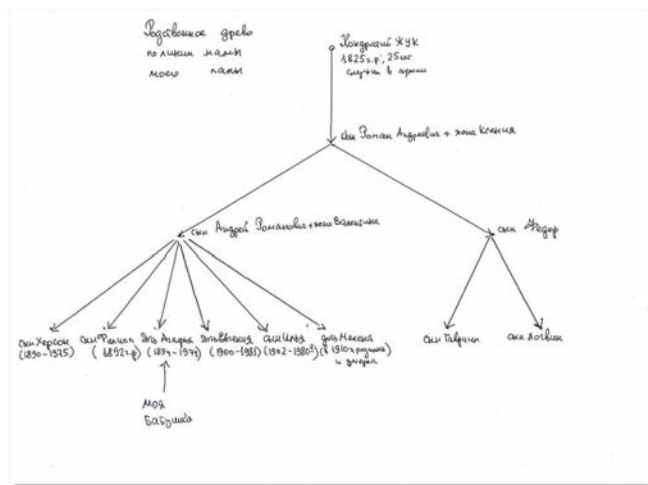
Поэтому я начну с линии Агафьи Андреевны, моей бабушки.

Известно, что её прадед был крепостной, его звали Кондратий Жук. Он выкупился.

У него было восемь сыновей. Одного из сыновей Кондратия звали Романом. Он 1825 года рождения, двадцать пять лет отслужил царю и Отечеству в армии, но в родную деревню не вернулся.

У Романа с его женой Ксенией были дети, но сколько – неизвестно. Знаю, что были Андрей и Фёдор [11].

Андрей Жук женился на Валентине. У них было шестеро детей. Херсон (его ещё звали Херсаний, Керсон, он родился в 1890 году), Филипп (1892 года рождения), Агафья – моя бабушка (родилась в 1894 году), Евгения (1900 года рождения), Илья (1902 года рождения) и Мелана (1910 года рождения). Все дети рождались с разницей в два года, только Илья и Мелана появились на свет с разницей в восемь лет.

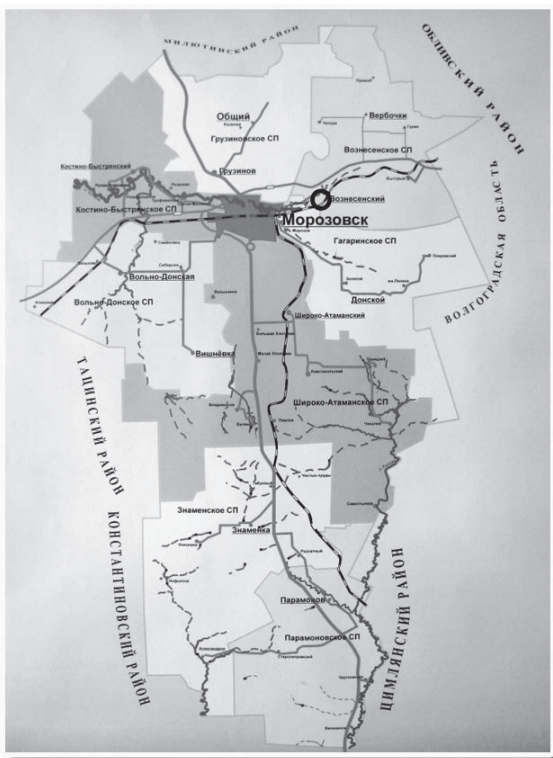
Родственное древо по линии мамы моего отца

Валентина умерла в 1910 году от родов, когда появилась Мелана. Родила и умерла. А Мелана немного пожила и тоже умерла.

Все дети Андрея Романовича и Валентины родились в хуторе Вознесенском [12] Морозовского района Ростовской области. Это были казацкие края, а Жуки были приезжими, и им земли не давали.

Они узнали, что в Казахстане есть свободная земля. Тогда они собрались и уехали

Хутор Вознесенский на карте Морозовского района Ростовской области

Село Тарановское на карте Костанайской области

в Казахстан. Это было при царе во время Столыпинской реформы.

После смерти Валентины у детей Андрея Романовича появилась мачеха. Как её звали, никто не запомнил. Есть сведения, что на «Ф» – может, Фёкла, может, Федосья. Но её не любили, поэтому и звали мачехой. В Казахстане жили уже с мачехой. Через неё были однородные братья и сестра. Их имена: Фёдор, Ульяна, Василий. Это были совместные дети с Андреем Романовичем.

Жуки осели в Казахстане в селе Викторвке [13] Тарановского района Костанайской области. Они были настолько людьми труда, что им ничего, кроме земли, не требовалось. Они быстро встали на ноги. Со временем они приобрели сеялку, молотилку, чего у других в хозяйстве не водилось. Они жили по принципу: всё в общем. Технику купили на всех. Несколько лошадей было, коров. Объединились и поэтому считались богачами. Но какие из них богачи? Мозолями всё добывали, трудом своим.

Видимо, здесь бабушка Агафья Андреевна Жук [14] познакомилась с моим другим дедушкой – Фёдором Корнеевичем Заднеулицей [15] и вышла за него замуж.

Известно, что Фёдор Корнеевич родился в 1895 году в селе Колотвенец Тарасовского района Ростовской области. Он тоже с Дона. Он был из бедняцкой семьи. Жуки были более благополучными. Поэтому, повторюсь, о Заднеулице не было принято говорить. И трудно было позже что-то о них узнать. Да и фамилия была такой, что сама за себя говорила.

Тарасовский район на карте Ростовской области

Какая рассказывал, царским правительством велась переселенческая политика. У кого было мало земли, те переселялись в Казахстан. Им выделялась земля, давались кредиты на обзаведение хозяйством, они освобождались от налогов. Видимо, и Фёдор Корнеевич с Дона подался в Казахстан и оказался в Викторовке Тарановского района Костанайской области.

Он мне рассказывал, что был на Первой мировой войне, что имел царские кресты за солдатские отличия. Но за что именно и какие награды, я не запомнил.

Вернулся с войны, женился на Агафье Андреевне Жук. Они жили отдельно от отца Агафьи Андреевны, имели свой надел земли, который обрабатывали.

Фёдор Корнеевич на хозяйстве

Когда разразилась гражданская война, дедушку чуть не забрали к себе белые. Мне он рассказывал, как за ним приехали колчаковцы. Бабушка успела его предупредить, он выскочил во двор, запрыгнул на коня и через огороды ускакал. А так могли и расстрелять за отказ идти в армию Колчака.

Видимо, в это время бабушка уже носила под сердцем моего папу, так как он родился 12 октября 1919 года, а колчаковцы наступали по Зауралью с марта по лето 1919 года, хотя в июле их уже погнали в Сибирь.

Дедушка оказался в частях Туркестанского фронта под командованием Фрунзе и воевал с басмачами. Мне говорил, как он с железнодорожной платформы из пулемёта

стрелял по ползущим по барханам басмачам, как пулемёт перегревался, как они отбивались.

А потом он вернулся домой, где трудился не покладая рук.

Это нашло подтверждение в документах, которые я обнаружил дома в шкафу.

В автобиографии дедушки читаем: «Заднеулицен Федор Корнеевич родился в 1895 году 24 декабря в Донской области бывшей Тарасовского района Курноколиповской волости хутор Калитвенец в семье крестьянина. В 1910 году мой отец Корней Прокопович Заднеулицен выехал с нами, т.е. с тремя сынами в Костанайскую область в поселок Викторовской, где также занимались крестьянством. В 1915 году 12 сентября я, Заднеулицен Ф.К., был мобилизован в царскую армию в запасной батальон № 168 в городе Верный [16]. В 1916 году в марте месяце меня с маршевой ротой направили на фронт в 210 Бронницкий полк 53 дивизии. В 1917 году в декабре месяце я был демобилизован Временным правительством и обратно я занялся крестьянством. В 1919 году, когда свирепствовала власть Колчака, он под натиском карательных отрядов мобилизовал несколько годов нас в свою армию, т.е. сформировал из нас рабочий батальон по ремонту железных дорог, где мы работали на станции Сары, откуда... в начале июня 1919 года нас сняли с рабочего батальона, вооружили наш батальон и 21-го послали на фронт под Аральское море. 27 июня 1919 года при вступлении нашего батальона на линию фронта, под 28-е июня я, Заднеулицен, и двое Голиков Федор, Берцев Федор, мы втроем перешли на сторону красных, т.е. на станцию Аральск, и вскоре после нашего перехода армия Колчака развалилась. В июле месяце 1919 года из общего большого количества перешедших организован батальон по охране мостов от басмачества. В 1921 году в январе месяце меня откомандировали в политуправление штаба фронта в город Ташкент в качестве экспедитора по распространению газет и литературы по частям Красной армии. 12-го июня 1921 года меня демобилизовали, я обратно занялся крестьянством. В 1929 году я со своей семьей выехал обратно на Дон по месту родины, где вступил в колхоз "Луч правды" Вознесенского с/с Морозовского района. В 1931 году 12-го июня согласно моего заявления правление

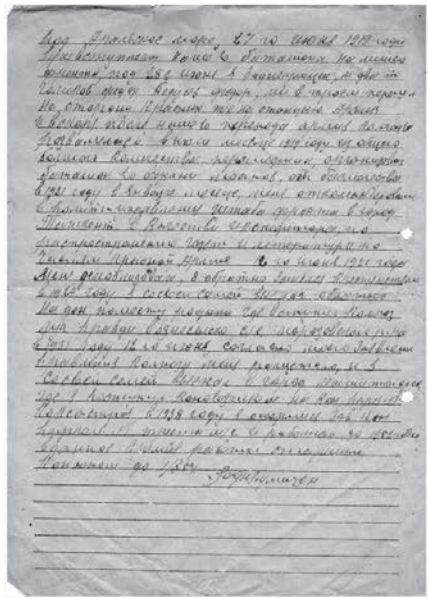
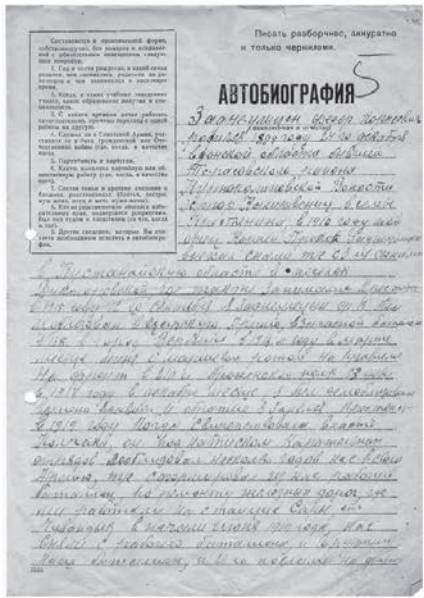

колхоза меня рассчитало, и я со своей семьей выехал в город Магнитогорск, где поступил конновозчиком на конпарк №1 Кокостроя. В 1938 году я оформился завконпарком №1 треста м/с («Магнитострой» – Авт.) и работал до 1952 года. В данное время работал старшим конюхом до 1/Х 54. Заднеулицен».

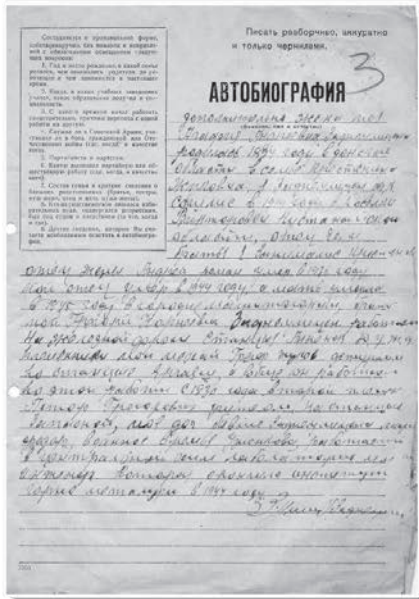
Еще в биографию написал:

«Дополнительно: жена моя Агафия Андреевна Заднеулицена родилась в 1894 году в Донской области в семье крестьянина Жукова. Я, Заднеулицен Ф.К., (и Агафья Андреевна – Авт.) сошлись в 1914 году в поселке Викторовка Кустанайской области. Отец и братья занимались крестьянством. Отец

жены Андрей Романович умер в 1936 году, мой отец умер в 1944 году, а мать умерла в 1945 году в городе Магнитогорске. Брат мой Григорий Корнеевич Заднеулицен работает на железной дороге станции Анненск Ю.У.Ж.Д., племянник мой Мехай Григорьевич Жуков – дежурным по станции Аргаяш, а вообще он работал на этой работе с 1930 года. Второй племянник Петр Григорьевич – учителем на станции Запасной. Моя дочь, бывшая Заднеулицена Мария Федоровна, в данное время Узиенкова (Узиенко – Авт.), работает в центральной химической лаборатории мл. инженером, окончила институт горнометаллургический в 1944 году. Заднеулицен».

Автобиография

Вот такие сведения я узнал от Федора Корнеевича.

Родня по линии Жук росла численно. Мой папа Иван Фёдорович [17] родился 12 октября 1919 года, но по документам день его рождения значится 12 октября 1918 года. Видимо, он, как и многие мальчишки в те годы, стремился раньше пойти учиться, раньше идти работать и прибавил себе год. Фамилия у него отличалась от фамилии отца и матери. Его записали под фамилией «Заднеулицын». Я не знаю, почему, но тогда часто записывали со слов и не особо обращали внимание на точность записи в метрике.

В 1922 году родилась сестра папы Мария Фёдоровна Заднеулицына, как мы её звали – тётя Маша, в замужестве – Узиенко.

Известно, что до Вани и Маши у Агафьи Андреевны было двое детей, но они, как и у бабуся Любы Стрекаловской, умерли.

Жуки жили в Казахстане. Брат Агафьи Андреевны Херсон женился на Прасковье. Это была очень колоритная женщина, цыганка. У них родились шестеро детей, но не у всех жизнь сложилась удачно. Первенец – мальчик – ехал на арбе, упал меж колёс и погиб. Следующий сын, Иван, подорвался на mine. Сын Павел погиб на фронте в Великую Отечественную. Сыновья Илья и Андрей и дочь Клавдия выросли и имели свои семьи.

Другой брат бабы Агафьи Андреевны, иными словами бабы Гаши, Филипп женился на Дарье, и у них были дочь Екатерина (умерла в детстве) и сын Михаил.

Сестра бабы Гаши Евгения Андреевна Юрко в шестнадцать лет выскочила замуж за Ерофея Ивановича Юрко. У них по очерёдности рождались сын Михаил (умер в младенчестве), дочь Евдокия (умерла в младенчестве), дочь Анна, дочь Евдокия (потом сменила имя на Евгению), дочь Валентина, дочь Надежда и сын Иван.

У младшего брата бабы Гаши Ильи с его женой Евдокией был сын Анатолий. И вот неожиданно-негаданно над всем этим огромным семейством нависла угроза.

Вот что рассказала мне дочь сестры бабы Гаши Евгения Ерофеевна Юрко [18]:

«Мне было несколько дней, неделя, когда все бежали из Казахстана на Дон. Я родилась в 1929 году в октябре, 20 числа, а через несколько

дней все уезжают оттуда. Садятся в поезд, всё бросают. Дело в том, что в том году в Кустанае начали раскулачивать. На Дону – раньше, а там – позже. Жуки – они же были люди труда, а их чуть ли не стали считать кулаками. Но какие они кулаки? Всё своим трудом. Они зажиточно жили, их стали раскулачивать. Вдруг какому-то голодранцу, который ничего не хотел делать, отдать их корову? Отдать сеялку. Отдать молотилку... Они не выдержали этого, что отдадут всё голодранцам. Они за копейки, за гроши продают казахам всё своё добро. Но оттуда не разрешали выезжать. Они тайно, ночью, погрузились. Ну, как погрузились. То, что могли с собой взять, взяли. Мне как раз было всего ничего. Меня в кулке.

– А ну покорми!

Разворачивают, а там вверху – ножки.

Думаю, предупредил о беде и помог уехать брат Андрея Романовича Фёдор Жук, который был где-то там секретарём сельсовета.

Так вот наши приезжают на Дон. В Морозовск. Гаша с Федей (Фёдор Корнеевич с Агафьей Андреевной) тоже приехали, глянули, как тут дела, и с детьми в Магнитку. Там стройка велась. Илья (брат Агафьи Андреевны) – в Челябинск, или как говорили в Челябину.

Земляной дом, в котором жили первые строители Магнитогорска

А потом получалось так. Мы на Дону. В Морозовске. Сказали, что документы потеряны. Кое-какие бумаги представили и получили новые документы на Жуковых.

Так мы из Жук превратились в Жуковых.

Мой отец Ерофей Юрко имел семилетнее образование, чуть не институтское, грамота даже была. Мы её прятали-прятали от членов партии и запрятали так, что потеряли. У меня

есть фотокарточка, где он в гимназистской форме. Он устроился в райземотдел. Мы жили хорошо. Был хороший дом. А потом ему сказали: “Надо специальное образование...”

Он было учиться пошёл, а у него нас четверо на руках. И он отказался от учёбы. Ему говорят: “В совхозе всё прекрасно! Езжайте туда”.

Он берёт нас, и мы уезжаем в совхоз “Ударник-77” Волгоградской области. Уезжаем, чтобы работать на земле. Так мы немножечко разъединились. В 77-й совхоз поехали мы, Юрко, дед Филипп, а дед Херсон – в село где-то рядом. Кажется, на хутор Быстрый около железной дороги. Он потом всё со своей цыганкой на бричке рассекал.

К слову сказать, дед Филипп был практичный, сразу взял быка-бугая и осеменял коров. Не было отбою в его бычке. Он знал, за что надо ухватиться: стаду-то надо расти, а как без бычка? А там – огромный мясомолочный совхоз.

Я по паспорту значусь: родилась хутор Басакин, с-з “Ударник-77”, Чернышовский район Волгоградской области – это где мы поселились. А на самом деле я родилась в селе Викторовке Тарановского района Кустанайской области. Тогда приходилось многое скрывать, чтобы не узнали, что мы бежали.

Сидят слева направо: жена Филиппа Андреевича Дарья; третья слева и так далее: Евгения Андреевна, Агафья Андреевна, Херсон Андреевич, Филипп Андреевич, Фёдор Корнеевич. Стоят слева направо: Андрей – сын Херсона Андреевича, Евгения Ерофеевна Юрко, Надежда Ерофеевна и Анна Ерофеевна – дети Евгении Андреевны

Перед отъездом из Казахстана мне дали справку, когда родилась, а уж по ней делали свидетельство и записывали то, что нужно. Мы были молчуны, не высывывались».

Евгения Ерофеевна себя переименовала. Ведь была Евдокия, Дуся. Но ей не нравилось: Дуся, Дуся...

Она говорила: «У нас была Дуся, умерла. – Это её младшая сестра, в честь которой её назвали. – И я не хочу быть Дусей».

Она назвала себя по бабушке, изменила несколько букв в ЕВдокиЯ – и получилось ЕВгениЯ. Она под этим именем жила около ипподрома в Ростове-на-Дону.

Я был у неё летом 2009 года и узнал много интересного.

Как я сказал, дедушка Фёдор Корнеевич поехал с семьёй в Магнитку. Он устроился конюхом. Там потекла дальнейшая жизнь моего папы и его сестры Маши.

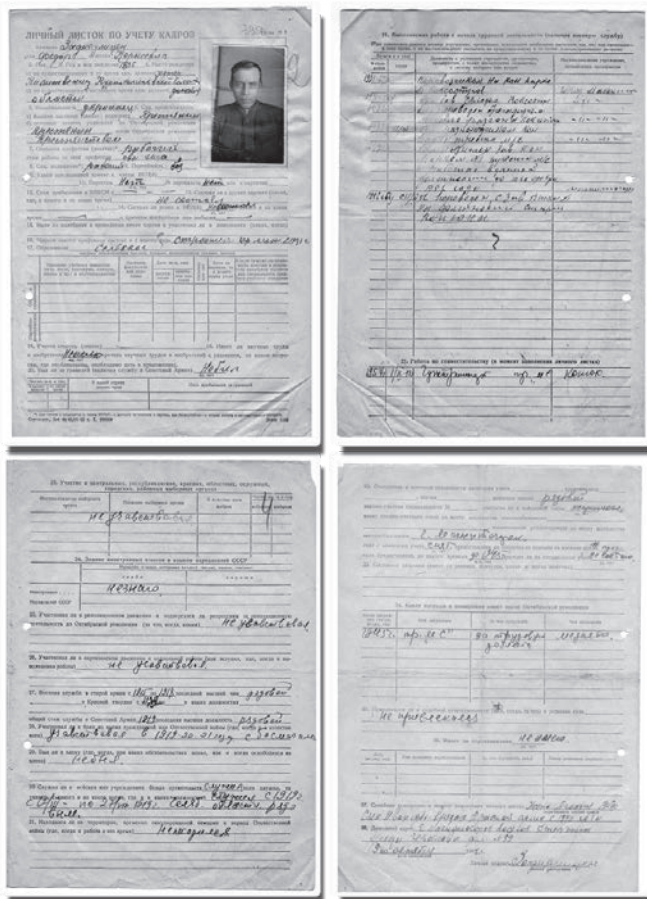
Агафья Андреевна, Фёдор Корнеевич, Маша и Ваня Заднеулицыны. 1934 год

Строилась Магнитка – об этом я рассказывал в предыдущей части, мой папа с сестрой учились. Видимо, в это время у семьи появился земельный участок на Дзержинке (был такой район в Магнитке), и на нём вскоре вырос дом. В этом уголке города прошла юность моего папы.

Ваня Заднеулицын (справа) с друзьями.
22 октября 1933 года

Личный листок по учету кадров

В личном листке Федора Корнеевича, датированном 5-м октября 1954 года, читаем, что он беспартийный, состоял в профсоюзе строителей комбината с 1931 года; что с 24 февраля 1931 года по 19 октября 1931 года работал коновозчиком на конпарке № 1 Коккостроя; с 19 октября 1931 года по 1932 год – завскладом Коккостроя; с 1932 по 12 марта 1937 года – бригадиром на Коккострое; с 12 марта 1937 по 1939 год – разнорабочим треста «Магнитострой»; с 1939 по 10 февраля 1952 – завконпарком № 1 треста «Магнитострой»; с 11 февраля 1952 года переведен на должность старшего конюха; что в 1945 году награждался медалью «За трудовую доблесть».

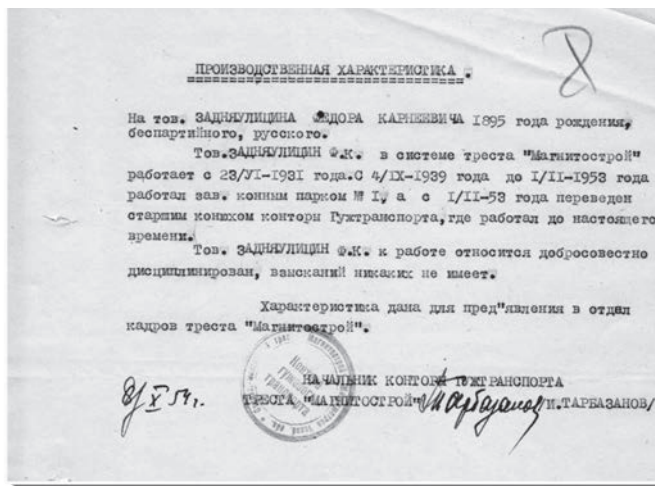
Как видим, его работа была связана с гужевым транспортом.

Трудно представить, сколько на лошадях пришлось вывезти грунта и перевезти руды.

Федор Корнеевич был на хорошем счету.

В характеристике читаем:

«... в системе треста "Магнитострой"... с 23/6-1931. С 4/9-1939 года по 1/11-1953 года работал зав. конным парком № 1, а с 1/11-1953 года переведен старшим конюхом конторы Гужтранспорта, ... к работе относится добросовестно, дисциплинирован, взысканий никаких не имеет...»

Характеристика

Указан адрес проживания: город Магнитогорск, поселок Дзержинского, улица Чкалова, дом 59. Я хорошо помню этот одноэтажный дом с надворными постройками и огородом на Дзержинке, где постоянно пахло сульфиткой. Но несмотря на это, там жили люди.

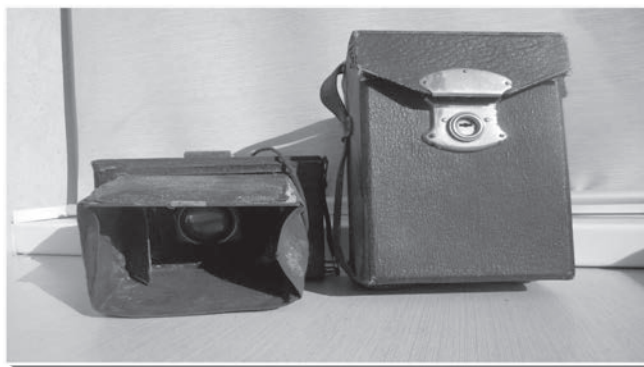

Гужево́й транспорт на строительстве Магнитогорска

Его часто видели в компании мальчишек. Чем он только не увлекался. Мог с ребятами пошалить.

3

Все говорили, что Фёдор Корнеевич и Агафья Андреевна любили друг друга. У них был, несмотря на все жизненные невзгоды, счастливый брак.

Фотоаппарат Вани

Ваня Заднеулицын

Их радовали дети. Ваня хорошо учился. Занимался в школе номер 9 [19] на горе Ежовке. Рос любознательным. Интересовался фотографией. У меня сохранился его фотоаппарат.

Ваня (справа) с другом

Ваня в компании

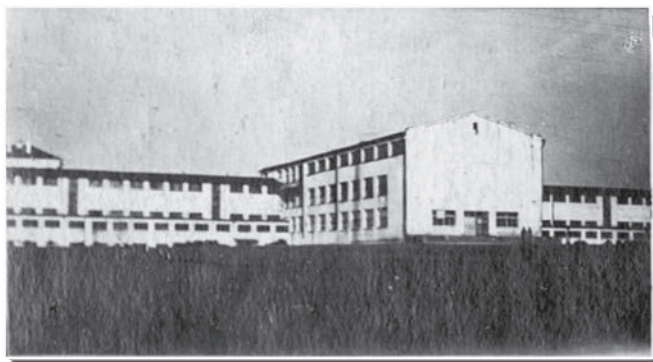

Из анкеты узнаем, что он член ВЛКСМ с 1934-го по 1950 год. Символично! Он душой соединился с теми, кто строил новое общество, кто возводил домны и ковал металл для страны.

По окончании школы Ваня Заднеулицын среди многих открывшихся перед ним дорог выбирает учительскую стезю. Учительское начало прошло с ним через всю его жизнь.

Из анкеты узнаем: «09.37 г. – 09.39 г. В 1937 году поступил и в 1939 году окончил Магнитогорский государственный учительский институт [20] по специальности «физика и математика»».

Вот разгадка тайны души отца: он был учителем. Вот откуда тяга к новому, к фотографии. Вот откуда моя тяга к физике и математике. Это привил мне папа.

Магнитогорский учительский институт

Какую он показал успеваемость.

«Оценки:

Отлично – физкультура, черчение.

Хорошо – военное дело, элементарная математика, теория чисел, электрорадиотехника.

Посредственно – физика, аналитическая геометрия, высшая алгебра, методика математики, методика физики».

Он не из семьи профессоров – он сельский мальчик, приехавший в строящийся город, и всё брал своим трудом. Как во многом выпало и мне на моей школьной, военной, юридической и писательской стезе.

Папа учился увлеченно. Я знаю, что он еще увлекался альпинизмом и ходил в походы в горы. Его привлекало все самое новое, самое современное, да и рос он в новом, современном по меркам тех лет строящемся всей страной городе.

Когда пронеслись два ученических года, Иван Заднеулицын защитил дипломную работу и стал учителем.

Из анкеты: «2 июля 1939 года ГЭКом присвоена квалификация преподавателя физики и математики с правом преподавания в 5–7-х классах».

Выпуск 1939 года. Заднеулицын в среднем ряду крайний справа

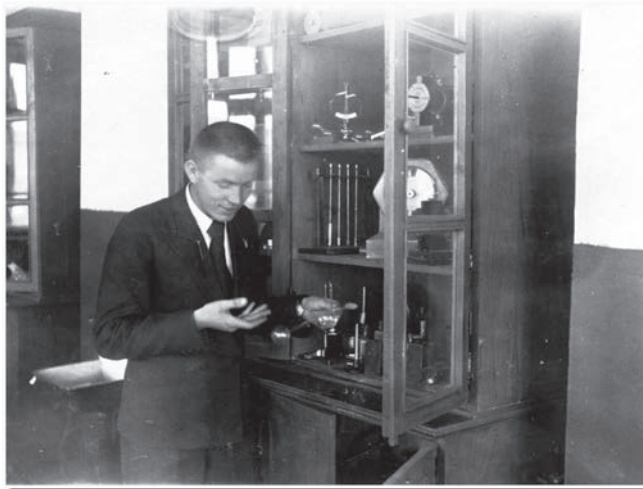
Он начинает вести занятия в городской школе.

Читаем в анкете:

«09.39 г. – 12.1940 г. – учитель средней школы номер 8 [21] Кировского РОНО город Магнитогорск».

Молодые люди в то время жили интересной, бурной жизнью и не боялись трудностей. Они были уверены, что их жизнь непременно устроится и все у них впереди.

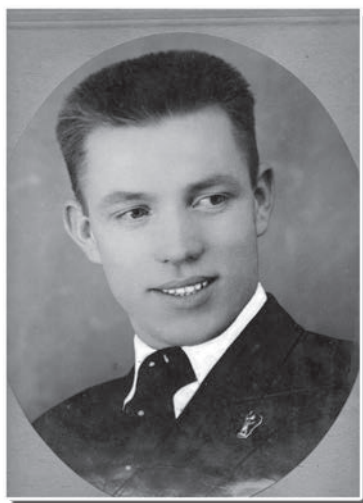
Иван Заднеулицын с желанием работал в школе. К нему тянулись ученики, он с вдохновением делился своими знаниями и сам продолжал совершенствовать свое учительское мастерство.

Учитель Заднеулицын в лаборантской

Учитель Заднеулицын с учениками в классе

Учитель физики и математики Заднеулицын

Казалось бы, жизненный путь у молодого педагога выбран и его не ждут перемены, но пришла повестка прибыть в военкомат.

Из биографии: «21.10.40 г. Освобождён от работы в школе в связи с призывом в Советскую армию».

Иван пошёл в армию. В это время его сестра Мария Фёдоровна Заднеулицына поступила в Магнитогорский горнометаллургический институт.

Снова из анкеты:

«15.12.1940 г. – 10.1968 г. служба в Советской армии:

– солдат;

– секретарь комсомольской организации части;

– помощник начальника политотдела по комсомолу (Волховский, Карельский, 1-й Дальневосточный фронт);

– старший инструктор комсомольского отдела Политуправлений фронтов (Волховский, Карельский, 1-й Дальневосточный);

– помощник начальника Политуправления округа по работе среди комсомольцев (Таврический, Беломорский);

– зам. начальника политотдела соединения;

– начальник политотдела соединения».

Вот путь моего папы.

И большой вопрос, кто прожил жизнь веселее: учитель-солдат-офицер или его сын милиционер-адвокат-писатель. Думается, что отец. Ему выпало смотреть смерти в лицо, а мне разве что неправде. Но неправда, какая бы она ни была, – это не прорва смерти.

4

Теперь вернёмся к предвоенному времени.

«Призван Магнитогорским ГВК 15 декабря 1940 года. С 15.12.40 г. – секретарь комсомольской организации 554-го отдельного батальона связи 191-й стрелковой дивизии Ленинградского ВО».

В это время моя мама училась в Ленинграде в Химико-технологическом институте. Но встреча их там была невозможна: папа находился в лесах, окружавших город, и вряд ли мог оказаться на Невском проспекте.

«С 22.6.41 г. – секретарь комсомольской организации 554-го отдельного батальона

связи 191-й стрелковой дивизии 8-й армии Ленинградского фронта, 59-й армии Волховского фронта».

В это время мама уже уехала в Магнитогорск и училась в Горнометаллургическом институте. А папа встретил то, о чём до поры до времени даже боялись говорить: войну.

«Член КПСС с 1942 года».

Вступал, когда отступали, и исход войны был неизвестен.

Красноармеец Заднеулицын (слева) с однополчанами на фронте

Красноармеец Заднеулицын с командирами на фронте – в первом ряду второй справа

«Младший политрук (приравнивался младшему лейтенанту), приказ: вс 59 армии, № приказа 59 /п, 27.05.42 г.».

Пробыв на фронте почти год, стал младшим политруком. Известно, что политруки подчистую выбивались на фронте.

Младший политрук Заднеулицын с командиром у карты

Его коснулись блокада Ленинграда.
Голод.
Холод.
Болота.
Окопы...

Сейчас мы многое узнали о той обороне, которую приходилось удерживать. Вряд ли папа был уверен, что вырвется из пекла живым, что у него буду я, его сын, будут внуки... Но не сомневаюсь – надеялся.

Политрук Заднеулицын (третий слева в первом ряду) с однополчанами на фронте

«Старший политрук (приравнивался к званию старший лейтенант, 09.10.1942 г. введены офицерские звания), приказ: вс. Волховского фронта, № приказа 0476, 22.08.42 г.»

«С 11.42 г. – помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев 191-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта.

Капитан, приказ: Волховский фронт, № приказа 0610, 03.12.42 г.»

Известно, что 18 января 1943 года встречными ударами 2-й армии и 8-й армии прорвана блокада Ленинграда.

Отец прорывал блокаду!

О том, что он защищал Ленинград, свидетельствует список участников обороны города по 191-й стрелковой дивизии [22], где его фамилия значится под номером 81.

С П И С О К

Участники обороны Ленинграда, в том числе и заградительных дивизий.

№	Фамилия, имя и отчество	Звание	Дата рождения	Дата вступления в армию	Место рождения	Служба
1.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
2.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
3.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
4.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
5.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
6.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
7.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
8.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
9.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
10.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии

С П И С О К

№	Фамилия, имя и отчество	Звание	Дата рождения	Дата вступления в армию	Место рождения	Служба
75.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
76.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
77.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
78.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
79.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
80.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
81.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
82.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
83.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
84.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
85.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
86.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
87.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
88.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
89.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
90.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии

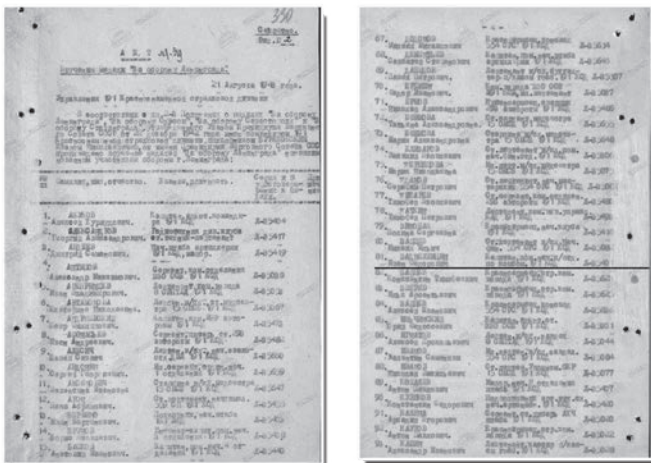
С П И С О К

№	Фамилия, имя и отчество	Звание	Дата рождения	Дата вступления в армию	Место рождения	Служба
200.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
201.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
202.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
203.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
204.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
205.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
206.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии
207.	Александр Александрович	Сержант	1910	1930	С.Петербург	Служил в 191-й стрелковой дивизии

Список участников обороны Ленинграда

За оборону Ленинграда он награжден медалью [23].

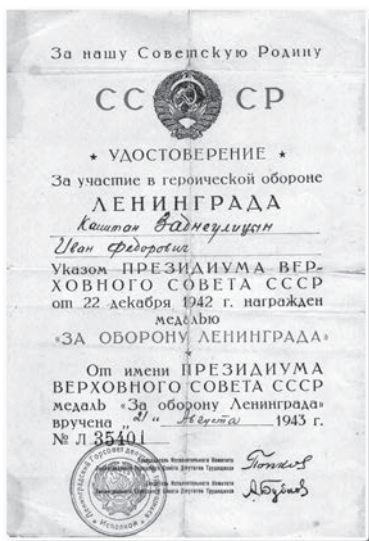

Акт о вручении медали
«За оборону Ленинграда»

Капитан Заднеулицын
с солдатом на фронте

Удостоверение о награждении медалью
«За оборону Ленинграда»

«С 28.05.43 г. старший инструктор комсомольского отдела Политуправления Волховского фронта».

В наградном листе [24] на представление к ордену Красной Звезды старшего инструктора Политуправления Волховского фронта по работе среди комсомольцев капитана Заднеулицына Ивана Федоровича записано, что он участвовал в боях под Тихвином, Синявино, Любанью, в прорыве блокады города Ленина.

В листе значится:

«Тов. Заднеулицын с первых дней войны находился на фронте. Работая пом. начальника политотдела по комсомолу 191 ксд [25], показал себя смелым, инициативным, знающим свое дело политработником. Четко руководил работой комсомольских организаций в период

боя. Во время боев в районе Синявино в критический момент принял командование ротой, возглавил атаку и обеспечил выполнение задачи. Организовал эвакуацию раненых с поля боя. Лично сам эвакуировал пять человек. В боях по прорыву блокады Ленинграда в районе Круглой рощи, находясь в боевых порядках стрелковых рот, принимал участие в отражении контратак противника. Успешно отразил четыре немецких контратаки. Одновременно принял решительные меры по созданию крепкой обороны захваченных опорных пунктов противника.

Работая инструктором Политуправления фронта, показал себя энергичным, инициативным работником. В частях оказывает большую практическую помощь в налаживании комсомольской работы. В период боев, в августе 1943 г., выполняя задания начальника Политуправления фронта в частях 364 сд. [26], находился в боевых порядках рот.

Достоин награждения орденом Красная Звезда.

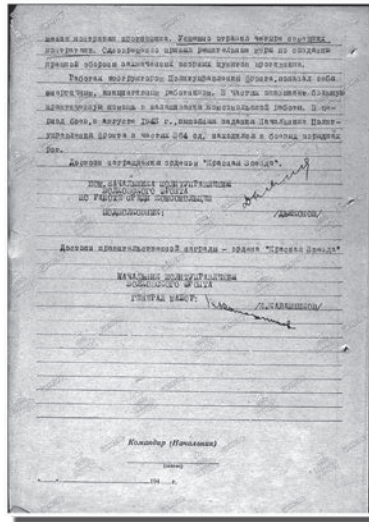
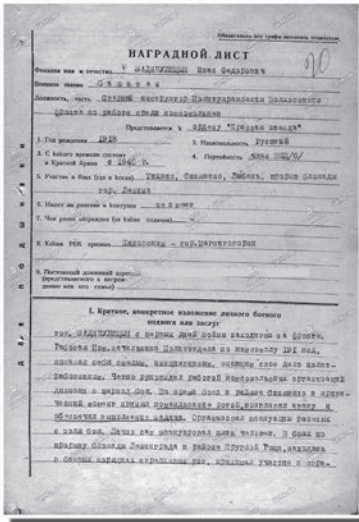
Пом. начальника Политуправления Волховского фронта по работе среди комсомольцев

подполковник Дьяконов.

Достоин правительственной награды – ордена Красная Звезда.

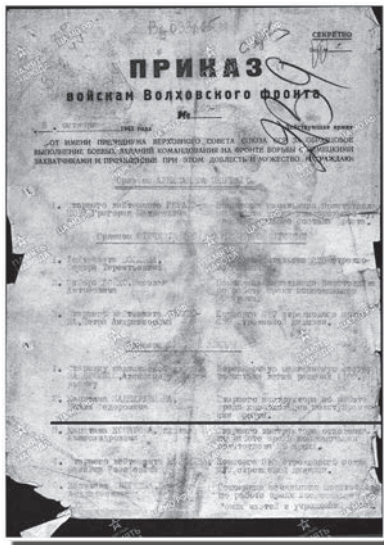
Начальник Политуправления Волховского фронта генерал-майор К. Калашников».

Наградной лист о награждении орденом Красной Звезды

На основании наградного листа был подписан приказ [27] о награждении капитана Заднеулицына орденом Красной Звезды.

Приказ 97 от 08.10.43 года по войскам Волховского фронта

Известно, что до января 1944 советскими войсками освобождены города Луга...

Где-то там был и мой отец.

«Майор, приказ: Волховский фронт, № приказа 018, 13.02.44 г.»

5

Сохранилось объяснение отца, написанное в Политуправление Беломорского военного округа в сентябре 1955 года, в котором он

подтверждал стаж службы в 1-м Дальневосточном фронте и писал: «После ликвидации Волховского фронта в феврале 1944 года штаб переместился на север, и фронт стал именоваться Карельским, где я продолжал службу в том же комсомольском отделе, но на должности инструктора.

После окончания боевых действий на Карельском фронте штаб и Политуправление фронта были выведены в резерв (май 1945 года).

Вскоре штаб и Политуправление передислоцировались в г. Ворошилов-Уссурийск, и фронт стал именоваться 1-м Дальневосточным, где я продолжал служить в том же комсомольском отделе».

Скупые фразы о службе.

А мне известен случай, когда отцу зимой на лыжах пришлось выводить из окружения большого военачальника. Видимо, это было под Ленинградом. И военачальником был Ворошилов. Тогда немецкая речь была так близка, что их запросто могли обнаружить. Вот почему отец до конца жизни не мог спокойно её слышать. Когда ему после войны предложили уйти на военно-дипломатическую работу и служить в Австрии, он, зная, как близка австрийская речь немецкой, наотрез отказался. Хотя австрийцы и говорят на венском диалекте немецкого языка, но всё равно это один, на всю жизнь проникший во все жилы язык.

«С 18.03.44 г. инструктор комсомольского отдела Политуправления Карельского фронта».

К этому времени Карельский фронт стабилизировался, а с лета 1944 года советские войска перешли в наступление. Вряд ли отец отсиживался в кабинете. Да и был ли он у него, майора Заднеулицына, которого прозвали Храбрым Иваном. Мне об этом говорили его однополчане.

Доказательство такому прозвищу – боевые награды и звания, которые одно за другим присваивались бывшему учителю физики, а одно – от младшего до старшего политрука – он получил, минуя ступень политрука.

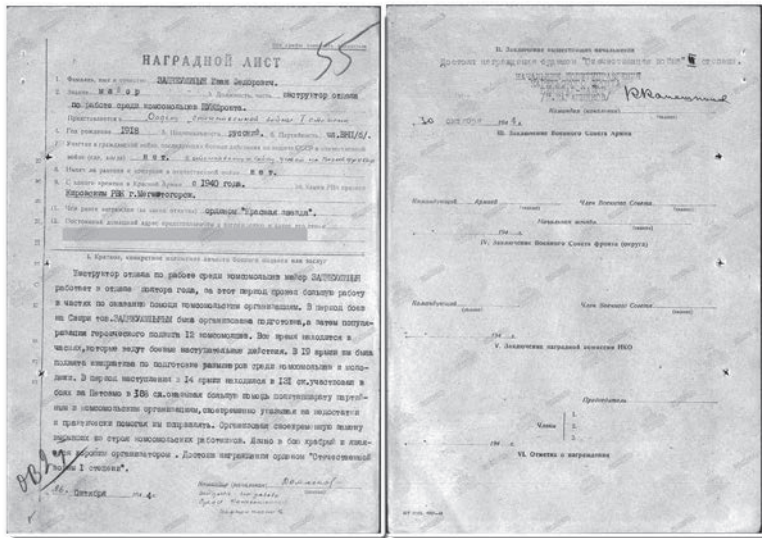

В архиве есть наградной лист [28] к представлению инструктора отдела по работе среди комсомольцев Политуправления Карельского фронта майора Заднеулицына к награждению орденом Отечественной войны I степени:

26 октября 1944 года

Заключение вышестоящих начальников

Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени

Наградной лист к ордену Отечественной войны

«Инструктор отдела по работе среди комсомольцев майор Заднеулицын работает в отделе полтора года, за этот период провел большую работу в частях по оказанию помощи комсомольским организациям. В период боев на Свири тов. Заднеулицыным была организована подготовка, а затем популяризация героического подвига 12 комсомольцев. Все время находится в частях, которые ведут боевые наступательные действия. В 19 армии им была поднята инициатива по подготовке разминеров среди комсомольцев и молодежи. В период наступления в 14 армии находился в 131 ск, участвовал в боях за Петсамо в 188 сд, оказывая большую помощь политаппарату, партийным и комсомольским организациям, своевременно указывая на недостатки и практически помогая их исправлять. Организовывал своевременную замену выбывших из строя комсомольских работников. Лично в бою храбрый и является хорошим организатором. Достоин награждения орденом Отечественной войны I степени.

Начальник отдела по работе среди комсомольцев

подполковник

Дьяконов

Начальник Политуправления Карельского фронта

генерал-майор К. Калашников

30 октября 1944 года».

Подполковник Дьяконов считал, что Заднеулицын достоин ордена Отечественной войны I степени, а чья-то рука, видимо начальника Политуправления генерала Калашникова, исправила и дописала вторую палочку, что хорошо видно на наградном листе.

Кое-что проясняет сам приказ по войскам Карельского фронта [29], где орденом Отечественной войны I степени награжден старший инструктор отдела по работе с комсомольцами Лев Шерстенников. Я встречался с ним в 70-е годы, он работал в отделе кадров то ли на телевидении, то ли на радио. После войны служил в Москве, а мой папа мотался по гарнизонам. Вот, видимо, тогда, может, генерал Калашников посчитал некорректным, чтобы простого инструктора наградили орденом I степени, а старшего инструктора II степени. Видимо, папа не вписался в разрядку (возможно, орден I степени выпадал на отдел по работе с комсомольцами один). Не знаю, так это или нет, но сам, работая в комсомольских органах, видел, как непутевые, блатные и бесчестные росли и получали награды, а путевые, неблатные и честные прозябали, и заслуженные награды до них не доходили.

Я от многих слышал, что папа готовил героев Свири и теперь имел этому подтверждение:

«В период боев на Свири тов. Заднеулицыным была организована подготовка, а затем популяризация героического подвига 12 комсомольцев».

1947 год (находился) в Корее и Маньчжурии в составе войск 1-го Дальневосточного фронта и Приморского военного округа».

У нас в семейном архиве сохранились фотографии папы в Порт-Артуре с видами залива с кораблями, пушек и укреплений.

У меня есть альбом, подаренный ему после встречи с моряками крейсера «Калинин».

«С 10.45 г. по 08.47 г. инструктор комсомольского отдела Политуправления Приморского военного округа. В резерве Политуправления сухопутных войск с 08.47 г.».

Крейсер «Калинин»

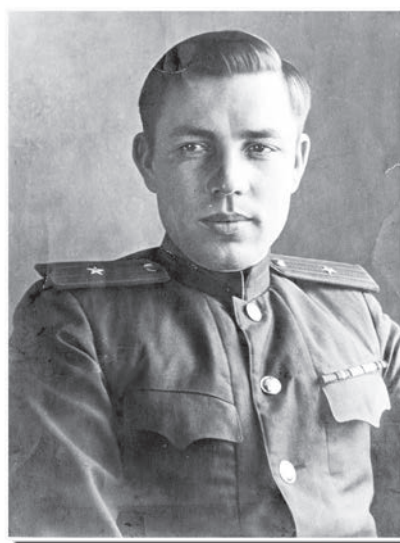

Представители Приморского военного округа (майор Заднеулицын седьмой слева) в гостях на крейсере «Калинин». 27 июля 1947 года

Представителям Приморского Военного Округа полковнику Погудину, майору Заднеулицину, капитану Куделя, старшему сержанту Белозерову от личного состава крейсера „Калинин“ на память фото-альбом „Жизнь корабля“ в честь дня Военно-Морского Флота 27 июля 1947 года.
г. ВЛАДИВОСТОК.

Подарочный листок

Выходило, папа в войну участвовал в боях на самых опасных участках: под Тихвином, Синявино, Любанью; прорывал блокаду Ленинграда; был в передовых порядках в Мгинской операции; готовил героев Свири; участвовал в боях на Петсамо, в Китае, в Корее... Вот они, короткие факты службы бывшего учителя из Магнитогорска, которые увенчали боевые ранения, ордена Отечественной войны, Красной Звезды и медали.

Майор Заднеулицын

Удостоверение о награждении медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Удостоверение о награждении медалью «За победу над Японией»

Орденская книжка

Что касается родных папы. Бабушка Агафья Андреевна и дедушка Фёдор Корнеевич в войну были в Магнитогорске. Дедушка имел бронь, которую получали магнитогорцы, причастные к выпуску металла.

Родня по Агафье Андреевне осела на Дону, с самого начала войны трудилась. Старое за ними не тянулось. Кто уходил на фронт. Кому выпало уходить в тыл и в зной гнать совхозный скот от немцев, переправлять через Волгу; кому – попасть в оккупацию и ждать прихода советских войск.

Егения Ерофеевна рассказывала: «Вот я недавно слушала про бои под Орлом. Там дикий бой был. Страшно прямо. Моего папу (Ерофей Иванович Юрко) взяли – ему было 40 лет. Их не брали тогда ещё, а когда немец начал наступать, прорыв, собрали всех сорокалетних мужчин отовсюду, из Сибири, и моего отца взяли. Это было в 42-м году. И бросили под Орёл. Папа прислал письмо, одно-единственное. Оно, жаль, потерялось: “...ехали без сна... Нас привезли под Орёл. Вот мы сейчас сидим (где-то там)... Нас бросают в бой”.

Это под Орлом. И присылают нам через какое-то время: “Пропал без вести”. Конечно, какое там “пропал без вести”? Там смесили всё!

...И к нам пришли. Смотрим: идут. Саранча. Румыны эти и итальянцы. Мы взяли вёдра, положили туда, что было, и сидели на них на улице. А румыны и итальянцы тряпки из дома забирали. Гуси у нас были. Приехал на бричке немец и сгоняет, чтобы забрать. Мама хотела ему что-то сказать, а он:

– Ага, партизанэн! – и за пистолет сразу.

А ему кто-то, кто стоял там:

– Да нет, у неё много детей, их нечем кормить...

– Нет, она сказала “партизанэн”!

Гусей позабырал, всё.

О-ёй-ёй!..

А был австриец. Мы жили: барак, там комната и коридор. Всех, кто в бараке, согнали к нам. А в других комнатах те солдаты, что были на машинах, отсыпались.

Австриец:

– Кляйнер, кляйнер... У меня также дети... – и дал кусочек чего-то.

Я тогда первый раз ела сыр.

А когда у нас надо было выбрать старосту, то выбрали дедушку Херсона – добрейшей души был человек. Он отказывался.

А все:

– Нет, ты! Иначе другой коров заберёт. А ты – хороший и будешь старостой.

Немцы пришли

Он:

– А как же я смогу быть хорошим? Немцы приезжают, требуют: давай три коровы! Мне придётся у вас коров отбирать. Не надо меня!

– Ничего! Всё равно ты будешь забирать корову у того, кто может отдать. Давай!

Всё, сделали старостой. Насильно. У нас же быстро.

А потом, когда немцы отступили, дедушка у нас скрывался. Он думал, что его расстреляют. Он долго прятался. Мама его так любила, что не отдала. Его, видно, не выдали, копались-копались, а им сказали: нет, здесь не было старосты...

А как немцы бежали! На машинах, их так шуранули. Водители – больше русские парни. Из пленных, что ли? Они сделали так, что танк сорвался с моста и проезд перекрыл. Немцы без машин – ходу! И вижу: пламя! Это катюши дали».

В первом ряду: в центре Илья Андреевич Жуков, крайний справа Федор Корнеевич Заднеулицын.

2 августа 1980 года

Многих из родни бабушки Гаши поглотила война. Погибли три сына Фёдора Романовича, брата её отца. Сын её брата Херсона Андреевича Павел погиб. Другой сын, Иван подорвался на mine. Внук Херсона от сына Ильи Павел тоже погиб на фронте. Муж Евгении Андреевны Ерофей Иванович пропал без вести под Орлом. Сын Андрея Романовича от брака с мачехой Василий погиб... Уцелели братья – Херсон, Филипп, Илья, сестра Евгения Андреевна и их дети.

Говорят, война не выбирает, кого забрать. Но я почему-то думаю, что всё-таки выбирает. Боже упаси увидеть её...

Часть третья.
Мои родители

1

Пришло время, когда две семьи – Заднеулицыных и Стрекаловских – породнились. Поля Стрекаловская была девушка яркая, смоляные волосы по пояс, немножко скуластая, что выдавало её бурятские корни. Она была общительная, имела широкий круг знакомых. Дружила со студентом на курсе старше Борисом Кисельковым.

Они бегали в эстафетах за институт. Дядя Миша, брат Поли, вспоминал, как его сестрёнка бежала, а он по бровке еле поспевал за ней, нёс штанишки.

Молодые ходили в кино. Но Бориса забрали на войну, с какого курса, точно сказать сложно. Он погиб. Одни говорили, что налаживал связь и его подстрелила «кукушка» – сидела на ёлках в белом халате, а другие утверждали, что он сгорел в танке.

У Полины проблем с молодыми людьми не было.

Случилось так, что Полина и Маша Заднеулицына, сестра Ивана Фёдоровича тётя Маша, оказались не только в одном Магнитогорском горнометаллургическом институте, но и на одном факультете, на одном курсе и в одной группе. Напомню, если ты забыл, что моя мама Поля вернулась из Ленинграда в Магнитку перед самой войной, когда умер её папа.

Поля и Маша были подружками, но не близкими. Знались, как все студентки, виделись

Полина

на занятиях и после. В общем, это была обычная студенческая дружба.

И вдруг к Маше приезжает брат. Военный офицер. Вряд ли Маша могла об этом умолчать. Возможно, брат попросил Машу показать подружек. Может, собрались на случайной вечеринке... В общем, каким-то образом произошла встреча. Тётя Маша, прямо скажем, не красавица, но это к слову. А Иван – он же Магнитогорский пединститут оканчивал, – видимо, институт навесил в своей военной блестящей форме, пришёл к сестре и каким-то образом где-то они там встретились. И он, как выразился Михаил Михайлович, брат Полины, на Полину «глаз положил. И они уже целенаправленно захотели встретиться. То ли Полина, то ли он проявил инициативу, но они повстречались ещё. Конкретно...»

Далее Михаил Михайлович так рассказывал об этой встрече: «Я не знаю, сколько он там пробыл в отпуске. Он на востоке служил, война-то кончилась, и он побывал у нас в гостях. Я помню, он пришёл в Берёзки к нам на квартиру в форме. Посидели с маманей (бабусей Любой), поговорили. Я не слышал разговора, но, видимо, он произвёл впечатление.

А потом вдруг письмо. Я его не читал, но, наверно, в нём было что-то вроде этого: «Прошу руки вашей дочери... быть моей женой... потому что приехать не могу».

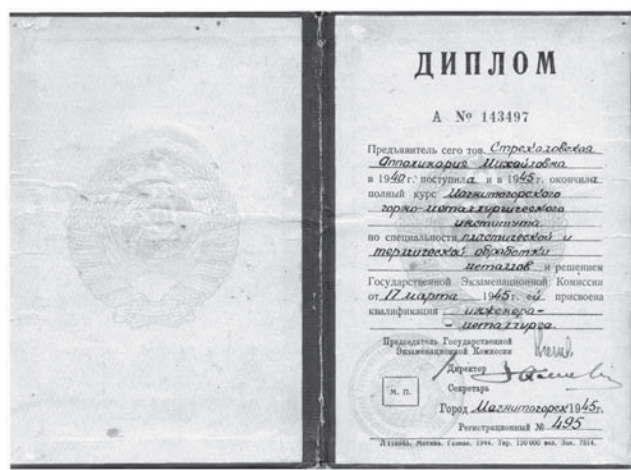
Вообще-то по всем христианским правилам полагалось приехать любому жениху. Какие-то соблюсти церемонии. А он: «Приезжай – и всё. Я тебя встречу».

Майор Заднеулицын

Полина – хоп! – шубу на плечи и чемодан в руки...

А уже окончила институт, работала в лаборатории комбината с Машей, сестрой Ивана.

Диплом Полины

Даже подстроила как-то вечеринку. Они в лаборатории – одни девки. Но был у них один мужик – Александр Узиенко, сохранились даже фотографии, на которых они на вечеринках. Полина рассказывала: «Саша хотел, чтобы я пришла (по какому-то адресу), а я подговорила Машу, чтобы пришла она. И тот с разгону-то – к Маше! А уже назад ногами нельзя, и они «полюбились». Вот так Маша стала Узиенко».

А Полина с ними не стала. Тут Иван Фёдорович прислал ей приглашение, и она помчалась на Дальний Восток.

Мама переживала: «Да как ты, как ты?.. А вдруг...» А она: «Да поеду – и всё!»

Ехала в хорошем настроении, а когда подъезжала к Ворошилово-Уссурийску, вдруг защемило: “Что если не встретит? А куда мне идти, что делать?..”

И вдруг от неожиданности аж лицо вытянулось. Говорит: “Гляжу: встречает! И чемодан от волнения свой забыла. А он постеснялся спросить, и чемодан куда-то уехал...”

Ну, а потом – его хозяйство. В коробках, ящиках. Какую коробку ни открывает, там шоколадка лежит. Под каждой крышкой. Он любил делать такие мелкие приятности.

А мы остались с маманей здесь, в Магнитке».

Вот что я услышал от дяди Миши.

Полина и Иван

2

Похожее мне говорила и Екатерина Михайловна Караваева, как мы её звали тётя Катя, двоюродная сестра моей мамы.

Она рассказывала: «Вроде познакомились они на вечере у тёти Маши. Полина с Машей вместе учились в институте. А Ваня приехал к родителям на побывку, поскольку он же участвовал в войне. Потом их в числе многих послали на Дальний Восток – там ведь тоже война была. С японцами. Крови было не знаю сколько пролито!

Ну вот там и Полина с будущим мужем и познакомилась, когда ещё была выпускницей.

Переписывались. Поля, кстати, всё время переписывалась с военными с фронта. Чего она переписывалась, искала, что ли? У ней ребята вроде были, которые за ней ухаживали. Раз переписывалась – значит, переписывалась. И с Иваном, наверно, переписывалась.

А на Дальний Восток к твоему отцу она уехала, когда уже окончила институт и поработала немножко. Видимо, так они решили, она к нему и уехала...»

Думаю, что некоторые разночтения насчёт того, состоялось ли знакомство до окончания войны или тогда, когда папа уже был на Дальнем Востоке, вряд ли меняют существо их отношений.

Дядя Миша продолжал: «Полина уехала к Ивану. Фёдор Корнеевич к нам пришёл. Было застолье, надо же породниться. А потом к Фёдору Корнеевичу я на конный двор приходил, он мне лошадь давал – он же на конном дворе командовал. Это недалеко от института. Дал мне лошадь запряжённую, я ездил на ней сено косить...»

Но бытовало и другое мнение. Мне настойчиво твердила Евгения Ерофеевна Юрко, родня по линии бабы Гаши, о том, что Полина «окрутила» Ивана: «Говорили, что Иван Фёдорович женился не по любви... Полина приехала, а ему деваться некуда. Они только раз с Полиной до этого встретились, и она поняла, что это её человек. И едет на Дальний Восток. У него симпатия была другая [31], а она едет туда. Приезжает и говорит: “Я твоя жена”. А он из соображений порядочности, что он служит и нельзя же гулять, предлагает ей остаться. Я думаю, он был вынужден. Может, её распределение подтолкнуло [32]. Потом женщины – они же умнее, если они всё просчитали, решили...»

Но брак был удачным.

Полина приезжала в Ростов, когда Ивана Фёдоровича не стало. Мы встречались, жарили карпиков. Полина Михайловна была аристократична, она оказалась достойной женой...»

Может, и были основания для таких мыслей о «захвате» моего папы, но это только

украшает мою маму. Это говорит о ней как о яркой, незаурядной личности, способной бороться за своё счастье. Ведь в ней – смесь полячки и бурятки и много ещё каких кровей.

А чего ей было ждать? Раз молодые, раз любят. Уж в противном меня никто никогда не убедит.

Мама рассказывала, что в первую ночь папа к ней не прикоснулся – он жалел её, проехавшую почти через всю страну, уставшую.

Весь мой жизненный опыт говорит мне, что не каждая способна на такое. На моих глазах случалось, когда жена какого-нибудь офицера по пути на Дальний Восток бежала назад, не доехав и до Хабаровска, до Читы.

Моя мама, к моей радости, иной породы!

Что нам говорит об этом периоде анкета отца? Он с мая 1945 года находился в Политуправлении 1-го Дальневосточного фронта, который в октябре того же года преобразован в Приморский военный округ. С 1945-го по 1947-й – в Корее и Маньчжурии в составе войск 1-го Дальневосточного фронта и Приморского военного округа.

Так шла его служба.

3

Здесь, на Дальнем Востоке, в Ворошилово-Уссурийске (теперь просто Уссурийске), появилась на свет моя сестра Алла. Она родилась 26 декабря 1946 года. В пять утра. Она знала это, потому что один служивший там генерал подарил новорождённой картину из калининградского янтаря. На картине были изображены часы, стрелки которых показывают пять.

Мама говорила Алле: «Это время, когда ты родилась».

Но где эта картина, я не знаю. Мне папа рассказывал, что однажды во время полёта на военно-транспортном самолёте возникли неисправности, и пилот приказал всем выкинуть вещи, чтобы они могли дотянуть до аэродрома. Тогда многие чемоданы полетели в тайгу, может, в одном из них и лежала эта картина из янтаря.

Известно, что мама во время беременности Аллой падала (зима, было скользко), и поэтому сестра родилась раньше.

Аполлинария Михайловна, дочь Алла, Любовь Григорьевна, Иван Фёдорович

Видимо, потому что папино здоровье после войны было подорвано, его перевели в более благоприятные с точки зрения климатических условий края. Думаю, это произошло не без помощи друзей по работе в комсомольском отделе Политуправления. Комсомольская дружба всегда благоприятно сказывалась на нашей семье. Во многие тяжёлые периоды жизни выручало это товарищество молодости.

Поэтому, когда поют: «Не расстанусь с комсомолом...» – эти слова я отношу к себе и встаю, словно слушая гимн.

Майор Заднеулицын получил назначение в Крым и семьёй из трёх человек – с женой и дочерью – переехал в город Симферополь.

Анкета: «04.10.47–04.04.1950 г. – помощник начальника Политуправления Таврического ВО по работе среди комсомольцев, г. Симферополь.

В 48-м году поступил в академию.

1947 г. – 1950 г. – член бюро Крымского областного комитета комсомола».

Его друг, с семьёй которого впоследствии поддерживала контакты наша семья, бывший в ту пору первым секретарём Крымского обкома комсомола, Ивановский Георгий Васильевич [33] рассказывал: «Я с семьёй приехал в Симферополь в 1946 году. Стал первым секретарём Крымского обкома комсомола. Назначение получил от ЦК ВЛКСМ. Первым секретарём обкома партии был ленинградец Михаил Васильевич Соловьёв.

В то время нам приходилось заниматься встречей, приёмом переселенцев, организацией

подготовки кадров. Надо было поднять сельское хозяйство. Ведь всё было разрушено! Севастополь лежал в руинах. Я работал в комиссии по восстановлению Севастополя. Там было несколько человек. Был даже генерал, который потом руководил строительством Асуанской плотины в Египте на Ниле...

Вот так.

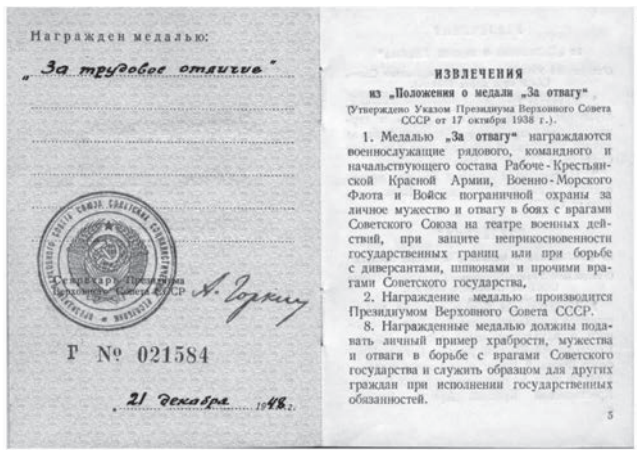
А твой папа приехал в 1947 году.

Майор Заднеулицын на докладе командиру.
Крым, Таврический военный округ

Он был помощником по комсомолу начальника Политуправления Таврического военного округа [34] и контактировал с Крымским обкомом комсомола. Был членом его бюро.

Хотя штаб округа находился в Симферополе, округ растянулся широко и, помимо Крымской, включал Запорожскую и Херсонскую области. Поэтому ему приходилось много ездить. Тогда войска переводили на мирные рельсы, солдаты помогали восстанавливать хозяйство, разминировали местность. Работы хватало.

Удостоверение о награждении медалью
«За трудовое отличие»

Удостоверение о награждении медалью
«XXX лет Советской армии и флоту»

Я помню, что у твоего отца в Симферополе были неприятности. Причину я не знаю. Но он на какое-то время оказался не у дел. Ему не платили зарплату. Сколько это продолжалось, я не могу сказать. Но я ему помогал. Ведь тогда я ещё был первым секретарём. Поэтому мы – мне вон сколько лет! – а все дружим семьями».

Мой разговор с Георгием Васильевичем проходил накануне 9 ноября 2009 года, когда ему исполнялось 90 лет. И я тогда пожелал многие лета дорогому Георгию Васильевичу.

4

Мама рассказывала, что когда сгустились тучи над папой, его сослуживцы при одном их появлении переходили улицу, перестали здороваться, делали вид, что не замечают. Вот она, гнилая проза мирной жизни! Настоящую проверку люди проходили на войне.

Случались дни, когда в семье на столе не было куска хлеба. Но им помогали Ивановские.

Иван и Полина. Ялта. Декабрь 1949 года

Что было за папой, я не знаю. Но что-то рыли кадровики, эти архивные «крысы». Я не думаю, что они что-то прознали про родню мамы, которые имели дом на Байкале, – они ведь всё отдали. Или про родню папы, которая бежала из Казахстана. Ведь и за ними ничего «кулацкого» не водилось. Мне говорили, что дедушка специально ездил в те места, в Кустанай, и привёз бумаги, что никаким кулаком он не был, чтобы к папе не было вопросов. Тогда всех чистили направо и налево...

Хотя, как сказать... Может, их заинтересовали различия фамилий родителей моего отца и его самого, их родни по бабушке Гаше... Кто это знает! Но что-то искали крючкотворы, которые за бумажкой не хотят видеть человека.

В эти тяжёлые дни нашей семье помогли боевые друзья отца. Кто-то из них в Политуправлении Советской армии подал рапорт папы на перевод начальнику управления, и тот его подписал. И отца просто вырвали из Симферополя. Он получил назначение в Беломорский военный округ и уехал.

Ивановский оставался в Крыму.

Вот что он ещё рассказывал: «Грянуло “Ленинградское дело”. Первым секретарём Крымского обкома партии был ленинградец Михаил Васильевич Соловьёв, были из Ленинграда и другие руководители. И вот по всей стране хватили выдвиженцев из этого города.

Я был в это время в составе бюро обкома партии. А всему бюро обкома было выражено недоверие. Политическое. Я, секретарь Севастопольского горкома партии, секретарь Симферопольского горкома партии, все первые секретари – мы трое были кандидатами в члены бюро обкома, принимали участие в любом заседании обкома. И были, собственно говоря, уволены.

В связи с тем, что сложилась такая обстановка, я уехал в Мурманск. В Мурманске работал заведующим организационно-инструкторским отделом облисполкома, председателем Мончегорского горисполкома. Но там моя младшая дочка [35] сильно заболела, пришлось возвращаться в Крым, где

Удостоверение члена бюро Крымского обкома комсомола Заднеулицына

я руководил управлением культуры. К тому моменту всех по “Ленинградскому делу” уже реабилитировали.

А сколько репрессировали! Соловьёва в октябре 1950 года расстреляли. С ним – десятки других.

Теперь о самом “Ленинградском деле” столько написано! А ведь убирали потенциальных конкурентов, которые поднимались и могли встать во главе страны. Им шили то, что они хотели “отделить РСФСР от СССР”. А они просто хотели поднять Россию, чтобы была своя компартия в РСФСР, свои государственные, как на той же Украине и в других тогда республиках, органы власти. А их – вот как... Смели. Как по Сталину: человека нет, и вопросов нет. Так что самое “яркое”, что нам выпало в Симферополе, это то, что нас всех выгнали метлой».

Георгий Васильевич Ивановский и Михаил Фёдоров. Март 1985 года

Когда я спросил у Георгия Васильевича, а были ли у папы ордена, он ответил: “Я не помню... Многое улетучилось из памяти”.

Видимо, папа не выпячивал себя, как другие, к случаю и без случая вывешивая на грудь награды.

5

В Симферополе наша семья жила в восьмизэтажном доме. Он и сейчас стоит. Сначала у них была небольшая площадь – несколько комнат, а когда кто-то рядом живший выехал, они заняли всю квартиру. Потом её вернули.

Дядя Миша – тогда восемнадцатилетний юноша – в 1949 году приезжал в Симферополь.

Он рассказывал: «Я ничего не чувствовал, что что-то было, что его где-то разбирали [36]. Там речушка маленькая и дом капитальный. И в этом мощном доме жил я. Подъезжая к Симферополю, спрашиваю: “Где искать улицу Набережную?” – “Ха-ха!..” – смеются соседи по вагону.

Думают: парень про море спрашивает. Но мне одна девушка рассказала где и даже показала. А Набережная – потому что речушка протекает.

Я спал на крыше – туда вытащили матрас. Приходил туда и спал.

Из-за Аллы скандал был. Я Полину побил, чего потом простить себе не мог. Она Алине “по башке” много раз стучала. Раз, два... Алина капризная была: то это хочу, то это. Дёргает мать. Она как-то ударила дочь по голове, сильно. Та заревела. Я взбунтовался и как ударю Полину: “Ты что делаешь!”

Я представляю, как ей было тяжело. Ушла. Видимо, Ивану Фёдоровичу рассказала, а он мне ни слова не сказал.

Есть фотография Аллы с вазой. Она сидит, а в вазе – конфеты, персики. Я тогда сфотографировал.

Вот ведь выступил, называется, в защиту маленького ребёнка!»

В апреле 1950 года семья майора Заднеулицына уехала в Вологду. А в октябре пошли страшные процессы «Ленинградского дела», после которых многих не досчитались. Но семья жила далеко от Крыма, где шерстили ленинградцев, в стороне от Ленинграда, в стороне от Москвы, где раскручивалось дело.

Сладкоежка Алла. 1949 год

Из анкеты: «04.04.1950 г. – 17.10.1953 г. – заместитель начальника политотдела 25-й отдельной стрелковой бригады».

В ноябре 1951 года (приказ Главного Политуправления) отцу присваивают звание «подполковник».

Ещё в Симферополе отец поступил в Военно-политическую академию, как её называли – Ленинку. Учился заочно. У папы трудно шёл английский язык, и мама, чтобы помочь ему, пошла учиться в Вологодский педагогический институт на филологический факультет. Там учили и иностранные языки.

Подполковник Заднеулицын

В Вологде семья жила в двухэтажном деревянном доме, квартира была на втором этаже, из двух комнат, и между комнатами висели качели. Видимо, они предназначались для Аллы.

Этот дом я нашёл в 2008 году, когда был в командировке в Вологде. Я восхитился местом, где он стоял: почти на берегу реки, которая извивается каналом между теремов и церквушек. Рядом с Кремлём, стены которого, как скаты гор, вычленили из городской застройки «город» с колокольной-перстом. Мало таких нетронутых нуворишами городов пока сохраняется на Руси.

На берегу этой реки в Вологде жила семья Заднеулицыных

В таком доме в Вологде жила семья Заднеулицыных

5 марта 1953 года умер Сталин. Я не знаю, как было воспринято это сообщение в нашей семье, но, видимо, не с радостью. Дядя Миша рассказывал, что все они тогда были так воспитаны: если выразить одним словом, то «за».

А Полина спрашивала: «Кто же теперь заменит Сталина?»

Не было на горизонте никого. Он единственный вождь и по национальному вопросу, и по партийному, и по хозяйственному: что он сказал, то – закон.

Но чувствовалось, что грядут перемены, хотя в какую сторону качнутся весы, никто не знал. А потому у любого тревожно было на душе.

Думаю, и у моего отца, который с возгласом «За Родину! За Сталина!» ходил в атаку, не было ликования, как у политзаключённых, встретивших это известие с криками «Гуталинщик умер!» и от радости бросавших вверх шапки.

Но в горле першило от сталинского времени. Да и до сих пор при всей разногласии мнений о той эпохе однозначного ответа на неё не получено.

6

Летом 1953 года отец окончил академию по общевоинской специальности. 7 августа того же года решением аттестационной комиссии ему присвоена квалификация офицера-политработника с высшим военно-политическим образованием.

Удостоверение и нагрудный знак выпускника Военно-политической ордена Ленина Краснознаменной академии имени В.И. Ленина Заднеулицына Ивана Фёдоровича

Казалось, впереди карьерный рост, более высокие должности. На распределение приехало высокое начальство, и подполковник Заднеулицын, орденосец, в прошлом боевой офицер, мог рассчитывать на большее назначение.

Но... Он не выпивал. А тут встретился с давнишним другом и расслабился. Расслабился так, что на собеседование не смог пойти. Все хорошие должности разобрали, а ему выпало, что осталось.

Так он из замполитов бригады попал на ступень ниже – в замполиты полка. И не в Вологду, а в Череповец.

«17.10.53 г. – 28.04.55 г. и. д. – зам. по политчасти 303-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии Беломорского военного округа».

Если бы отец был служакой, конечно, он бы такого промаха не допустил. Какие там друзья?! Столько лет учиться в академии – и всё коту под хвост! В том-то и дело, что у него на первое место всегда выходило человеческое, даже тогда, когда это шло вразрез с его интересами по службе.

Вскоре на свет появился я. Родился в Вологде 15 декабря 1953 года. В какое время, не знаю, с каким весом, с каким ростом – тоже не ведаю. Но знаю, что мама со мной, как и с Аллой, падала. Поэтому и я, и сестра рождались преждевременно. Мы с ней зимние, когда снег и лёд, скользко.

Когда маму увезли в роддом, папа приехал из Череповца. Он привозил её из роддома. Ему помогала нянечка, которую звали тётя Маша (только не путай с тётей Машей, сестрой папы!). Она жила в нашей семье, так как ей жить больше негде было. У нас и позже были нянечки или, как их ещё называли, домработницы, но почему-то только о тёте Маше сохранились добрые воспоминания. От всех остальных рано или поздно избавлялись.

Меня назвали в честь Михаила Георгиевича Стрекаловского. На этом настояла моя мама – в память о своём рано ушедшем из жизни отце.

Не знаю, с честью ли я несу имя своего деда-геолога, но стараюсь. Хотя это не всегда удаётся.

То, что от моего рождения у родителей не было предела радости, это уж точно. Хотя радости у сестры – вряд ли.

Алла говорила:

– С тех пор, как появился брат, у меня закончилось детство.

Миша

Иван Фёдорович,
Аполлинария Михайловна,
Алла и Миша

– Почему? – спрашивал я.
 – Потому что я превратилась в нянюку.

Алле было почти семь лет. Как это часто бывает у родителей, у которых нет поблизости бабушек и дедушек, воспитание младших детей перекладывается на плечи старших. Как и в семье Марии Фёдоровны Узиенко, сестры папы, у которой было трое детей – Боря, Таня, Дима.

Как только я родился, мы сразу переехали в Череповец. Нянечка с нами уже не поехала. Мы переехали, потому что папа должен был получить квартиру. И как только он её получил, мы сразу же снялись с места. В Череповце мы жили в доме сталинской застройки. В квартире занимали три комнаты, а четвёртую – семья другого офицера.

Алла и Миша

Мама преподавала в Череповецком металлургическом техникуме. Продолжать учиться в Вологодском педагогическом институте смысла уже не было, так как папе больше не нужно было изучать английский язык. И она институт оставила. Здесь Алла пошла в школу. У нас, правда, были две приходящие нянечки. Но они всё время что-то тащили, что-то в доме пропадало. Поэтому всё было очень непросто.

Мы часто ездили к бабушкам и дедушке в Магнитогорск.

Миша и Алла у Любви Григорьевны Стрекаловской

Миша у Фёдора Корнеевича и Агафьи Андреевны

Не исполнилось мне и двух лет, как у папы возникли осложнения. После академии он исполнял должность заместителя по политчасти 303-го стрелкового полка.

Запись в анкете: «28.04.55 г. освобождён от занимаемой должности как не справившийся со своими обязанностями и зачислен в распоряжение Политуправления Беломорского военного округа».

Мне мама рассказывала, что он ушёл в отпуск, не оформив какую-то бумажку, а командир полка к этому придрался и раздул целое дело. У нас бывает такое, когда во что бы то ни стало хотят кого-то наказать.

7

Дальше: «28.04.55 г. – 14.07.55 г. – старший инструктор по марксистско-ленинскому

образованию Череповецкого гарнизонного Дома офицеров Беломорского военного округа.

14.07.55 г. – 27.09.55 г. – старший инструктор по пропаганде и военно-массовой работе Череповецкого гарнизонного Дома офицеров Беломорского военного округа.

27.09.55 г. – 08.04.57 г. – старший инструктор по пропаганде и военно-массовой работе Череповецкого гарнизонного Дома офицеров».

Следует заметить, что Беломорский военный округ расформирован в апреле 1956 года, и его войска влились в состав Северного военного округа. Таким образом, Череповецкий гарнизон поменял своё окружное начальство.

Видимо, отец обрадовался переводу в Дом офицеров, так как в нём не угасала страсть к учительству. А тут как раз – работа на слушателя. Его всегда тянуло к общению, к обсуждению. Я эту его тягу на себе испытал, поскольку она подспудно жила во мне и проявилась впоследствии. Отцовская работа сыграла определённую роль. В 1957 году он получает новое назначение в Полярную дивизию. Ему предстояла служба на Новой Земле.

На Новую Землю мы ехать не собирались, и уехали в Магнитогорск к бабушке Любе.

Мы прожили на Вологодчине семь лет. Алла проучилась в первом и втором классах, в Магнитке пошла в третий. У неё остались с той поры подруги детства, с которыми она поддерживает связь и поныне.

Любовь Григорьевна Стрекаловская

Миша на своем первом велосипеде в Череповце

Я уже рассказывал, что бабушка Люба в Магнитке работала секретарём-машинисткой в автомобильном цехе металлургического комбината. Как раз в 1957 году она вышла на пенсию. Мы к ней и направились.

Бабушка могла бы ещё работать, но дядя Миша рассказывал: «Была секретарём-машинисткой до самой пенсии. После она уже не стала работать. Дело в том, что там завистников было на её должность. Она одна за троих справлялась: машинистка, секретарша и рассыльная. Кого-то надо вызывать, связи никакой не было, и бегала. Я частенько у неё бывал. Сейчас начальник вызывает по кнопке или по телефону, а то и по сотовому, а раньше ничего этого не было. Она бросает печатание, ноги в руки – и бежит. А там длинная лестница на два этажа. По этой лестнице – на территорию автохозяйства, найдёт этого механика, скажет: “Начальник вызывает” – и назад. А механик идёт вразвалочку.

Так трое молодых девиц очень захотели эту должность занять на троих. Одна стала

машинисткой, вторая – секретаршей, третья – рассыльной. А маманя всё это одна выполняла. Поэтому, когда она уволилась, они тут же сели – видимо, чьи-то знакомые, родственники – и уже не уступали. Она, может быть, и хотела поработать, но её не пустили».

В Магнитке Алла училась в третьем классе, потом – в четвёртом. Мама работала. Мы жили у бабуси с дядей Мишей в Берёзках. Из этого времени я мало что помню. Но, судя по фотографиям, бывал у дедушки Фёдора Корнеевича с Агафьей Андреевной, которые жили на Дзержинке. Это в Магнитке на левом берегу Урала. Запомнились мухи в кухне во дворе, которых было видимо-невидимо; зашторенные, предельно чистые комнаты в доме; застеленные железные кровати, где я спал, и редкие выезды с детьми тёти Маши – Борей, Таней и Димой – к ним на дачу или на озеро Банное. У мужа тёти Маши всегда была машина от самых первых марок «Москвича» до последних.

А папа служил на Новой Земле.

«08.04.57 г. – 28.01.58 г. – заместитель начальника политотдела Полярной дивизии Беломорского корпуса ПВО Северного военного округа».

Самолёты этой дивизии бросали атомные бомбы на Новой Земле. Тогда шла гонка вооружений, и мы гнались за американцами в ядерной сфере.

Видимо, Крайний Север, испытания оружия отразились не лучшим образом на здоровье папы, которое и так подорвала война.

Поэтому в анкете имеется запись: *«Получено предписание: 8 октября 1957 года убыть в г. Москву, Политуправление Сухопутных войск».*

Ему предлагали новую должность.

8

Мы оказываемся в Грузии на турецкой границе. Там размещалась дивизия резерва военного командования.

Из анкеты отца: *«28.01.58 г. – 11.02.59 г. – заместитель начальника политотдела 10-й Гвардейской пушечной артиллерийской дивизии РВК (резерва Верховного командования) Закавказского военного округа».*

Фёдор Корнеевич, Агафья Андреевна, Миша и Аполлинария Михайловна

Тетя Маша, ее дети: Боря, Дима, Таня. Миша

Ахалцихе на карте Грузии

Мы жили в городе Ахалцихе. Я помню другие названия населённых пунктов: Вале, Аспиндза, Ахалкалаки, Манглиси, Абастумани. Я тогда много ездил с папой, и, видимо, с той поры во мне поселилась любовь к этому горному краю. Целые дни с отцом по горам на газике. Везли кинопередвижку. Я знал: где-нибудь на границе будут показывать в части кино. Может, те детские просмотры сыграли определённую

роль в том, что я впоследствии в выборе, куда поступить: в Литературный институт имени Горького или во ВГИК? – выбрал последний.

Я там научился говорить на грузинском языке, а слово «гомарджобо» и теперь произношу не хуже коренных грузин.

Мне помнится церковь на горе в Ахалцихе, около которой лежало много голубей с оторванными головами. Мне тускло, но помнятся даже девчонки с нашего двора, все в коротеньких платьицах и с пухленькими ножками.

В Ахалцихе Алла ходила в пятый, потом в шестой класс, а мама преподавала в школе «Машиноведение».

Служа на Кавказе, отец сменил фамилию Заднеулицын на Фёдоров.

Запись в анкете отца: «25.06.1958 года заменил фамилию Заднеулицын на Фёдоров по причине сложности произношения».

Почему на Фёдоров? Видимо, по имени отца Фёдора Корнеевича.

Мне Алла говорила: «Заднеулицын... Ты не проходил эту школу. Представляешь: Зад-не-у-ли-цы-на? Дразнили: “Зад-ня-я у-лица! Зад-ня-я у-ли-ца!” А то и того хлеще: “Зад-ни-ца!..”

Кто такое стерпит? Одни слёзы. Вот и заменили фамилию».

Мне о том, как в семье тяготились этой фамилией, говорила и племянница Агафьи Андреевны Евгения Ерофеевна Юрко: «Вот и заменил Иван фамилию. Он рассказывал, когда на границе был, ему: ”Ну, как это так? Ты такой офицер – и Заднеулицын. Срочно меняй!”»

А став членом Союза писателей России, я услышал: «Лучше было бы тебе Заднеулицыным остаться. Редкая фамилия. А то Фёдоровых – как кур нерезаных».

Но что бы там ни говорили, 25 июня 1958 года в Тбилиси папа получил свидетельство на смену фамилии себе и всем нам.

На Кавказе папа рос по службе.

Из анкеты: «С 11.02.59 г. – начальник политотдела, заместитель по политчасти 6-го Укрепленного района 31-го особого армейского корпуса Закавказского военного округа».

Сохранилась аттестация, написанная в то время: «В работе энергичный и инициативный,

Семья Фёдоровых: Иван Фёдорович, Миша, Аполлинария Михайловна, Алла

требовательный к себе и подчинённым. Много работает над повышением своих военных, политических и технических знаний. Систематически выступает с лекциями и докладами перед офицерами, повседневно уделяет внимание политическому и военному росту офицеров... Командирскими качествами обладает... Является дисциплинированным офицером. В поведении и быту скромен. В обращении с товарищами общителен, вежлив, тактичен.

Пользуется авторитетом среди личного состава Укрепленного района...

По своим деловым и политическим качествам и опыту работы достоин выдвижения на высшую должность – начальника политотдела дивизии...

Командант 6-го Укрепленного района ...
Сентябрь 1959 года».

Удостоверение о награждении подполковника Фёдорова медалью «40 лет Вооруженных сил СССР»

**Мандаты делегата
партийных
конференций
Фёдорова И. Ф.**

Миша в Ахалцихе

Но снова дали знать о себе болезни.

Вот выписка от 13 сентября 1959 года Тбилисского окружного военного госпиталя (видимо, он там лежал): *«Жалобы: с 58-го года боли в сердце с отдачей в левое плечо, онемение пальцев ног и рук, общая слабость.»*

«Это связывает с прохождением службы в высокогорной местности.»

«Лечился в медсанчасти, в феврале 1959 переведён в Ахалцих.»

«Вывод: начальные явления кардиосклероза с явлениями коронарораспазма.»

«Годен к службе вне строя в мирное время, в военное время ограниченно годен первой степени. Служба в ЗакВО не противопоказана, за исключением высокогорной местности.»

После северных перегрузок отцу пришлось мотаться по отдалённым горным гарнизонам. Конечно, постоянные перепады высоты, походное питание, ненормальный отдых не могли не отразиться на ухудшении его здоровья.

На очередном служебном взлёте он был вынужден решать, служить дальше или увольняться.

На Кавказе с его беспокойным характером оставаться было проблематично. Он бы не усидел в кабинете и мотался бы по частям, невзирая на боли – ни в сердце, ни в желудке...

Снова не без помощи товарищей по войне он получает назначение в Псковскую область и переходит из сухопутных войск в военно-строительные части.

9

Из анкеты: «30.06.60 г. – 09.03.65 г. – начальник политического отдела

– заместитель по политчасти командира войсковой части 43038».

Летом 1960 года папа из Грузии уезжает на Псковщину.

Мы выезжали с Кавказа в новогоднюю ночь. Как раз поменяли деньги. Мама, как обычно, командовала солдатами, которые в очередной раз грузили в кузов машины контейнеры. Чаще всего мы бросали громоздкие вещи, но старинный шкаф, вывезенный кем-то из Германии в Вологду, с некоторых пор путешествовал с нами повсюду. Он и теперь стоит в моей комнате, напоминая о прошлом нашей семьи.

Такая кочевая жизнь семью не обременяла. Мама была счастлива. Была рада гарнизонной жизни. Она радовалась каждому переезду в новый гарнизон. «О, подъёмные дадут!» – шутила она.

Папа нас встретил в Москве. Мы остановились в гостинице «Москва». Папа всегда старался, чтобы всё было комфортно. Мы были во Дворце Съездов на ёлке. Были на балете. Тогда же нас мама водила в Мавзолей к Ленину и Сталину. Нас не пропускали.

Тогда она сказала: «Я детей с турецкой границы привезла!» И нас пустили.

Несмотря на все «минусы» ленинизма, о которых трубят и поныне, Владимир Ильич Ленин и связанные с ним идеалы остаются в моей памяти светлым пятном.

Потом мы приехали в гарнизон (только в зрелом возрасте я узнал его предназначение) [37]. Он располагался в густом лесу в тридцати минутах езды от города Себежа, недалеко от латвийской границы. Там строился секретный объект обороны.

Себеж на карте Псковской области

Вот что запомнила Алла о первых днях в Себеже: «Стирка. Мороз. И я с мамой нитками пришивала бельё, чтобы не улетело».

Её привлекали к семейным хлопотам.

Мы жили в финском домике на опушке леса. Там был коттеджный посёлок. То были места, где в войну шли партизанские бои. И мы, мальчишки, лазили по старым окопам, находили дзоты в болотах, из которых горстями выгребали гильзы, порох, похожий на грифель. Такое количество пороха я потом находил разве что под Евпаторией, где отдыхал каждое лето в пионерлагере. Тоже горстями, но только не из бревенчатых дзотов, а из бетонных дотов.

Мы играли в «войну». С металлическими прутьями в руках, которые нам заменяли сабли, бросались друг на друга в атаку. В один из штурмов я получил ржавым ведром по голове. От той забавы на всю жизнь остался шрам на надбровной дуге.

В 1961 году я здесь пошёл в первый класс. Алла уже училась в старших классах. Первое время нас возили в школу в Себеж, а потом выстроили свою школу в гарнизоне. Мама работала. Выступала перед офицерами и солдатами. У меня есть заметка из армейской газеты, где говорится о том, как мама читала лекцию.

Лекцию читает жена офицера

Активное участие в агитационно-пропагандистской работе Н-ской части принимает жена офицера-политработника Полина Михайловна Федорова. Инженер-металлург по образованию, она выступает перед личным составом с лекциями, беседами о семилетнем плане развития тяжелой промышленности в нашей стране; о ходе выполнения решений июньского Пленума ЦК КПСС по механизации и автоматизации производства.

Выступления тов. Федоровой всегда насыщены яркими фактами из нашей богатой советской действительности, доходчивы по своему содержанию.

На днях агитпроколлектив части обсудил новую лекцию П. Федоровой — «Роль пластмасс в народном хозяйстве СССР». С этой лекцией жена офицера уже выступала перед солдатской аудиторией.

Воины горячо благодарят Полину Михайловну Федорову за интересные лекции. (Наш корр.).

Заметка в армейской газете

Но помимо работы она, как жена комиссара, встречала каждую новую семью. Кто бы ни приезжал в гарнизон, мама всегда делала элементарное: ставила чай, напечёт сладостей. Она прекрасно готовила. Этому способствовала наша неуёмная жизнь. На Севере училась печь блины, на Кавказе — гатину. Это слоёное, политое яйцом армянское печенье. Вкус его я ощущаю во рту при каждом упоминании о нём — и это несмотря на то, что мамы нет вот уже сколько лет. Во всём чувствовалась её забота. Она была женой замполита и была горда такой ролью.

В том же 1961 году отец получил квартиру в Воронеже. Он понимал, что его служба не вечная, и готовил тылы — к тому времени, когда уволится. Почему в Воронеже, не знаю. Может, возможности были ограниченные. Но знаю, что был вариант в Белгороде. Выбрали Воронеж. Всё-таки ближе к столице, недалеко от Дона, где были его корни.

Почему уверен, что это было в 1961 году? Потому что сохранилась справка, выданная отцу 11 ноября 1961 года для прописки в квартире 109 дома 56 по улице Космонавтов в городе Воронеже. С тех пор Воронеж появился в судьбе нашей семьи.

10

Днями родители работали, а мы с сестрой были предоставлены сами себе. Хотя как предоставлены? Ведь Алла ходила в школу, я — сначала в детский садик, потом — тоже в школу.

Как выразилась сестра: «Но у нас всё время были драчки». «Почему?» — спрашивал я. «А ты вредный был мальчик. Мог ябедничать...» — «Хм!..» — удивлялся я.

Склад бывшей базы хранения ядерного оружия. Современное фото

Другой склад бывшей базы. Современное фото

Чего-чего, а склонности к ябедничеству – по крайней мере в зрелом возрасте – я за собой не замечал.

«А помнишь историю с Цуманом? [38]» – «Какую?» – «А ты его пошёл и заложил...» – «А как?» – не верилось мне. «Мне мама не объяснила, но сказала, что ей было очень стыдно за тебя».

Но теперь я понимаю. Обострённая детская обидчивость присутствует в ребёнке, он может до слёз добиваться своего. С возрастом эта обидчивость выветривается, однако может развиваться и превратить человека в стукача. Вот последнего во мне нет: чего нет, того нет.

Но тогда... Видимо, я от Аллы получал сполна, а она потом боялась получить в ответ.

Алла: «Я ещё что помню... В Себеже за нашими коттеджами протекал ручей. Там же красиво! И ты провалился под мост. Была зима.

Ты шёл по гарнизону, еле переставлял ноги. А в Прибалтике зима мягкая. Ты весь промок, и папа боялся, что у тебя будет воспаление лёгких. Но этого не случилось, тебя всего оттёрли», – закончила Алла чуть не с сожалением.

По крайней мере, мне такое бросилось в глаза. Вот почему каждое лето чуть ли не на три летние смены меня папа отправлял в Крым в пионерские лагеря! Меня там обычно встречал Георгий Васильевич Ивановский и отвозил на своей машине в лагерь. Папа боялся за моё здоровье, хотя слабость лёгких я ощущаю и поныне.

«Мы дрались из-за уроков?» – спросил я. – «Нет, всё это были бытовые стычки. У тебя хорошая голова, ты всё делал сам».

Тогда что же я мог с сестрой не поделить? Видимо, у неё что-то зашкаливало.

Мне дядя Миша рассказывал, что моя мама сильно переживала о том, что нас мир не берёт. Сядет – и шьёт, в себе несёт. Свидетельством того, что нас на самом деле не брал мир, были постоянные шишки на моей голове, которые я получал, ударяясь то о стенку, то о печку, когда от затрещин сестры летал по комнате.

Но всё равно я это отношу к обычным вещам, которые минует редкая семья. Дети есть дети.

Помню, я ещё ходил в детский сад, а у меня была подружка Светочка с пропеллерами-бантами по бокам русой головки и всегда в коротенькой юбочке, из-под которой высывались чулки.

Помню, как одно время к нам приходил солдат, призванный из Грузии. Он был кандидатом в мастера спорта по шахматам, и ему очень нравилась Алла. Она на самом деле была хороша собой: круглолицая, с длинной косой, отличница. А уволившись, он слал и слал нам из Грузии посылки с чурчелой – облитой виноградным соком ореховой «колбасой», – и та потом резинкой тянулась изо рта.

В 1965 году встал вопрос о дальнейшей судьбе Аллы, и её решили отправить учиться в Магнитогорский горнометаллургический институт. Там было к кому обратиться за помощью. В институте работала сестра папы Мария Фёдоровна Узиенко, были там и сокурсницы мамы, от которых тоже можно было ожидать поддержку. Аллу отправили в Магнитогорск.

Семья Фёдоровых: Иван Фёдорович, Миша, Алла, Аполлинария Михайловна.
15 декабря 1961 года

Меня тоже из Себежа отправляли в Магнитогорск, когда бабусе нужно было получить квартиру. Двухкомнатную. Меня там то ли прописывали, то ли нет, но я с сестрой жил там.

Из этого периода помню, как дядя Миша занимался со мной. У него была своя методика, похожая на дрессировку. Скажем, мы едем с ним в трамвае в кино. Он задаёт мне решить в уме: «Сколько будет тринадцать умножить на семнадцать?» И я ломаю голову. А условились, что выйдем из трамвая только тогда, когда я посчитаю. А если не успею до кинотеатра? Тогда проедем. А решишь один пример – он тебе даст другой.

Пытаясь расширить мой кругозор, он покупал мне марки, десяток альбомов с которыми до сих пор лежит у меня в шкафу. Зайдём в магазин, в филателистический отдел. Я припадаю к витрине, глаза разбегаются, выбираю. Помню марки из Мали, они очень красочные были. Из Болгарии. И так по всему миру. Разве что марок США, ФРГ и других капиталистических стран не было на прилавках, мы их штучно покупали уже с рук.

У дяди Миши я, видимо, был за сына. Он вкладывал в меня свою душу. Именно поэтому мне было трудно потом определить, кто бóльшую роль сыграл в моём развитии: отец или он? Хотя теперь этот вопрос мне кажется смешным, ведь жизнь мне дал отец, ведь тяга к физике зародилась от него, ведь каждое лето

отправлял меня на юг он. А сколько мы с ним рыбачили на Псковщине! Выедем на протоку, и он как взмахнёт спиннингом, как зажужжит катушка, как полетит блесна, как потянет лодку щука...

Озера под Себежем

Но и о дяде Мише порой думаю со щемлящим чувством. Ведь у него семейная жизнь неполнокровная, у него от брака с Елизаветой Ивановной, с которой он жил, детей не было. Вот и выплёскивалось на меня его чувство, большее, чем просто к племяннику. Хотя, когда он уходил из жизни, он про меня забыл, всё завещал «внучку» (внуку Елизаветы Ивановны, который ни к нему, ни к Стрекаловским никакого отношения не имел), а тот вместо того, чтобы поддерживать престарелого человека в домашних условиях, сразу сплавил в хоспис, отобрал у него телефон, чтобы он ни с кем не мог связаться, поступил хуже, чем с чужим человеком, и вскорости дяди не стало.

Я потом обращался в правоохранительные органы, но разве они будут разбираться.

Ладно с двумя квартирами дяди, машиной, гаражом, что оказалось у «внучка», не об этом речь.

Это урок внуку, как плачевно может окончить жизнь пренебрегший кровным родством человек.

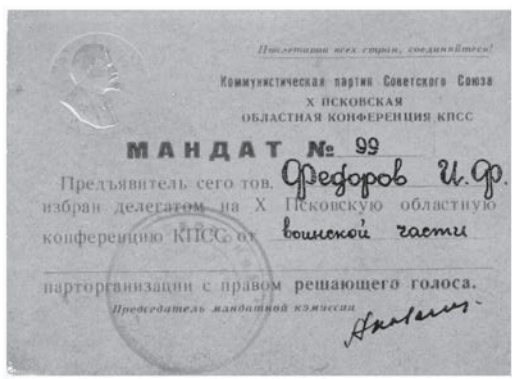
Как служилось папе в Себеже?

Наш другой семейный друг Бабкин Виктор Петрович, впоследствии ставший прокурором

Удостоверение о награждении подполковника Фёдорова медалью «За безупречную службу в Вооруженных силах СССР»

Мандат делегата Псковской областной конференции тов. Фёдорова И.Ф.

спецчастей, в которые входили и военно-строительные части, рассказывал мне:

«Под Себежем строился военный объект, куда Фёдорова направили замполитом, начальником политотдела строительства. Он приехал туда и вскоре привёз семью. И вот я также получил назначение в Себеж. Я сразу попал к твоему отцу.

– Иван Фёдорович! Я пришёл к вам, я направлен к вам прокурором. Обслуживать два объекта в Новгородской области – и вот ваш, под Себежем.

Он:

– Где будете размещаться?

– По всей вероятности, я буду размещаться в Новгородском объекте, поскольку он уже обустроен. Там и жилищные условия лучше.

Тот объект – в Новгородской области в районе Бологого.

– Размещаться буду там. А к вам буду приезжать в порядке командировок. У меня жена больная, мне нужны определённые условия для жизни [39].

Иван Фёдорович тогда говорит:

– Да постой! Я ничего не могу понять. У нас прокурор ведь есть. Почему вы-то прибыли?

– Как есть?

– Да, прокурор Горожанский. И сейчас проводит следственные действия.

Ну что это такое? Приехал Горожанский, а он в Брянске ещё обслуживал объект. Мы давай выяснять.

Бывшая база хранения ядерного оружия внутри. Современное фото

Помещение бывшей базы. Современное фото

Перегрузочная площадка.
Современное фото

Горожанский:

– Это мой объект. А вы-то откуда?

– Со спецпрокуратуры... – говорю.

– И я со спец, – Горожанский.

Я в недоумении.

Иван Фёдорович:

– Ну, ладно, вы давайте продолжайте решать свои вопросы, – сказал Горожанскому. А мне: – Зайдите потом.

Бабкин потом зашёл.

– Ну, разобрались? – спрашивает Иван Фёдорович.

– Да тут без Генеральной прокуратуры не разберёшься.

– Вы знаете, у нас просьба есть, чтобы вы поселились у нас. Потому что тот объект устоявшийся (в Бологом), там нет строителей. А проблемы – здесь. Здесь нужны прокурорские работники. Поэтому мы бы вас просили, чтобы вы здесь остались. У нас есть два коттеджа, с которыми мы не знаем, что делать.

– Ну, мне-то безразлично. Я особенно... Мне единственно, что нужно, – жилищные условия.

– Хорошо, садитесь в машину, – говорит Фёдоров, – мы с вами поедем.

Вот мы поехали в Себеж. Там коттеджи. Приехали.

Он:

– Вот, наше руководство поставило себе коттеджи, а им за это объявили партийные взыскания. Был такой начальник – Кирюхин. Нашим сюда ездить далеко, и тем более после такого скандала. А вам не обязательно всё

время быть в гарнизоне. Сделали своё дело – и уехали.

Я посмотрел коттеджи: вроде устроенное жилище.

– Сгодится, говорю.

– Тогда езжайте в Генеральную прокуратуру и решайте, кто из вас будет нас обслуживать.

Я приехал в Генеральную, а там временно поручили обслуживать этот объект Горожанскому. Он обслуживал его год, и тут Горожанскому заявляют: “Вы свободны, обслуживайте объект в Брянске, и мы вам дадим ещё Белгород”.

Горожанский поохал, но делать нечего. А я приехал в Себеж, поселился в коттедже».

12

Кроме этого, мне Бабкин рассказывал: «Потом была история с письмом, подписанным Иваном Фёдоровичем. Дело в том, что там один майор, Богатский, оказался просто зверем. Первый раз: залил солдат на гауптвахте водой. Залил в камере людей. Специально.

Второй раз: устроили пьянку на гауптвахте, и там избивали арестованных.

Третий раз: он пьяный ехал, машина сломалась, солдат-водитель вышел, а он избил его за поломку и сломал ему челюсть.

А его командиры прикрывали, он выполнял у них и хозяйственные функции. Я только возбужу дело – а его закрывают. Возбужу – закрывают. Я не выдержал и послал представление Министру обороны. Молодые тогда были, горячие!

Чтобы окоротить меня, командиры: начальник гарнизона генерал Карасёв, начальник строительства – организовали письмо против меня и дали подписать Ивану Фёдоровичу.

Тот поступил благородно, пришёл ко мне:

– Как мне поступить? Вот письмо против вас...

Я:

– Подписывайте... Я против ничего не имею.

Мне же понятно: неудобно не подписывать, скажут, белая ворона, хочешь остаться чистеньким.

Фёдоров подписал. Тогда был министром обороны Малиновский. А тот – это небывалый

Второй справа – генерал Карасёв, слева от него его жена Лариса Акимовна

случай, кто-то ему доложил – на моём представлении поставил красным резолюцию: «Майора Богатского арестовать. Предать суду».

Это первый пункт.

Второй пункт: «Кто эти генералы и полковники, которые подписали это письмо, и неужели они продолжают служить дальше в Вооружённых силах?»

И понеслось: стали этих генералов, командиров щучить. Раскрутили по полной программе. Майора судили.

В Себеж приехал представитель ГЛАВПУРа (Главного политуправления), был у меня.

– Виктор Петрович [40]! Как вы выдержали? Начальник политотдела первый [41], начальник политотдела второй [42], начальник строительства, начальник объекта [43] – все четверо подписали письмо по сути дела против вас. Я понимаю, вам тяжело работать... Может, мне позвонить Генеральному прокурору, объяснить ему ситуацию?

Я:

– Что сейчас звонить? Раньше вот надо было. А сейчас что звонить? Всё решилось, люди наказаны. Вам ответят, что все они получили партийные взыскания за «художества». Чего звонить...

Твоему отцу тогда перепало. Но он вёл себя достойно. Когда в одном столичном кабинете, где оказались я и Фёдоров, генерал-лейтенант давал трёпку начальнику объекта генералу Карасёву, начальнику строительства, он задал вопрос Карасёву: «Так кто у вас командует, вы или прокурор?»

Тогда я огрызнулся: «Товарищ генерал, командует на объекте начальник, но за

соблюдением закона в гарнизоне, в том числе генералом Карасёвым, следит прокурор Бабкин...»

На что генерал взбеленился. И попёр...

А твой отец не испугался, встал и сказал: «Товарищ генерал, что вы цепляетесь к прокурору, когда мы сами виноваты и за это получили...»

Тому это очень не понравилось. Думаю, генерал надолго запомнил ершистого замполита. И твоему отцу, видимо, мстили».

13

Бабкин высоко оценил поступок Фёдорова: «Одно дело, когда защищаешь в спокойной обстановке, а другое, когда на тебя самого «грязь» льётся, а ты ещё других защищаешь. Тогда в Генеральной даже не ожидали такого поворота, чтобы сам министр обороны так повернул. То были в тени и руки потирали, а тут вылезли: «Вот как реагируют военные на наши бумаги!»»

Бабкин с тех пор прослыл принципиальным человеком, борющимся со злом.

Но много лет спустя Бабкин говорил: «Детства много было». А на вопрос: «Почему?» лишь сокрушённо качал головой: «А-а... Х... ня всё это!..»

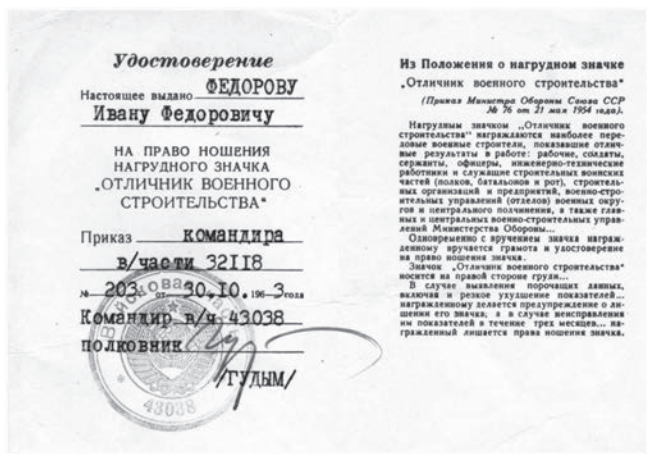
Видимо, он позже с таким столкнулся, что эти «дела» показались «делишками». Много мог рассказать, да не пожелал. Он ведь и ушёл из прокуратуры, когда не смог видеть то, что сотворили со страной в начале 90-х...

Бабкин говорил мне: «Отец у тебя очень правильный человек. Он надёжный человек. Были всякие вопросы: сложные, скользкие. Он не предаст».

А поступки отца Бабкин объяснял его молодостью (хотя отцу было за 40 лет!): мол, не относился к жизни с осторожностью. Тогда мысли не было, как лучше, чтобы так получилось, чтобы лучше для себя. Работали, как волы.

«Отец твой – он мудрый был, – рассказывал Бабкин. – Не жёсткий. Видимо, в нём сказывалось его учительское начало. За бумагой человека видел, не просто бумагу. Может, его человечность и не позволяла ему держать подчинённых в кулаке».

Удостоверение о награждении Фёдорова нагрудным значком «Отличник военного строительства»

Значок «Отличник военного строительства»

Вот Кирюхин был начальником строительства, а он по-нашему, по-прокурорски, вор. Построил дачи, коттеджи. Допускал нечистоплотности в своей работе. И у Ивана Фёдоровича были с ним конфликты. Кирюхина разоблачили и убрали. Он не побоялся с ним столкнуться.

На Ивана Фёдоровича писали анонимки, что он – сын попа».

«Это за что? За то, что доброе из него шло», – подумал я тогда. Но батюшек в нашем роду я не раскопал.

«А фамилию отец поменял, чтобы скрыть прошлое, – продолжал Бабкин. – Идиоты! Лишь бы поковыряться. А поковырялись – хочется ещё чего-нибудь поискать».

Но что было отцу скрывать? Его прошлое было чистым, как стёклышко, оно было

проверенным войной. Прошлое отца его, Фёдора Корнеевича, было трудовым. Его матери – хозяйственным, домашним.

Прокурору с Фёдоровым легко работалось. Сложно – с избалованными властью. Когда отец перевёлся, Бабкину мстили мелкими пакостями. Начальник объекта – Карасёв, хитрый был, он сам не действовал. А у него замполитом Блинов был, баламут. И они подговорили судью в гарнизоне писать жалобы на Бабкина. Тот, мол, живёт вне гарнизона, в Себеже, а получает надбавки за секретность (доплачивали пятнадцать процентов). А судья – нет. Через него начали действовать.

Судья пишет: как же, прокурор получает доплату аж пятнадцать процентов, а я – нет... Бабкину хоть переезжай из Себежа в гарнизон.

Руководство прокурорское в Москве: «Надо переезжать в гарнизон. Хочешь – в Себеж, хочешь – в Бологое, но только чтобы больше не было жалоб».

– Меня, когда разрешали селиться в Себеже, доплаты не лишали, – сказал им Бабкин.

– Это тогда. Но теперь ещё Верховный суд поднимется: судью ущемляют...

Тогда Бабкин сказал:

– Я не хочу ни в Себеж, ни в Бологое...

Бабкина назначили прокурором в другое место – в Кирово-Чепецк. Там был большой химический комбинат, оборонный, среднемашевский, Министерства среднего машиностроения. К нему в Кировскую область приезжал мой отец, и они многое вспомнили о себежских буднях.

Всё-таки выдавили Бабкина из Себежа.

14

После Себежа папа должен был ехать в Монголию. Но он в главке побыл. Он всегда страдал болезнями органов пищеварения: после того, как был обморожен (они обмерзали на Волховском фронте), его печень, поджелудочная железа, селезёнка были больными. А в Монголии существовала опасность только усугубить болезни.

Потом, когда всё это расстроилось, он должен был ехать в Семипалатинск. Тоже было плохое назначение. Там – степь и радиация.

На несколько месяцев он оказался в Кузнецке под Пензой. Я проезжал эти места в

2008 и 2009 году и не мог насмотреться на эту приволжскую, холмистую, всю в перелесках землю. Что-то внутри меня тайлось от этого уголка.

И вот отец попал в Верхнюю Салду.

«09.03.65 г. – 18.09.67 г. – начальник политического отдела – заместитель по политчасти начальника 27-го управления инженерных работ».

Мы жили в одном из финских домиков, стоявших на окраине военного городка [44]. Помню, там были многоэтажные кирпичные дома, большая школа. Соседями по нашему дому, рассчитанному на две семьи, была супружеская чета: начальник управления инженерных работ с женой. У них не было детей, и они меня опекали. Я в то время своему бывшему увлечению игре в солдатики, рисованию (любил рисовать военную технику: танки, пушки, корабли) немного изменил. За нашим домом на деревьях строил «штабы» – это нечто вроде гнёзд, где можно спрятаться. Любил вырыть землянку и уединиться там с кем-нибудь из ребят. И даже занимался в музыкальной школе.

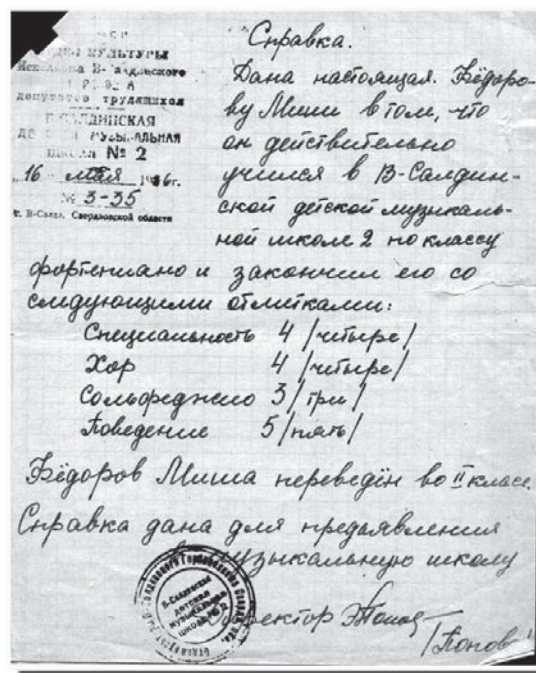

Мандаты делегата партийных конференций тов. Фёдорова И. Ф.

Это был Уральский военный округ. Недалеко от города Нижнего Тагила. Там стояли леса, напоминавшие тайгу. Если Себежская земля мне запомнилась соснами, то тагильская – елями.

Миша дома у карты

Справка из детской музыкальной школы

Помнится, очень любил кататься зимой на коньках – в военных гарнизонах всегда на зиму заливались катки, прокладывались лыжные трассы. Помню, как меня послали в «Артек», и я читал чьи-то стихи на конкурсе в одной из артековских дружин.

И помню одноклассницу с длинной косой, которая покраснела, когда я её осмелился пригласить покататься на коньках. Она потом уехала – её отец был ракетчиком, получил куда-то назначение и увёз семью.

Пионерский отряд в «Артеке».

Миша Фёдоров в третьем ряду второй слева

Алла в то время училась в институте в Магнитке и приезжала к нам только на каникулы. Приезжал и дядя Миша. Мама работала...

Папе долго не присваивали звание полковника. Он был слишком принципиальным, не хотел ни перед кем гнуться. Прохождение боевого офицера от звания подполковника к званию полковника растянулось более чем на четырнадцать лет. Он получил его в Верхней Салде. За эти четырнадцать лет некоторые из сослуживцев отца стали генералами, получили крупные должности в Москве. Я слышал в нашей семье разговор, что пойдя он по командирской линии, а не по политической, давно бы ходил не только в полковниках. Хотя как сказать, как сказать! Ведь и «сгорали» офицеры быстро.

Миша с папой

Но теперь, с высоты прожитых лет, мне становится смешно от тех «переживаний». Видимо, моим папе и маме хорошо жилось

и в гарнизонах, а все эти сетования были не чем иным, как одной из тем разговоров, обсуждавшихся на кухнях. Причём из тех тем, когда сами обсуждавшие этому серьёзного значения не придавали.

Я рад тому, что мой папа оставался гарнизонным офицером, предпочитавшим столицам лишь только на первый взгляд заурядную жизнь в провинции. Разве вдохнул бы я, как говорят, с молоком матери столько запахов, видов нашей страны от Вологодчины до Урала, от Псковщины до Кавказа! Разве...

Миша на лыжне.

В гарнизоне в Верхней Салде

В гарнизоне я дружил с сыном командира ракетчиков генерала Вишенкова [45]. Это был заслуженный человек, Герой Советского Союза, командовавший теперь ракетным соединением. Их дом находился за штакетником около наших коттеджей. Поэтому его сын Виталий мне порой поручал щекотливые задания: спрятать бутылку вина или водки от глаз его родителей. Я сам и не пробовал спиртное, а Виталий, который был несколькими годами старше меня, употреблял. Но боялся отца. А у меня были «штабы» – скворечники на деревьях. И я там прятал эти «гранаты», а потом по-тихому передавал. Как-то я опростоволосился. У меня, кажется, наш сосед, начальник управления строительства, обнаружил «склад», забрал и разбил. Помню, как я чувствовал себя не в своей тарелке, как краснела моя мама, как ругался Виталий. У меня же денег не было, чтобы ему купить и вернуть. Но, видимо, он не особо на меня злился, так как моя мама факультативно занималась с ним английским языком.

Генерал Вишенков

Потом Виталий окончил военное училище, вырос не без помощи отца, который после Нижнего Тагила командовал во Владимире ракетной армией, а позже был начальником штаба ракетных войск, поднялся до командира полка, позже – до генерала, начальника факультета Академии имени Фрунзе.

Вот смешно! А когда-то я этому будущему генералу помогал прятать спиртное...

У папы от службы в Верхней Салде тоже остались награды.

Удостоверение о награждении полковника
Фёдорова медалью
«Двадцать лет Победы в Великой
Отечественной войне 1941-1945 гг.»

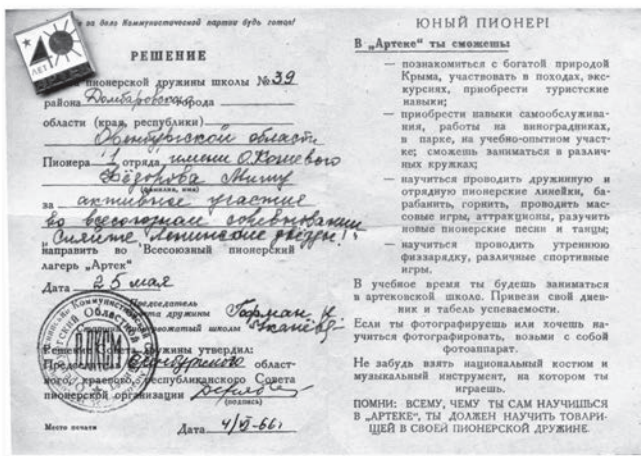
управление, в котором служил отец. Это если ехать из Орска в степь. Там тоже планировалось большое строительство.

Степи в Домбаровке

У меня дома лежит справка, датированная 15 января 1966 года, выданная в рабочем посёлке Домбаровский Оренбургской области. Значит, папа в январе 1966-го был уже там. А я помню, как приехал туда поздней весной, мне ещё подарили велосипед «Спутник», который верно служил до моих сорока лет и теперь стоит на даче. И я на нём ездил по пыльным дорогам Домбаровки. Когда там поднимался ветер, то из-за стены, состоявшей из пыли и песка, невозможно было находиться на улице.

Из Домбаровки я ездил в «Артек».

Решение о направлении пионера
Фёдорова в «Артек»

Из Нижнего Тагила мы попали в Домбаровку [46], куда перевели инженерное

Мы жили на первом этаже дома, чем-то похожего на дом бабушки в Берёзках: двухэтажный, деревянный, возможно, с печным

отоплением. Но мы там прожили недолго. Как мне рассказала Алла, маме там стало плохо, и её на носилках вносили в вагон. Не подошёл ей сухой, резкий, с песочными бурями климат. Вот тогда-то я с мамой и оказался в Воронеже. Благо, была квартира, куда ехать. Двухкомнатная. На улице Космонавтов в доме пятьдесят шесть.

Дом 56 на улице Космонавтов в Воронеже

В Воронеже я учился в школе номер семьдесят. Класс наш напоминал разношёрстную компанию: были отличники, были хорошисты, были троечники и второгодники-двоечники. Помню, был светловолосый парень по фамилии Благих, которому я помогал решать задачки. Так он, просидев не по одному году в разных классах, женился. И мы, «детвора безусая», ходили к нему в гости смотреть, что такое семья. Особо помню одну из своих драк, когда одноклассник на перемене меня потащил к доске, вцепился с криком: «Пухлый! Пухлый!» (я тогда на самом деле был упитанный, кормили меня мама с папой хорошо) – и хотел свалить. Но получилось так, что я, не зная как, свалил его, и после этого меня зауважали в классе. Ведь я осилил того, кто досаждал всем! Помню очкарика, над которым издевались, а я с ним дружил: он делал модели самолётов и запускал движки у себя на балконе. И, видимо, общение со мной его поставило в иное положение, после чего его дразнить перестали.

Много было мальчишества: учителям подкладывали кнопки на стул, у химички что-то постоянно взрывали, следили за англичанкой...

В это время Алла перевелась из Магнитогорска в Воронеж и училась в

Средняя школа № 70

Технологическом институте на химическом факультете – изучала что-то, имеющее отношение к пластмассам.

Здесь мама пошла работать в трест «Юговостокэлектромонтаж» в отдел снабжения. Там управляющим был магнитогорец Кузьмин, и он взял её на работу. Семья Кузьминых нашей семье была очень близка, и я часто бывал у них.

Впереди Кузьмин с внуком, сзади Миша Фёдоров. На реке Воронеж

Я не могу сказать, что в это время чем-то особо увлёкся. Но не без маминого совета посещал судомодельную секцию при морском клубе, который размещался рядом с Чернавским мостом. Теперь на том месте – бульвар. Ходил на олимпиады по физике, по математике. Алла как-то сказала, что она приложила к моей «специализации» свою руку и привозила мне задания из тогда популярной ЗФМШ – заочной физико-математической школы при Физико-

техническом институте в Долгопрудном. Это под Москвой. Тогда считалось пределом желаний любого «технаря» учиться там. И я запоем решал задачки и отсылал ответы в Долгопрудный.

16

Тем временем мой папа переехал вместе с частью на Байконур, как тогда говорили – в Ленинск.

«18.09.67 г. – 12.10.68 г. – начальник политотдела – заместитель по политической части начальника 27 управления монтажных работ».

Площадь в Ленинске

Парад в Ленинске

Это было последнее место его службы, родина космонавтики, откуда улетал Юрий Гагарин. Местом, к которому было приковано внимание всех жителей земли: здесь одна за другой стартовали ракеты с космонавтами, они улетали в одиночку и группами. И вся страна с напряжением следила за их полетом в космос. Тогда вряд ли нашлись бы люди, популярнее

этих! Их имена были на слуху у каждого. У нас в семье до сих пор хранятся редкие фотографии тех лет – с Гагариным, Титовым, погибшим Комаровым. И когда я просматриваю их, мне очень светло становится на душе.

Космонавты Гагарин и Титов

Говорит космонавт Комаров, слева от него – космонавт Феокистов

Митинг перед стартом

Космонавт Быковский (справа) с коллегами

Космонавты Николаев и Терешкова

Ведь было же время!

Мы бы так и жили в Воронеже, если бы не случилась пикантная история. Мама как-то позвонила на Байконур – это город Ленинск в Кзыл-Ординской области. Попросила соединить её с квартирой полковника Фёдорова.

Когда её соединили, она услышала женский голос и спросила: «С кем я говорю?» – «С женой полковника Фёдорова», – прозвучало в ответ. – «Как с женой? Я жена полковника Фёдорова». – «Что это за шуточки? Я – жена!»

После перебранки мама почувствовала что-то неладное. Меня срывает со школы, и мы на самолёте летим на Байконур. Папе шлёт телеграмму: «Встречай!»

Он нас встретил. Так я оказался на Байконуре.

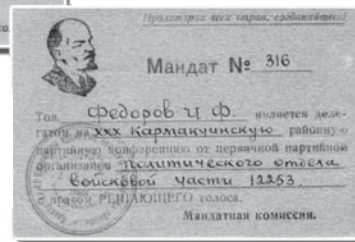
А что вышло? В Ленинске было два полковника Фёдорова: полковник Фёдоров – у ракетчиков и полковник Фёдоров – у строителей. Вот телефонистка и спутала, соединила с квартирой ракетчика. Потом мама виделась с женой полковника-ракетчика, и они долго смеялись.

Удостоверение о награждении полковника Фёдорова медалью «50 лет Вооруженных сил СССР»

Мандаты делегата партийных конференций Федорова И.Ф.

В Ленинске мы жили в четырёхэтажке в квартире 12 дома 15 по улице Осташева. Недалеко от Сырдарьи и городка космонавтов. Рядом был кинотеатр, у которого меня так сильно покалечили, что я чудом остался жив. Уже подморозило и, как всегда, в гарнизонах залили каток и там играли в хоккей. Я тоже любитель кататься на коньках и тоже стал играть с офицерами. Оказался на линии ворот, и пущенный в сетку мяч угодил мне под глаз, разворотив щёку и нос... Мне несколько часов не могли остановить кровь. Уже истекавшего кровью, меня привезли в госпиталь. Там мне поставили заднюю тампонаду, чтобы остановить кровотечение. Стали вводить кровь и – надо же! – спутали резус крови. У меня он – третий отрицательный. На группу взяли анализ, а на резус – нет, ведь редкий резус. Мне вводят кровь, а я белею... Благо, опытный врач оказался, срочно взяли анализ на резус, нашли нужную кровь, и я

остался жить... А ведь могли похоронить в Казахстане.

Слева направо: Миша после выхода из госпиталя, Иван Фёдорович, его водитель. Январь 1968 года

Думаю, это кое-кому могло принести радость, особенно тем из недругов, с которыми меня схлестнула последующая жизнь.

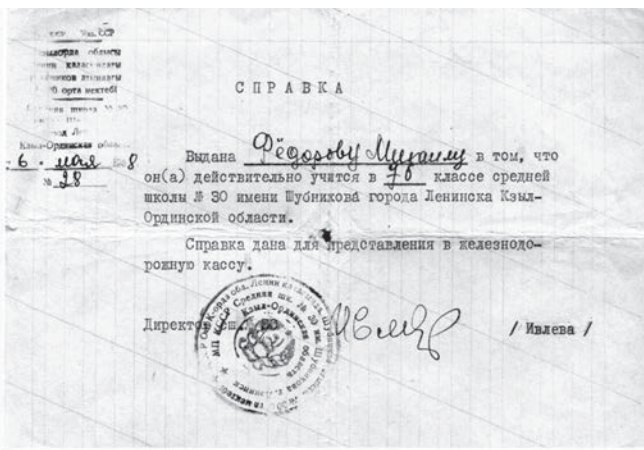
Мама в Ленинске не работала. Но я знаю, что она танцевала с Юрием Гагариным. Он обладал такой особенностью, что где бы ни был, на каком ли вечере офицеров, всегда уделял внимание всем женщинам. И вот на одном таком мероприятии мама танцевала с космонавтом номер один!

Сейчас пишу эти строки, а на глаза наворачиваются слёзы... Сколько потом мы испытали, когда Гагарин погиб! Это случилось в марте 1968 года. Я в Ленинске учился в школе номер 30 имени Шубникова, и мы, учащиеся, считали страшную новость неправдой, думали, что Гагарин улетел, что он где-то приземлился, что он найдётся, и жили этой надеждой всю весну и лето.

Мы всей семьей с некоторых пор ежегодно летом ездили в санаторий. Родители следили за нашим с сестрой здоровьем.

К сентябрю 1968 года мы с мамой вернулись в Воронеж. Я снова пошёл в школу номер семьдесят.

А осенью приехал папа. Он уволился день в день, когда по метрике ему исполнилось пятьдесят лет, 12 октября 1968 года. По дате, записанной в паспорте. Я уже говорил, что

Справка из школы № 30 имени Шубникова

Семья Фёдоровых в военном санатории

он родился в тот же день, но в 1919 году. То есть оставил службу в сорок девять лет с выслугой 35 лет. Так закончился воинский путь орденоснца полковника Ивана Федоровича Федорова, твоего прадеда.

У меня сохранились его награды. Это самое дорогое, что у меня есть.

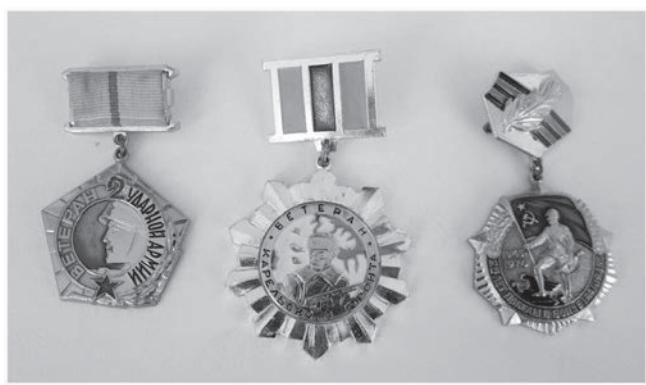

Ордена и медали Ивана Фёдоровича Фёдорова

Знак «Гвардия» и наградные планки
Ивана Фёдоровича Фёдорова

Значки «Ветерану 2-й Ударной армии»,
«Ветерану Карельского фронта»,
«25 лет Победы в войне 1941-1945 гг.»

Значки строителя Байконура
Ивана Фёдоровича Фёдорова

Вернусь немного назад. Я слышал, что ещё в 1967 году на Байконуре один за другим стали умирать офицеры, полковники. Это продолжилось и в 1968 году. Может, это и

подтолкнуло папу. Сохранилась выписка из истории его болезни от 12 августа 1968 года. У него был букет болезней: атеросклероз сосудов головного мозга, коронарная недостаточность, миокардиосклероз, гастрит, рецидив грыжи (пушки в войну таскали же!). Иными словами,

Полковник
Фёдоров Иван Фёдорович

не годен в мирное время, ограниченно годен – в военное.

Папа решил не испытывать судьбу и подал рапорт на увольнение.

Сдал дела и выбыл из Ленинска 18 ноября 1968 года.

Через несколько лет его приглашали вернуться в строй – его звал генерал Гурович, который руководил строительством на Байконуре, – но папа не согласился.

Он в это время работал в Конструкторском бюро химической автоматики, которое занималось разработкой топлива для ракетных двигателей, и с головой окупился в новое дело.

17

Я учился в восьмом классе в семидесятой школе. Всё также решал задачки. Участвовал в олимпиадах.

И вот мне подвернулась сообщение, что приезжают в Воронеж из Московского

Отдел кадров конструкторского бюро химавтоматики. Справа Фёдоров, слева Ишков

государственного университета. Приезжают набирать не на заочную учёбу, как в МФТИ, а на очную. Я узнал, что при МГУ есть спецшкола-интернат физико-математического профиля, как её ещё называли ФМШ. Не особо надеюсь, что пройду конкурс, решил в нём поучаствовать. У меня часто случалось так, что что-то свершалось с лёгкой руки. Помню, была письменная работа в здании школы номер шестьдесят шесть. Интересные были задачки, на сообразительность. Я, видимо, многое решил, после чего меня пригласили на собеседование, где уже педагогу из Москвы я отвечал на вопросы.

Значок участника Всесоюзной олимпиады

И надо же, меня позвали на учёбу в интернат в 9-й и 10-й класс!

Я мог бы остаться в Воронеже, где меня тоже после собеседования взяли в математический класс 58-й школы. Была такая специализация в ней. Но что-то решило иначе.

Я и сам был не прочь вырваться из Воронежа, где, что ни говори, более узкий мир, да и жили мы в двух комнатах вчетвером: папа, мама, Алла и я.

Алла рассказывала, что папа был против моей поездки в Москву: он боялся, что столичная жизнь меня испортит, а мама, наоборот, была за. Она на себе прочувствовала, что такое жизнь в большом городе с его большой историей, музеями, филармониями, когда в 1940-м училась в Ленинграде.

Собрали вещи, и в конце августа я поехал в Москву.

А в Воронеже остались мои одноклассники. У меня есть фотография моего класса, который выпускался через два года. Смотрю на нее и вспоминаю учителей. Стукалов вел физику, но явно вяловато, словно отрабатывал учительские часы; Козлов – рисование, ходил с костылем и, как я впоследствии узнал, даже звал в жены одну из моих одноклассниц; Романова – математику, суховатая, как сам предмет, но который некоторые могли преподнести захватывающе и романтически; Лахно муж и жена – физкультуру... Яркой фигурой был директор Паничев, хотя его судьба сложилась неудачно... И мои одноклассники: Нечипоренко – крупный, чуть косолапящий, справедливый паренёк; Филиппов – невысокий, очень подвижный; Красноносова – скромная, чуть замкнутая; Зубрякова – яркая девушка; Лесных, Савельев... Как сложилась судьба одноклассников – не знаю.

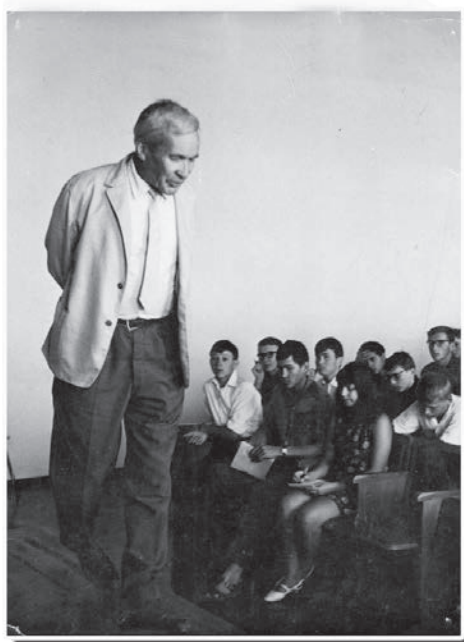
Выпускной класс 10 «Г» школы № 70 города Воронежа

Я учился в спецшколе-интернате при МГУ. Прошло уже много лет, а мне не забыть интернатское прошлое. Вот, представляете, вы учились в школе физике по учебникам Бориса Борисовича Буховцева [47], а теперь он наяву преподаёт вам этот предмет! Вы краем уха слышали об Андрее Николаевиче Колмогорове [48], создателе теории вероятностей, а теперь вас приглашают в зал на его лекции...

*Борис Борисович Буховцев
пришел на лекцию*

*Андрей Николаевич Колмогоров
читает лекцию*

Ты не в обычной школе, которая зудит духом назидания, а в творческой. С тобой на равных рассуждают, разговаривают люди, можно сказать, первой величины. Всё у них доходчиво и понятно, а не как у какой-нибудь училки, которая вбивает знания указкой.

Я окунулся в мир физики. Зачитывался учебниками Ландсберга, хотя они предназначались для студентов вузов. С лекций Буховцева уходил последним, когда уже начинались другие занятия, но пытливые ученики забрасывали и забрасывали Бориса Борисовича вопросами. Я тогда и подумать не мог, что в дальнейшем мой мир окажется вне физики, и рисовал себе дорогу на физический факультет МГУ или в Физтех в Долгопрудном.

Скажу сразу, что лекции Колмогорова не очень-то ложились на душу, быть может, потому что я ревниво относился к физике, а быть может, и потому, что Андрей Николаевич обычно уходил так далеко в математические пространства, что я просто терялся. Меня всегда цепко держали корни реалий, которые были более близки к физике и которые, если и позволяли удалиться в «космические» дали, то всё равно опирались на что-то действительное.

К своему стыду замечу, что отталкивало и то, что у Андрея Николаевича во время лекции изо рта брызгали слюны, что затрудняло беседу с ним.

Идиотик! Теперь-то я понимаю, какого общения я сам себя лишил. Восхищался теорией Галуа, а кто ею не восхищался! Восхищался теорией графов... Теорией вероятностей...

Задачник по физике Буховцева В.В.

Сколько в математическом мире такого, что доставляло настоящее наслаждение! Но физика – вне конкуренции, она заполняла все видимые и невидимые мои внутренние пространства. Я сутками возился с задачками. С учебниками. Даже успевал делать задания для Заочной физико-математической школы при МФТИ. И лишь устав от занятий, чтобы развеяться, бегал по горкам около интерната.

18

Интернат состоял из трёх корпусов: одного учебного и двух для жилья. Их всех соединял переход. В 9-м классе я жил в дальнем корпусе, в 10-м – в ближнем. Сначала в комнате нас было шесть человек. Все «фымышата», как называли нас.

Спецшкола-интернат

Это были ребята очень разноликой компании, из разных уголков страны. Кто-то из семьи военных (это я и мой одноклассник, ныне профессор МГУ Сергей Гашков [49], Светочка Ситенко тоже приехала из Воронежа), кто-то – из учительской среды. Был один сынок доцента Ермилов. У него не очень ладились отношения с ребятами, но в 10-м классе он эту проблему решил и играл с парнями в футбол, стал, как говорят, своим в доску. Были детдомовцы. Мне запомнился Петя Гырдымов – этот прыщавый, но какой-то внутренне могучий парень, который перелопачивал дисциплины так, что потом мог по ним писать учебники. Он учился в параллельном классе. У меня такого усердия ко всему не было. К тому, к чему у меня не лежала душа, я относился с пренебрежением.

Второй слева – Сергей Гашков, четвертый слева – преподаватель математики Александр Абрамович Шершевский. На всесоюзной олимпиаде по математике

Были девочки, но мало. В нашем классе – четыре. Помню, моим одноклассником был Виктор Долгов, у которого и с физикой, и с математикой было не ахти. Но он боксёр, и впоследствии пошёл на физфак МГУ и даже женился на дочери космонавта. Был Слава Гончаков – он, в отличие от меня, сутками занимавшегося физикой, сутками занимался математикой. Очень умный мальчик. Говорят, после окончания вуза у него поехала голова. Я многих видел, у кого случалось помутнение, но в основном эти ребята были математиками, а не физиками. Видимо, не всем удаётся подняться на высоты абстракции без риска для здоровья. Вот профессору МГУ Гашкову это удалось.

Выпускной класс спецшколы-интерната при МГУ. 1971 год

Несмотря на углублённость в математике, по жизни он всегда был близок к реалиям, да и не измучивал себя до потери сознания, а мог отключиться и развеесться.

Был у меня дружок Миша Саксонов, он из Смоленска, мы с ним вместе занимались, а после занятий, как я сказал, бегали по горкам. Место, где находился интернат, было рядом с Кунцевской дачей Сталина, и мы даже заглядывали за её забор. Все те места имели хорошие склоны для наших с Саксоновым кроссов. Именно с ним мы добежали до Поклонной горы, которая тогда напоминала заброшенный край. Теперь её украсил военно-мемориальный комплекс.

Ездили в Ленинку – библиотеку, где продолжали грызть гранит физики.

В интернате мне приглянулась одна милостивая шатенка из параллельного класса. Я учился в 9 «Д», потом в 10 «Д», а она – то ли в 9 «Б» или 9 «В», потом – в 10 «Б» или в 10 «В». Я даже ездил покупать билеты в Кремлёвский Дворец съездов на балет, потом подсылал к ней Саксонова с моим приглашением, но, к моему удивлению, она отвергла моё предложение. А потом я узнал, что она встречается с сиротой Гырдымовым и даже сама водила его в театр.

Вот как бывает!

Кормили нас неплохо. В столовой нас сажали по восемь, а может и по десять человек за стол. И вот ставят тарелку с помидорами – одну на всех, кастрюлю с борщом, стаканы с компотами. Если ты замешкаешься, с опозданием придёшь, тебе на столе уже ничего и не останется. Так что страдали наиболее неповоротливые.

Часто без еды оставался Гашков.

А на вечер ходили и клянчили в столовой батоны. Ох, как хороши были эти ещё горячие московские батоны!

Думаю, родители радовались, что их сын учится в таком престижном заведении.

В 10-м у меня случилась неприятная история. Мой одноклассник Гера Холодков (уже не помню, откуда он) стал подворовывать. Пройдёт в чужой класс, залезет в парту, где часто оставляли учебники, наберёт их, отвезёт в букинистический магазин и сдаст. Тогда эта литература шла на «ура». Как-то раз он уговорил меня помочь ему, и я помню, как

Борис Борисович Буховцев с учениками

выгрел учебники, как мы везли их то ли на Арбат, то ли в какой ещё букинистический, и я на эти деньги купил себе кроссовки «Адидас». У Саксонова были такие кроссовки, теперь появились и у меня.

Потом Гера позвал меня ещё, но я отказался.

Эти проделки вскоре всплыли... Помню, как Геру били в умывальной. Его поставили в круг и били. Бил его и Долгов (он из Липецка, боксёр), а я сидел в комнате и ждал своей очереди. Но меня не тронули...

Я потом купил учебники, которые стащил, и с письмом положил в ту самую злополучную парту. В письме я извинялся. Просил прощения.

Геру Холодкова отчислили. Помню, моя мама приезжала в Москву, и меня оставили. Но при одном только воспоминании об этом у меня жжёт в груди и по сей день.

Да, как сладки ворованные деньги! И как тошно потом от них отделяться... Не знаю, но, наверное, у каждого случается такое, после чего включаются тормоза.

Быть может, эта история способствовала тому, что по окончании интерната я не пошёл ни в МГУ, ни в Физтех. Я считал, что в моей характеристике обязательно об этом напишут, и в эти вузы меня просто не примут. Я пошёл по военной линии.

С осени, когда мы были в 10-м классе, в интернат зачастили разные майоры, которые стали агитировать поступить в Высшую школу КГБ. Им нужны были «фымьшата» для своих целей: для работы аналитических

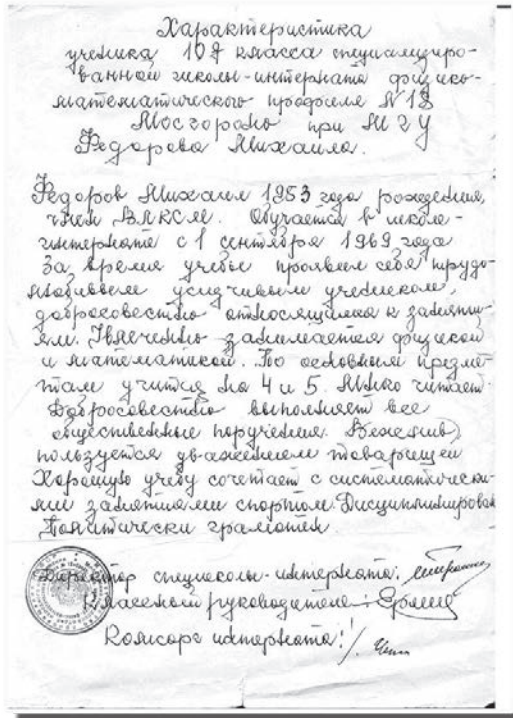

служб, для работы шифровальщиков, для занятия криптографией. Они шли в ФМШ, где учились одарённые, но иногородние дети. Я был наслышан, что каждый год десяток-другой выпускников интерната надевали погоны.

В этом были свои плюсы: стипендия втрое выше, чем в том же МГУ, потом форма – она действует на некоторых окрыляюще: слушатель, а не какой-нибудь занюханный студент! А потом ты – офицер, а не тщедушный инженер какого-нибудь НИИ. Да и прельщали перспективы – наука была в этом ведомстве.

Когда предложили мне – а я в то время наивно полагал, что у меня с МГУ и Физтехом возникнут проблемы, – я стал оформляться. Вот глупыш! Как будто если бы мне бы вписали в характеристику для МГУ одно, то для этого заведения написали бы другое.

Но, видимо, ничего такого не писали.

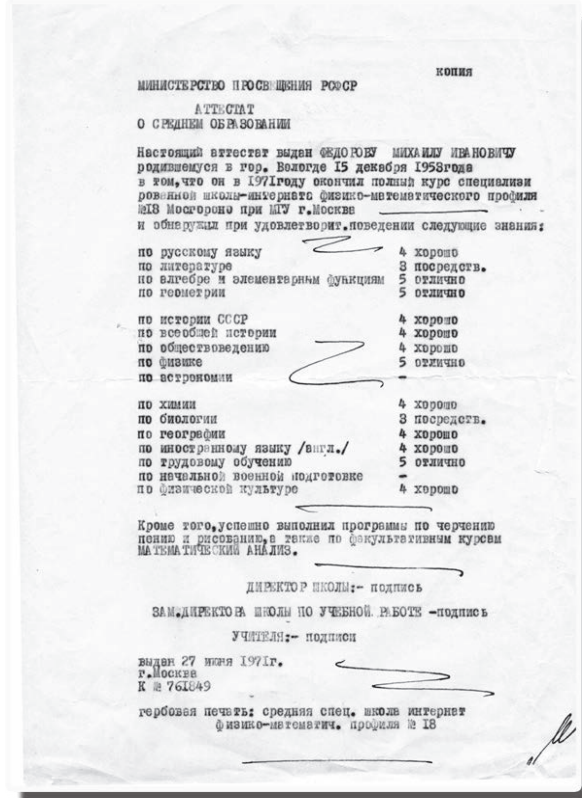
Характеристика
на выпускника спецшколы-интерната
Фёдорова

А как звучало: «Высшая Краснознамённая школа КГБ имени Феликса Эдмундовича Дзержинского»! ВКШ. Или, как её ещё звали, Вышка.

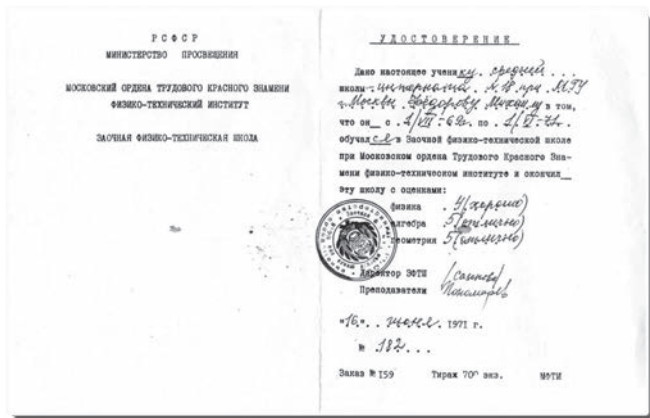
Образ Феликса Эдмундовича в нашей семье стоял очень высоко. Да и само ведомство как звучало – «государственной безопасности»!

Защиты Отечества. А что ещё может быть почётней! Уж это привито мне было с молоком матери. Да и что я тогда знал минусового? Как, скажем, что знали родители о негативе на Сталина?

Хотя и теперь скажу, что, несмотря на все последующие события, это ведомство и по сей день для меня стоит высоко. Я не отношусь к тем, кто готов его огульно хаять.

Аттестат Миши Фёдорова об окончании
спецшколы-интерната при МГУ

Удостоверение Миши Фёдорова
об окончании заочной физико-
математической школы при МФТИ

Но сомнения у меня были. Я помню, как на одной встрече выпускников, в 1969 году, в зале оказалось много гражданских, были и военные. Был там Андрей Николаевич Колмогоров.

Я подловил момент, когда он проходил мимо рядов, и спросил: «Меня приглашают в ВКШ. Чему там учат?» Я ведь и на самом деле не знал, что там. Всё было покрыто завесой тайны. Нам только говорили: всё узнаете, но не пожалееете.

Колмогоров наклонился ко мне, чтобы ответить, но тут рядом оказался один в форме майора. То ли выпускник, то ли ещё кто. Заметив его, Андрей Николаевич сказал: «Потом подойди». Но потом не получилось... И я оказался в Вышке.

Много лет спустя я слышал, что мной интересовался Буховцев и всё спрашивал, почему я не пошёл на физфак. Но что я мог ответить? Мне казалось, что я сгорел бы со стыда, если бы Борис Борисович узнал о моей «книжной истории».

В той ситуации я предпочёл выбрать военную дорогу, хотя и этот выбор произошёл в некотором смысле подневольно.

В Вышку экзамены мы сдали легко. Но помню комичные истории. Тогда в «систему» не брали евреев, поэтому при поступлении им отказывали под разными надуманными предложениями.

Помню, как у одного юноши из семьи потомственных чекистов, но евреев, для того, чтобы ему отказать, нашли «скрытую гипертонию».

Смешно! Когда-то представители этой национальности стояли у истоков революции, а от необдуманной политики их израильских «родственников» им перекрывали кран в Советах.

В Вышку пошёл и сирота Гырдымов, который, можно сказать, увёл у меня девчонку. Пошли другие ребята. Но большинство осталось на гражданке [50]. Их разбросало по МГУ, МИФИ, Физтеху... Мишка Саксонов поступил в Институт связи.

Впоследствии я приезжал в спецшколу-интернат, дарил свои книги, даже выступал перед «фымьшатами» на одной из ежегодно проходивших встреч в актовом зале университета, виделся и с бывшими одноклассниками. Многие вспомнили мы. И я

не могу сказать точно, совершил ли я тогда в 1969 году ошибку, пойдя по военной стезе.

*В МГУ на встрече колмогоровцев-интернатовцев.
Слева направо : Фёдоров, Морозова,
Гашков.*

30 января 2010 года

*Бывший ученик Колмогоровского интерната
при МГУ Михаил Фёдоров с директором
интерната Анатолием Часовских.
24 декабря 2009 года*

20

Наш факультет в Вышке находился прямо на станции метро «Дзержинская», теперь – «Лубянка», в Большом Кисельном переулке. Он занимал несколько этажей массивного с огромными окнами здания, во дворе которого через переход находилась наша казарма. Наш первый курс состоял из трёх взводов – это под девяносто человек – и вместе с холлом занимал три огромные комнаты-спальни. В них в два ряда вдоль окон и вдоль стены тянулись койки, между которыми стояли тумбочки.

Здесь прошел первый год обучения.

Благодарственное письмо выпускнику интерната Фёдорову

Дом в Большом Кисельном переулке в Москве

Но до начала занятий мы попали в Балашиху – в лагеря, где бегали, прыгали, маршировали, сдавали зачёт по уставам, учились стрелять. Оттуда я уже пришёл с лычками младшего сержанта – командира отделения.

Так как на Лубянке у нас всё было вместе – и учебный корпус, и казарма, и столовая, – то мы оказались полностью изолированными от мира. День состоял из подъёма, зарядки, завтрака, занятий, обеда, занятий на самоподготовке, ужина, вечерней прогулки, отхода ко сну и сна. Но нельзя сказать, что всё шло так чётко. Если в

моём отделении все ходили на зарядку – я и сам любил её, – то в иных её игнорировали. Ещё в интернате в летние каникулы мне папа доставал путёвки в альплагеря, и я ездил на Кавказ, где с альпинистами совершал восхождения на горы. Эту тягу к спорту я прививал и сокурсникам отделения.

Справа – Михаил Фёдоров в альплагере

Но в других отделениях это не очень приветствовалось, и когда наше отделение бегало по плацу во дворе, приседало, прыгало и разминалось, слушатели других не жились в кровати и досыпали.

Я не любил ни внутреннего, ни внешнего беспорядка. Может, это пришло от семьи, ведь я рос в семье офицера. Поэтому разболтанность мне была не присуща. Мне порой приходилось нелегко: попробуй-ка ежедневно поднимать спящих ребят и вести их на зарядку! Но к чести сказать, у нас в отделении не было того, что в других. В них самоволки напоминали что-то повальное. Наша казарма выходила окнами на крышу дома, с которого легко можно было спрыгнуть и уйти в город.

Поэтому эти разгильдия, особенно москвичи, на ночь сбегали в самоходы, как мы называли «самоволки». Первый курс находился на казарменном положении, увольнений – почти никаких. И вот эти будущие чекисты, как саранча, вечером спускались по трубе, а утром по ней взбирались. И какая им ещё зарядка! Им бы хоть пять минут, но прикорнуть...

Казарменная жизнь мне была не в тягость, а вот, скажем, для Петра Гырдымова – он надел

Слушатель Фёдоров с мамой

военную форму из материальных соображений – она была каким-то бедствием. Из-за своей неукладности, какой-то медвежьей нескладности, или, как говорят военные, несобранности, ему постоянно приходилось отработывать в нарядах. То и дело я видел его в холле казармы чистящим столы, отдирающим разводы с пола, моющим стены...

Несмотря на мою – чего уж скрывать! – неприязнь к нему, меня такое положение не радовало. Я жалел сироту, который, быть может, как Ломоносов, пытался пробить себе дорогу в жизнь, а его гнули и ему вне очереди сыпали наряд за нарядом то за невыход на зарядку, то за

Слушатель Фёдоров с папой

грязный воротничок, то за нечищенные сапоги, то за помятые брюки, то ещё и ещё за что-то... Ясно, как нелегко было Петру перестраиваться, избавляться от детдомовского прошлого. Я знаю, что после Вышки Пётр распределился в Генштаб, знаю, что пил, знаю, что уже умер.

На первом курсе, как и на последующих, учиться мне было легко. В это время связь с другими интернатовцами, поступившими в гражданские вузы, я потерял. Но с Мишкой Саксоновым мы встречались. Он снимал квартиру на Ленинском проспекте, и помню, я уже слушатель второго курса, был у него на свадьбе. Мишка был евреем, а женился на дочери генерала-чекиста, хотя и отставника. Так вот, родители невесты на свадьбу дочери не пришли, поэтому единственным представителем чекистского ведомства оказался я.

Потом мы тоже встречались, но редко. А позже нас жизнь вообще развела. Где он сейчас, не знаю, но слышал, что чуть ли не за границей, а чем занимается, сказать не могу.

После казармы на первом и на втором курсе я жил в Чертаново у одного полковника. Квартиру эту мне устроили. На занятия ездил на Дзержинку. Можно было жить в общежитии на метро «Автозаводская», но те условия меня уже не прельщали. Общежительская жизнь на «Автозаводской», как и жизнь всякой общаги, страдала своими болезнями: выпивками, картами, оргиями. Там жил сирота Гырдымов, жили другие, кто не мог снять жильё.

Я прожил в Чертаново недолго, так как моему хозяину (он наездами жил в соседней комнате) не очень понравилось моё пристрастие к музыке. Я сразу на втором курсе купил себе магнитофон. А в то время было повальное увлечение Битлами, и я слушал музыку этого ансамбля запоем.

Мне пришлось съехать... Я жил на ВДНХ. Там со мной жила и хозяйка комнаты. Она даже готовила мне. Но мне не надо было лучших условий, хотя магнитофон на время пришлось спрятать.

После ВДНХ, откуда мне тоже пришлось съехать (у дочери хозяйки начались проблемы с мужем, и ей надо было перекантоваться у матери), я, переночевав пару ночей на Казанском вокзале, перебрался в район метро «Академическая».

Помнишь, я рассказывал про Себеж, и там был командиром генерал Карасёв? Так вот, у его тёщи пустовала квартира на «Академической», а моя мама была дружна с женой генерала Ларисой Акимовной Карасёвой. Туда я и перебрался.

*Полина Михайловна Фёдорова
и Лариса Акимовна Карасёва*

Мне пришлось сменить немало квартир, пока я не оказался в Давыдково.

Туда я попал после знакомства с одним выпускником МГИМО, бывшим и на дипломатической работе, но вот приземлившимся после своих взлётов и падений в Москве. Он помог мне снять двухкомнатную квартиру в соседней с ним многоэтажке.

Это в микрорайоне Давыдково, недалеко от интерната.

21

Я помню, как увлёкся ораторским искусством. Я пошёл в кружок чтецов, в котором занятия вела Татьяна Фёдоровна Рябчук – жена одного народного артиста из Театра Советской армии, – и декламация захватила меня. Я выучивал наизусть рассказы Чехова, тогда уже известного Василия Шукшина, стихи военных поэтов и читал их со сцены Домов культуры, на каком-нибудь празднике с помоста на улице, там, куда приглашали чтецов.

За неимением подходящих книг в библиотеке Вышки я ходил в Дом Советской армии. Брал тома с речами Демосфена, Цицерона... Представляете очередь к библиотекарю, стоят гражданские,

Михаил Фёдоров у входа в дом в Давыдково

Слева в очках – Татьяна Фёдоровна Рябчук

подполковники, даже генералы, и среди них слушатель ВКШ в форме курсанта? У нас петлицы были, как у связистов. Все берут книги по военной тематике, изредка художественные, а тут подходит очередь слушателя, и он просит: «Мне речи Цицерона...». Они выходили тогда в «Литературных памятниках».

Какими глазами на меня смотрели те же подполковники, те же генералы, так и желая спросить: «А зачем? Ты что, в ораторы собрался? А где и кому они сейчас нужны?..»

Тогда я занялся своей речью, постановкой голоса, избавлялся от «гыкания», которое «подцепил» в Воронеже, узнал, что такое московское произношение.

Некоторые скороговорки, как, например:

Тридцать три корабля лавировали,
Лавировали и не вылавировали,
И не вылавировали тридцать три корабля, –

до сих пор нет-нет, да и произнесу. И они мнегодились, когда исправлял огрехи в речи одного из моих внуков.

Я тогда наивно полагал, что в стране возможна уличная агитация, что не останутся невостребованными трибуны, какими были тот же Демосфен, Робеспьер, Марат, Ленин... И даже ходил в институт красоты на Арбате и, опустившись в стоматологическое кресло, спрашивал, можно ли удалить горбинку на носу, которая образовалась после травмы в Ленинске и казалась мне неуместной, и объяснял врачу – пластическому хирургу, что это мешает мне именно как оратору. Расскажешь – и самому смешно становится от собственных поступков...

Но, к слову сказать, занятия в кружке чтецов мнегодились позже, когда уже в качестве адвоката выступал в судах, а став писателем, участвовал в передачах на телевидении и на радио, когда как преподаватель читал лекции для студентов. Часто бывает, что освоенное в далёком прошлом вдруг пригодится в будущем. Хотя я не стал Демосфеном, не произносил огненных речей перед толпой, но произносил не менее горячие речи в судах и на встречах и порой чувствовал, как мороз идёт по коже присутствующих и бежит шумок в замирающем зале.

Спасибо тому времени, которое меня забросило и на эту тропу.

Я продолжал учиться в Вышке. Специальные предметы меня не очень захватывали, быть может, потому, что они давались мне легко и вместе с тем имели прикладной характер.

Но больше всего я увлёкся иным. У нас преподавал философию Сергей Николаевич Сумароков, полковник, который окончил МГУ, математический факультет, служил в системе по линии криптографии и вот резко поменял своё поприще и стал преподавать философию. Мне был близок его путь: меня самого тянуло к жизни, интерес к которой никогда не ослабевал, разве что на некоторое время он мог быть

отодвинутым то одним увлечением, то другим. Я потянулся к марксизму-ленинизму и до сих пор высоко ценю это учение и высоко ставлю личности и Маркса, и Энгельса, и Ленина, и их труды. Я и теперь в душе антикапиталист. А диалектический материализм и научный коммунизм для меня не пустые теории. Особенно после того, когда своими глазами увидел, что могут натворить их противники.

*Сергей Николаевич Сумароков с женой
Ириной Ивановной. 2012 год*

Тогда мы с Сергеем Николаевичем вели беседы, часами говорили на разные темы, я восхищался его энциклопедичностью и сам возрастал, как мог. Мне и теперь кажется, что у нас не дотянули с марксизмом, не досмотрели с ленинизмом, проелись червоточинами. Иначе не было бы такого одичания в стране в последние почти тридцать лет.

Я часто ходил на вечера, которые проводились у нас в Вышке, в Центральном клубе КГБ на Дзержинке. Помню, как познакомился с Мариной, – она жила на метро «Фрунзенская», – как у нас что-то не сошлось, и только потом я узнал причину размолвки. «Ты же сказал, что тебе рано жениться», – это были её слова. Она, видимо, собиралась замуж, а я никак не решался заговорить об этом. Помню девушку на «Белорусской», которой сдуру сказал, что люблю её, а она со слезами на глазах всё выпрашивала: «Правда? Правда?..» Была ещё и другая Марина – тогда, когда я ещё квартировал у полковника в Чертаново. Марина жила на станции метро «Аэропорт». И ударила же мне в голову моча – поехал к ней на свидание в форме полковника! Надел шинель хозяина квартиры, хотел поразить. Как на меня

глядели в метро: «Это что за полковник?» – а я мысленно отвечал: «Космонавт». Ведь бывали же очень молодые полковники-космонавты! Марина этого не оценила, холодно встретила и холодно проводила, а меня на обратном пути замела милиция, и был скандал в Вышке. Но всё замаяли, а мой «хадж» в полковничьей шинели отнесли к тому, что слушатель Фёдоров перезанимался.

22

Со своим будущим мужем Анатолием Павловым сестра Алла познакомилась на вечере на Дзержинке, куда я её привёл. Толик хорошо танцевал, у них сразу всё понеслось к свадьбе.

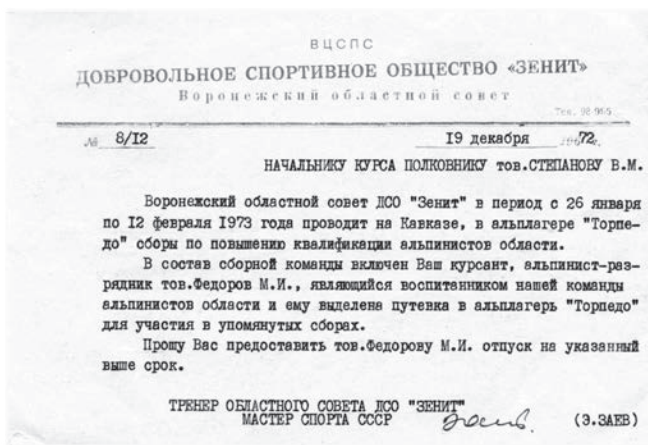
Анатолий и Алла в Гурзуфе

Свадьбу сыграли в зеркальном зале ресторана гостиницы на станции метро «Динамо». Было много цветов, музыки, гостей. Толик был счастлив. Потом они зажили у него на Шабаловке – там была комната его бабушки. Но Алле не очень-то нравился капитан, ей хотелось чего-то большего. Тем более что она не теряла дружбы с другими своими поклонниками, которые, как мухи, липли к молодой девице. Среди них были люди на несколько чинов старше её мужа, но,

правда, и старше по возрасту. Был и медик-грузин – доктор наук, устроивший её на работу в институт в Москве.

Домой в Воронеж я заезжал летом, проездом куда-нибудь в альплагерь, зимой – тоже проездом – на тот же Кавказ в Приэльбрусье, Цейское ущелье покататься на горных лыжах. Мне папа постоянно организовывал отдых.

Так я учился в ВКШ.

Запрос о направлении в альплагерь

Слушатель Фёдоров на отдыхе

Родители меня познакомили с семьёй генерала Гончарова, в недавнем прошлом начальником факультета в Ракетной академии имени Дзержинского. Я часто бывал в гостях в этой семье, чья хозяйка, Роза Михайловна, наполовину армянка, дочь члена-корреспондента Академии сельскохозяйственных наук, всегда тепло принимала меня, смотрела на меня, как на одарённого мальчика. Водила меня в театр, в консерваторию, я бывал у них на даче в Малаховке. Она была мне словно за маму в Москве.

Третья слева - Полина Фёдорова, четвертая Роза Гончарова, справа - Иван Фёдоров в санатории им. Фабрициуса. Сочи, 1972 год

А мама с папой жили в Воронеже. Вскоре они переехали с улицы Космонавтов на улицу Матросова в дом номер шесть, квартиру восемьдесят восемь. В одном доме с нами, через два подъезда, в квартире сорок шесть, поселились приехавшие из Магнитогорска дедушка Фёдор Корнеевич и бабушка Агафья Андреевна. Им на старости лет стало тяжело вести хозяйство в Магнитке, да и воздух, пропитанный «сульфиткой» (так в народе называли запахи от металлургического комбината), отрицательно сказывался на их здоровье.

Мне памятливы разговоры с дедушкой, который обладал незаурядным умом.

Он спрашивал: «Почему летают космонавты?..» – Я отвечал, ведь ещё в интернате прошёл курс по этой дисциплине. – «Что такое гравитация?.. – интересовался он. – Как можно долететь до Луны?»

Слева Фёдор Корнеевич и Агафья Андреевна у своего подъезда дома № 6 по улице Матросова в Воронеже. Справа Иван Фёдорович

Вопросы дедушки меня убеждали в том, как пытливы умом люди из глубинки. И снова я восхищался академиком Андреем Николаевичем Колмогоровым, трудами которого был создан интернат при МГУ для возвращения одарённых детей из провинции; Борисом Борисовичем Буховцевым, который в ущерб своей работе на физфаке МГУ преподавал интернатовцам... Много подвижников было в ту пору.

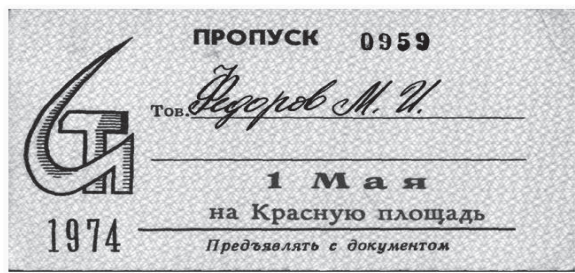
Что ещё памятно с той поры? Как мы стояли в оцеплении на Красной площади на всех государственных мероприятиях, и я видел лидеров нашей и других стран. Где бы ещё я мог заговорить с маршалом Советского Союза Баграмяном, как не на площади во время парада! С космонавтом Береговым...

Мне не забыть, как я выступал на общекомитетской комсомольской конференции в Центральном клубе КГБ. Выступал от имени Высшей школы госбезопасности, и мой голос постепенно наливался металлом, отчего зал пробуждался от обычной в таком случае скуки, а потом прорывался аплодисментами.

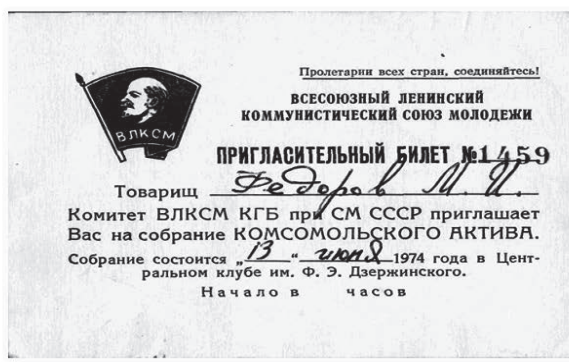
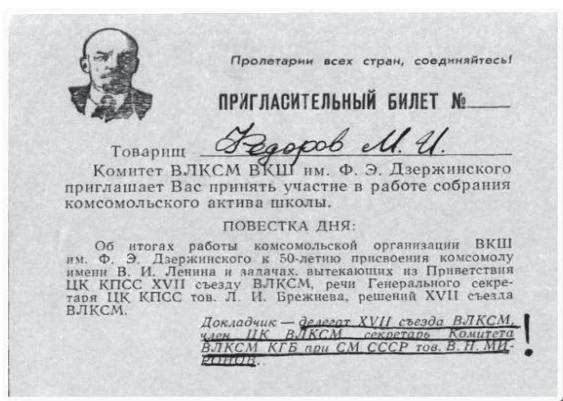
Помню, как плавал в бассейне на том месте, где раньше был и теперь восстановлен Храм Христа Спасителя... Как гулял по Ленинским горам, непринуждённо рассуждая на любые темы.

Как я теперь понимаю, я стал невольным участником высылки Солженицына из страны. Хотя каким участником, когда я толком не знал,

Пропуски слушателя Фёдорова на Красную площадь

Приглашения слушателя Фёдорова на собрания комсомольского актива

с какой целью сижу в автобусе, где собрали слушателей Вышки и держали в резерве? Но резерв не понадобился. За Александром Солженицыным не кинулись толпы людей. Это на Западе его встречали, толкая друг друга, с рукоплесканиями.

Но даже в самом страшном сне я не мог подумать, что через двадцать лет монумент Феликса Дзержинского поднимут за шею и удалят с Лубянки, и он найдёт себе приют, лёжа на земле за выставочным залом.

23

А что в то время мои родственники?

Папа с мамой жили и трудились в Воронеже. Папа – в Конструкторском бюро химавтоматики, мама – в тресте «Юговостокэлектромонтаж». У меня сохранились награды, полученные папой после увольнения с военной службы – орден, медали. В тексте награждения орденом написано, что он вручается «за храбрость,

стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Удостоверение о награждении Фёдорова Ивана Фёдоровича медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»

Удостоверение о награждении полковника
Фёдорова Ивана Фёдоровича медалью
«Тридцать лет Победы в Великой
Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Удостоверение о награждении
Фёдорова Ивана Фёдоровича
орденом Отечественной войны II степени

Удостоверение о награждении полковника
Фёдорова Ивана Фёдоровича медалью
«Ветеран Вооруженных сил СССР»

Удостоверение о награждении полковника
Фёдорова Ивана Фёдоровича медалью
«60 лет Вооруженных сил СССР»

Я уже говорил, что в 1973 году Михаил Михайлович Стрекаловский с бабусей Любой ездили на Байкал.

Михаил Михайлович потом рассказывал: «Большое Голоустное произвело гнетущее впечатление на бабусю Любу. Когда подплывали, она стала такой испуганной: “Где же, где же деревня? Деревни-то нет...”

Деревня простиралась вдоль берега. А Байкал подняли. Жителям заплатили деньги, оценили все строения и – как хотите, но уезжайте. Байкал поднялся из-за Иркутской ГЭС, поднялся на метр. Ангара стала гораздо шире. И всю деревню отнесли от берега и повернули перпендикулярно к берегу. То деревня была вдоль берега, а тут отнесли и перпендикулярно. Прямо под гору.

Когда вышли на берег, бабуся спросила: “Где Духовников живёт?” – “Да вот его дом...” Первый к берегу из оставшихся домов оказался домом Духовниковых, крестного моего отца. Это по старым временам большая родня. Бабуся с ним переписывалась много лет. Зашли во двор. Она: “Кум?” Тот сразу признал её, она – его.

В Большом Голоустном осталось дворов пятьдесят. Река Голоустная. Там лес рубят, возят теперь лесовозами по дороге. Церковь разрушили, когда переносили деревню. В ней крестили меня и Полину. Остались одни остовы.

Бабуся захотела поискать наше серебро – “ложки-вилки”, которые спрятали перед коллективизацией. Но где их искать? Нашли надгробие. Мрамор обточенный. Он лежал. Я его сфотографировал. На нём: “Стрекаловский

Иван Михайлович...» Мой прадед. Твой прапрадед. Его очень уважали местные жители, раз похоронили в церковной ограде».

Прорыв к семейной старине, который совершил дядя Миша в свои сорок два года, я пытаюсь осуществить в свои за шестьдесят.

У Аллы что-то не очень ладилось с Анатолием. Этому, может быть, способствовало то, что у него нашли опухоль в голове, и она теперь боялась иметь от него детей с такой наследственностью. Она мне об этом говорила, спрашивая совета, как поступить. И сама решала: «После операции разведусь». Но видимо, не только опухоль, которую удачно удалили, была причиной её желаний развестись.

На Урале в Магнитке подрастали дети сестры папы Марии Фёдоровны – Борис, Таня и Дима. Боря поехал учиться в Киев, Дима – в Москву, Таня окончила консерваторию. Со временем дети пристраивались.

Что касается более дальней родни, я с ними ни с кем связи не поддерживал. Хотя, как теперь знаю, папа никого не забывал, ездил на Дон в Морозовск и их проводывал. Знаю, что и мама не упускала случая повидаться со своими родственниками.

Мухаммед Галиевич и Екатерина Михайловна

Её двоюродная сестра Екатерина Михайловна Караваяева работала в Министерстве химической промышленности и жила в Москве в Тушино. Я у неё часто бывал и ночевал. С её мужем Мухаммедом Галиевичем Мухамедзяновым у меня сложились тёплые отношения. Он был директором завода, и много дельных советов я получил от этого человека.

Продолжение следует

Примечания:

1. Большое Голоустное – поселок на западном берегу озера Байкал, основанный в XVII веке. Его история связана с водным торговым путем между Россией и Китаем. Суда из Иркутска добирались до дельты реки Идин-Гол по Ангаре и Байкалу и уже отсюда пересекали Байкал, чтобы попасть в дельту реки Селенга. Для кораблей был построен специальный причал, возле которого со временем был возведен поселок.
2. Михаил Михайлович Стрекаловский (родился 13 марта 1930 года в с. Большое Голоустное Слюдянского района Иркутской области, умер 12 июля 2016 года в городе Челябинске), металлург, кандидат металлургических наук. Учился в Магнитогорске, где долгое время жил и работал, а потом переехал в Челябинск.
3. Каппелевцы – во время Гражданской войны белогвардейские части под командованием генерала Каппеля. Когда в Иркутске был арестован главнокомандующий Колчак, каппелевцы пытались его освободить, но после расстрела Колчака 7 февраля 1920 года обошли Иркутск и направились в село Большое Голоустное, где в середине февраля 1920 года численностью 30-35 тысяч человек перешли Байкал и отправились в Читу.
4. Михаил Георгиевич Стрекаловский (1903 – 9 февраля 1941) родился в с. Большое Голоустное на Байкале. Геолог. Отец Аполлинии Михайловны Фёдоровой (в девич. Стрекаловской), моей мамы. Работал на строительстве Магнитогорского металлургического комбината с 1930 года. В 1936 году открыл Кичигинское месторождение формовочных песков, которыми снабжался Челябинский тракторный завод, Уралвагонзавод, Златоустовский металлургический завод и ряд других предприятий.
5. Любовь Григорьевна Стрекаловская, в девич. Устьянцева (родилась 24 января 1902 года – умерла 9 октября 1984 года), мама Аполлинии Михайловны и Стрекаловского Михаила Михайловича и моя бабушка. Работала секретарем-машинисткой в автомобильном цехе Магнитогорского металлургического комбината. Похоронена на Градском кладбище в городе Челябинске.
6. Аполлиния Михайловна Фёдорова, в девич. Стрекаловская (родилась 17 января 1924 года в селе Большое Голоустное – умерла 31 июля 2016 года в Москве). Это моя мама. Училась в Магнитогорске, в Ленинграде. Окончила Магнитогорский горнометаллургический институт. Ездил с семьей по военным гарнизонам. После приезда в Воронеж работала главным инженером Управления производственно-технической комплектации треста «Огювостокэлектромонтаж». Похоронена на Перепечинском кладбище в Солнечногорском районе Московской области (участок 6с, захоронение № 5400).
7. Екатерина Михайловна Караваяева, двоюродная сестра моей мамы. Воспитывалась в семье Стрекаловских, училась в Ленинграде, работала в Казани и в Москве.
8. Иван – старший брат.

9. Имеется в виду Любовь Григорьевна.
10. В августе 1931 года в районе элеватора в бараке была открыта школа №5 первой ступени. Она занимала три комнаты на первом этаже деревянного здания. Дети учились в три смены. В марте 1934 начальная школа была реорганизована в фабрично-заводскую семилетку. Школа заняла двухэтажное здание. Весной 1936 учащихся перевели в фабрично-заводскую семилетку номер 42. Здание школы было отдано под жилье работникам элеватора. К началу 1937 была построена четырехэтажная школа по улице Кирова в центре Магнитогорска. Фасадом она была обращена к комбинату, рядом находился горком партии и горисполком, кинотеатр «Магнит», цирк, парк металлургов. В школу были переведены 8-10 классы из 14 школы, 5-7 классы из 13 школы. В этот период в школе работали прекрасные учителя, в том числе Левицкая Марфа Павловна – учитель математики, Домрачева Екатерина Евгеньевна – учитель литературы, заслуженный учитель РСФСР.
11. У Фёдора Романовича Жука были сыновья – Гавриил и Логвин. Они были революционерами. Гавриил вёл антивоенную пропаганду, будучи большевиком-агитатором в годы Первой мировой войны. Его трёх сыновей унесла Вторая мировая война. До конца своих дней он оставался председателем сельского совета одного из сёл Казахстана. В 60-е годы его настигла пуля, посланная из далёкого прошлого. Видимо, ему кто-то отомстил. Другой сын Фёдора, Логвин Жук, младший брат Гавриила Фёдоровича, был талантливым сельским мальчиком, ему прочили большое будущее. Но он поступил в военное училище, а в июле 1918 года, будучи командиром роты, погиб, устанавливая Советскую власть в Латвии.
12. Вознесенский – хутор в Морозовском районе Ростовской области. Находится недалеко от автомобильной трассы Волгоград-Донецк.
13. Село Викторовка основано в 1903 году. Расположено на правом берегу реки Аят в 36 километрах к северу от города Лисаковск, в 95 километрах на юго-запад от областного центра города Костанай, в 18 километрах к северу от ближайшей железнодорожной станции Тобол. Административный центр Тарановского района Костанайской области Казахстана. В 1968 году было переименовано в Тарановское в честь героя гражданской войны и активного участника борьбы за установление советской власти в Костанайе Лаврентия Тарана.
14. Агафья Андреевна Заднеулица (в девич. Жук) (15 июня 1894 года – 10 декабря 1974 года), моя бабушка по папе. Жила в Казахстане, в Магнитогорске, последние годы в Воронеже в доме номер 6 квартире номер 46 по улице Матросова. Похоронена на Юго-Западном кладбище города Воронежа. Квартал 17.
15. Фёдор Корнеевич Заднеулица (24 декабря 1895-1985) родился в селе Колотвенец Тарасовского района Ростовской области. Воевал в гражданскую войну в Туркестане в войсках Фрунзе. После войны работал на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. После ухода на пенсию переехал с женой Агафьей Андреевной в Воронеж и жил в квартире 46 дома 6 по улице Матросова города Воронежа. В конце жизни уехал в Магнитогорск, где и похоронен.
16. Верный – так до 1921 года называлась Алма-Ата.
17. Иван Фёдорович Фёдоров (до июля 1958 года Заднеулицын) (12 октября 1919 (по документам 1918) года – 13 марта 1985 года) родился в селе Викторовке Тарановского района Кустанайской области. Учился в школе номер 9 Магнитогорска. В 1939 году окончил Магнитогорский государственный учительский институт. Работал учителем физики и математики. 15 декабря 1940 года призван в армию Магнитогорским горвоенкоматом. Участник Финской, Великой Отечественной войны. Награжден орденами и медалями. После войны служил в Советской армии. В 1968 году уволился со своего последнего места службы на Байконуре. Жил в Воронеже. Работал в Конструкторском бюро химической автоматики, выпускавшем ракетные двигатели. Потом заместителем начальника автомобильной школы ДОСААФ Воронежской области. Похоронен на Юго-Западном кладбище города Воронежа рядом со своей мамой Агафьей Андреевной. Квартал 17.
18. Евгения Ерофеевна Юрко (по рождению – Евдокия Ерофеевна) родилась 20 октября 1929 года в селе Викторовке Тарановского района Кустанайской области. Проживала в Ростове-на-Дону.
19. 1 сентября 1931 года на левом берегу Магнитогорска на горе Ежовке открылась одна из первых пяти школ города номер 9. Это была фабрично-заводская семилетка. В 1934 году в ней открылись три десятых класса, и она стала средней школой. В 1946 году переместилась на правобережную часть Магнитогорска.
20. 20 августа 1932 года решением Коллегии Народного Комиссариата РСФСР был создан Магнитогорский вечерний педагогический институт, включающий в себя отделения: русского языка и литературы, математическое, химическое, физическое, экономическое и историческое. В 1934 году вуз преобразован в дневной двухгодичный учительский институт с тремя отделениями: физико-математическим, историческим, русского языка и литературы. В 1937 году на его базе было открыто заочное отделение, а в 1938 году – четырехгодичный дневной педагогический университет с тремя факультетами: физико-математическим, историческим, русского языка и литературы. С 1938 года вуз функционировал как Магнитогорский государственный педагогический институт.
21. В 1931 году в бараке для детей первых строителей Магнитки открылась семилетняя школа номер 8. В 1937 году она переехала в новое четырехэтажное здание на улице Маяковского и была реорганизована из начальной в среднюю, рассчитанную на восемьсот учеников.

22. ЦАМО, ф. 204, опись 103, ед. хр. 88, л. 1, 2, 3.
23. ЦАМО, ф. 204, оп. 103, ед. хр. 93, л. 1, 4.
24. ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, ед. хр. 890.
25. 191-я стрелковая дивизия сформирована в Ленинградском военном округе в марте 1941 года. С августа 1941 года задействована в боях за Кингисепп, в районе Елагино, в контрударе на Красное Село. В октябре 1941 года судами Балтийского флота и Ладожской военной флотилии переброшена на восточный берег Ладожского озера. К концу октября 1941 года сосредоточилась в сорока километрах юго-западнее Тихвина. В ноябре 1941 года перешла в наступление и продвинулась к северной окраине Тихвина, в декабре вплотную подошла к Тихвину и в ночь на 9 декабря выбила противника из города. В феврале 1942 года дивизия направлялась в тыл противника для захвата посёлка и станции Померанье в 5 километрах юго-восточнее Любани. Дивизия сосредоточилась в лесу, скрытно перешла линию фронта, углубилась в лес, но при выходе из леса была обнаружена самолётом-разведчиком, который навёл на дивизию артиллерию противника. Дивизия отошла в лес, вышла из окружения с большими потерями. В составе войск Волховского фронта действовала в Любанском выступе. Участвовала в операции по выводу из окружения 2-й ударной армии. В ходе операции по прорыву блокады Ленинграда вела бои под Синявино.
26. 364-я стрелковая дивизия сформирована с 28 августа по 15 октября 1941 года на территории Омской области Сибирского военного округа. В декабре 1942 соединение было направлено на Волховский фронт, где приняло участие в наступательной операции «Искра» с 14 по 30 января 1943 года, затем продолжала занимать оборону на внешнем фронте Ленинградской блокады и также участвовала во Мгинской наступательной операции с 22 июля по 22 августа 1943 года.
27. Приказ 97 от 08.10.43 года по войскам Волховского фронта. ЦАМО, ф. 33, опись 686044, ед. хр. 890.
28. ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, ед. хр. 7570.
29. ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, ед. хр. 7570.
30. ЦАМО, ф. 214, оп. 1476, ед. хр. 358 лист 1.
31. Видимо, имели в виду яркую блондинку, которую прочили в невесты Ивану, – об этом я узнал от дяди Миши.
32. Евгения Ерофеевна считала, что если бы мама не вышла замуж, ей пришлось бы ехать по распределению на завод в Казахстан.
33. Ивановский Георгий Васильевич. Родился 9 ноября 1919 года в городе Ржеве Тверской губернии. Трудовую деятельность начал в 1934 году токарем, затем работал мастером механического цеха на фабрике им. Ворошилова в городе Ржеве. Избирался секретарем комсомольской организации этого предприятия. В 1938 году по командировке ЦК ВЛКСМ и призыву Героя Советского Союза И.Д. Папанина уехал на Север. В городе Мурманске работал комсоргом ЦК ВЛКСМ на строительстве завода Главсевморпути, первым секретарем Ленинского РК ВЛКСМ. С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Окончил училище лейтенантов, командовал минометной батареей на Калининском и Сталинградском фронтах, был тяжело ранен. В 1946 году окончил Центральную комсомольскую школу при Центральном комитете ВЛКСМ в Москве и был направлен секретарем областного комитета ВЛКСМ по пропаганде в Крым. В 1947-1949 гг. – первый секретарь Крымского областного комитета ВЛКСМ, член, кандидат в члены бюро Крымского областного комитета партии. Стал жертвой так называемого «Ленинградского дела», в связи с чем был выведен из членов обкома партии, из кандидатов в члены бюро обкома. Впоследствии в течение ряда лет работал в Мурманской области первым секретарем Кировского районного комитета ВЛКСМ. В 1956-1960 гг. окончил Ленинградскую Высшую партийную школу. Вернувшись в Крым в 1963 году, работал в аппарате Крымского промышленного обкома КПСС. В 1964-1982 гг. – начальник Крымского областного управления культуры.
34. Таврический военный округ образован в июле 1945 г. – упразднён в 1956 г.
35. Наташа – она жила с отцом в Симферополе.
36. Видимо, он был накануне тех событий.
37. Осенью-зимой 1959 года в сосновом бору, расположенном в 15 километрах от Себежа, недалеко от границы с Латвией и Белоруссией, началось строительство объектов воинской части. Она относилась к 12-му Главному управлению МО СССР, в ней предполагалось использовать ядерные боеприпасы. В 1960 году в городке начали работать детский сад и начальная школа. На базе начальной школы в 1962 году была создана 156 средняя школа. 1963 год ознаменован формированием отделов ИТС, военного госпиталя, началом формирования железнодорожной базы. В 1964 году сформированы первые отделы, приняты и подготовлены к эксплуатации четыре сооружения и начала поступать боевая техника. Построено здание военного госпиталя. В течение 1965 года создан еще один отдел ИТС, часть приступила к техническому руководству закрепленными частями в войсках, закончен ввод в строй основных объектов жизнеобеспечения, в школе состоялся первый выпуск десятиклассников. В те времена из соображений секретности все жители имели пропуск в городе Себеж, а школа числилась московской, то есть по документам школьники жили в Себеже, а учились в Москве и аттестаты получали московские. Информация с сайта <https://starcom68.livejournal.com/1745599.html>
38. Был такой мой одногодка.
39. Всю жизнь жена Бабкина была прикована к постели и была ещё жива во время моего посещения в 2009 году.
40. Виктор Петрович – это имя Бабкина.
41. От строителей – это как раз мой папа.

42. От заказчика.
43. От заказчика.
44. Под Верхней Салдой с 1960 года велось строительство инженерно-технических сооружений для 42-й ракетной (теперь Тагильской) дивизии. Строились подъездные пути и жилые помещения. Дивизия сформирована 1 декабря 1960 года. 31 октября 1961 года первые стартовые дивизионы заступили на боевое дежурство, имея на вооружении межконтинентальные баллистические ракеты.
45. Владимир Михайлович Вишенков (15 мая 1922 – 9 марта 2003). Герой Советского Союза (1944 год), генерал-полковник. В Великую Отечественную войну совершил 257 боевых вылетов. Четыре раза был подбит. С 1965 по 1968 гг. служил комдивом ракетной дивизии под Нижним Тагилом. Продолжая службу, командовал корпусом, армией. Затем начальник Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения, первый заместитель главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения.
46. 13-я ракетная Оренбургская дивизия сформирована в феврале 1965 года. Штаб находился в поселке Домбаровка Оренбургской области. Ее формирование началось во Владимире, к августу 1964 года была передислоцирована в п. Домбаровка. В кратчайшие сроки развертываются боевые ракетные комплексы, строятся жилой городок дивизии и объекты соцкультбыта.
47. Борис Борисович Буховцев (4 августа 1925 – 1987). Родился в Москве, в 1941 году окончил 8 классов средней школы № 327. С февраля 1942 года до мая 1943 года работал токарем на заводе «Красный пролетарий». В мае 1943 года призван в армию и до окончания Великой Отечественной войны воевал в составе 324-го гвардейского минометного полка. Демобилизовался в 1948 году, работал в НИИ рентгенологии и радиологии, одновременно учился в школе рабочей молодежи. В 1949 году поступил на физический факультет Московского государственного университета, который с отличием окончил в 1954 году. Работал в МГУ ассистентом, старшим преподавателем, в 1974 году защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента. Им написаны учебники по физике для 9 и 10 классов, которые в 1970-х – 1980-х годах переведены на языки всех республик бывшего Советского Союза и на пять иностранных языков. Учебник для 9 класса переиздавался одиннадцать раз, для 10 класса – четыре раза. Он автор учебника «Физика. Механика» для 8 класса.
48. Андрей Николаевич Колмогоров (12 (25) апреля 1903 – 20 октября 1987), крупнейший математик XX века. Один из основоположников теории вероятностей, им получены фундаментальные результаты в топологии, геометрии, математической логике, классической механике, теории турбулентности, теории сложности алгоритмов, теории информации, теории функций, теории тригонометрических рядов, функциональном анализе и в ряде других областей математики. Степень доктора физико-математических наук Колмогорову была присвоена в 1935 году без защиты диссертации. В 1939 году в возрасте 35 лет Колмогорова, минуя звание члена-корреспондента Академии наук СССР, избирают действительным ее членом. Профессор Московского государственного университета (с 1931 года). Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии. Одним из сокровенных желаний Андрея Николаевича было привлечение к научному творчеству детей, живущих вдалеке от ведущих научных центров. Для этого им в 1963 году была основана школа-интернат при МГУ, где он преподавал.
49. Сергей Борисович Гашков 25 сентября 1954 года родился в семье офицера. С детства увлекался математикой. В 1969 году поступил в физико-математическую школу-интернат № 18 имени А.Н. Колмогорова при МГУ. В 1976 году окончил механико-математический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. С 1973 по 1976 год и с 1980 года – преподавал математику в физико-математической школе-интернате № 18 имени А.Н. Колмогорова при МГУ. В 1979 году стал кандидатом физико-математических наук. В 1992 году стал доктором физико-математических наук. Профессор кафедры дискретной математики.
50. Мои одноклассники по спецшколе-интернату Дымшаков Володя окончил физфак МГУ и аспирантуру, работал под Москвой; Гашков Сергей окончил мехмат МГУ, защитил докторскую, профессор на мехмате; Долгов Виктор поступил на физфак МГУ, но с 4 курса перешел в другой вуз; Морозова Наташа окончила МИЭТ, живет в Зеленограде; Тиханина Ирина окончила мехмат МГУ; Воронин Володя окончил факультет вычислительной математики МГУ, там работал; Кондратков Саша окончил физфак МГУ, защитил кандидатскую, жил в Липецке; Курлаев Александр окончил МФТИ; Трубицин Толик окончил мехмат МГУ, жил в Арзамасе; Кудрин Саша подался в ВКШ КГБ; Обухов Володя окончил факультет вычислительной математики МГУ; Ситенко Светлана окончила мехмат МГУ; Фирсова Таня окончила мехмат МГУ, живет в Москве; Ильин Сергей окончил физфак МГУ, живет в Арзамасе; Горбунов Олег вернулся в Ярославль; Золотов Владимир окончил МИЭТ, живет и трудится в Америке; Додонов окончил физфак МГУ, защитился, живет в Истре; Аптекарев Саша окончил физфак МГУ, член-корреспондент АН, директор института прикладной математики им. Келдыша; Махнащекова Галя – нет сведений; Саксонов Михаил окончил Московский институт связи, работал за границей; Ермилов Саша окончил физфак МГУ, там работал; Родионов Саша окончил МИФИ или МФТИ.

